

Альманах

Сборник произведений поэтов и писателей,
окончивших Пермский университет

Том 4

В сборнике представлены поэтические и прозаические произведения выпускников Пермского университета. Некоторые выпускники – состоявшиеся авторы, известные писатели и поэты, а произведения некоторых можно увидеть только в их записных книжках. Сборник включает лишь малую часть тех трудов, что создали выпускники.

Произведения публикуются в авторской редакции

Составители:

*Светлана Борисовна Караваева
Наталья Валерьевна Клепиковская*

Редакционная коллегия:

*Татьяна Александровна Абасова,
директор издательского центра ПГНИУ «Perm University Press»*

*Ольга Олеговна Данилова,
директор издательства «Титул»,*

*Светлана Борисовна Караваева,
секретарь деканата филологического факультета*

*Наталья Валерьевна Клепиковская,
исполнительный директор ПРОО «Содружество выпускников»*

*Борис Вадимович Кондаков,
доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета*

*Борис Михайлович Проскурнин,
доктор филологических наук, профессор,
декан факультета современных языков и литератур*

*Борис Александрович Эренбург,
издатель, исполнительный директор фестиваля «Компрос»*

*Корректор Н. М. Караваева
Компьютерная верстка Н. М. Караваева*

© Пермский государственный
национальный исследовательский университет, 2019
© Содружество выпускников Пермского университета, 2019

Содержание

Сергей Николаевич Андрейчиков	4
Даниил Алексеевич Буланкин.....	10
Соломон Яковлевич Гусман.....	15
Диана Игоревна Мясникова и Владимир Иванович Качуровский	26
Мария Павловна Котюрова	35
Григорий Маркович Крылов	53
Михаил Юрьевич Ларкин.....	81
Людмила Фёдоровна Лискова.....	86
Анна Александровна Моисеева	95
Алексей Григорьевич Прохоров	100
Валентин Владимирович Рябинин	109
Евгений Саулович Сапиро.....	129
Рита Соломоновна Спивак	133
Александр Сергеевич Шкляев	142
Ирина Николаевна Эренбург	167

Сергей Николаевич Андрейчиков

Учился в ПГУ с 1979 по 1985 год на филологическом факультете.
Член Союза писателей России. Профессиональный художник-дизайнер.

ФРАНСУА ВИЙОН

Короткая сцена

Жак:

Ты со вчерашнего свихнулся, Фрасуа.
Осёл на конное собрался состязанье.
Ей-богу, черти в наказание
Нам на пути поставили Блуа.

Вийон:

Жак, не ворчи – победа не важна.
Но, может быть, у герцога найдём приюта.

Жак:

Ну, как же – угостили плута,
Да вместо плахи поднесли вина!
А что? Глядишь, запишут в книги,
Печатной удостоишься строки.
Стихи без книг – что пальцы без руки:
Ни кулака не сделаешь, ни фиги.
А впрочем, все поэты – дураки.

Вийон:

Тогда крупней тебя не сыщешь идиота.

Жак:

Пусть сдохну я, как старая собака,
Но никогда стихи бродяги Жака
Не ублажали жирные мозги.

Вийон:

Жак! Ты для бога злость побереги,
Но не касайся Франсуа Вийона.

Жак:

Да ладно, не сердись.
Предчувствия гнетут.
Бродяга победит – вельможи предадут.
Подлее не встречал народа.
Да, Франсуа! Ведь бедность – это свинство,
Но в ней есть развлечение одно:
С желудком испытать единство,
Когда в глазах от голода темно.

Вийон:

Зато в богатстве не найдёшь предела.
А бедность – вот она – предел.
Душа отдельно и отдельно тело.

Жак:

Постой... да, кажется, трактир.
Затылком чувствую – нас ждёт пожива.
(Заходят в трактир)

Жак (громко):

Трактирщик! Эй, вина нам живо!
И на еду не прочь мы подналечь.

Трактирщик:

Отменную я слышу речь.
А как у рыцарей насчёт монет?

Жак:

Чего? Такого не было и нет.
Но публику сумел бы я развлечь.
(громко)
Почтенные! Вы б только захотели.
Ещё не всех передушили менестрелей.
(В трактире оживление)

Трактирщик:

Ладно, заходи. А кто с тобой?

Жак:

А это – Франсуа! Он гений-стихоплёт.

Но песен, к сожалению не поёт.

Трактирщик (Вийону):

Так вы в Блуа? На состязание поэтов?

Тяжёлое, должно быть, ремесло.

Вийон:

Крест не тяжёл. Да натирает шею.

(Они усаживаются. Им приносят вино, еду. Жак берёт лютню и поёт.)

Жак:

Помани меня ножкой, красotka.

Поцелую я губки твои.

Помани меня ножкой, красotka.

Поцелую лишь губки твои.

Помани меня станом своим,

Поцелую твоё лицо.

Подарю золотое кольцо,

Помани меня станом своим.

Ты руками меня помани,

Поцелую твои глаза,

Зацелую твои глаза,

Ты руками меня помани.

Ты другую, дружок обмани.

Ты другую, дружок, обмани.

Только ножкой тебя помани,

Ты увидишь и груди мои,

Знаю, хочешь ты их целовать.

Ты другую, дружок, обмани.

(В трактире поднимается веселье.)

Голоса:

Ещё ему вина!

Хорошо!

Давай ещё, чего-нибудь покрепче!

Жак:

Хей! Хей! Спою, и не одну,

Когда певца я в животе заткну

Куском говядины. Вот истинный талант,

Да только голос хриплый.

(Все смеются. В это время к Вийону подсаживается рыжеволосая женщина.)

Женщина:

Кто ты? Я долго на тебя уже смотрю.

Вийон:

Я – пьяный демон, только и всего.

А ты, как видно, перьями торгуешь
Из своего хвоста. И дорого берёшь?

Женщина:

Я не о том, дружок. Глаза твои знакомы.

Вийон:

Я – Франсуа Вийон. Да честь не велика

Тому, кто знает это имя.

Вон Жаку одному да женщинам с полсотни.

Женщина:

Ты злой.

Вийон:

И жадный.

Женщина:

Я слышала, что ты поэт.

Прочти мне что-нибудь.

Вийон:

Я женщинам читаю лишь в постели.

Постой! Не уходи, побудь!

Я имя назову твоё – Мария.

Мария:

Ты угадал! Ха-ха! Ты угадал, дружок.

Но как?

Вийон:

Не угадал, услышал,

Когда тебя хозяин окликал.

Мария:

Ты странный.

Твои слова как день и ночь разноречивы.

И злы, и добрые.

Вийон:

Ваш герцог, говорят, поэт?

Мария:

О, да. За каждую балладу
Он слугам раздаёт награду:
Немного денег и стакан вина.

Вийон:

Пройдоха! Он состязание поэтов объявил.

Мария:

Я знаю. Но берегись победу одержать.

Вийон:

Мне нечего терять, считай, что выиграл.

Мария:

Как весело с тобой. А хочешь ты детей?

Вийон:

Конечно! От тебя! С десяток!
Мы б их, как выводок, водили за собой
По всем дорогам, до Парижа и обратно.
Во все концы.

Мария:

А чем же их кормить?

Вийон:

Вином!

Мария:

А одевать?

Вийон:

Вот это непонятно.
Но, может, так сойдёт.

Мария:

Может, и сойдёт.
Господь грехи весёлые искупит.

Вийон:

Ну... все один не в силах искупить,
Пусть сотню раз его распяли.

Мария:

Ты некрасиво говоришь о нём.
Он слышит всё, всё видит, знает.

Вийон:

Со мной он неучтиво поступает.
Всё норовит то петлей, то огнём.
(*К ним подходит Жак*)

Жак:

Вот это волосы!.. Эй, Франсуа,
Позволь, у костерка погрею руки.
(*гладит Марию по голове*)

Вийон:

Не упади в костёр.

Жак:

Видишь, там в углу сюда косятся?

Вийон:

Вижу.
(*К ним подходят двое.*)

Первый:

Мари, пойдём со мной.

Вийон:

Оставь её! (*хватает нож*)
(*Начинается драка. Жак орудует лютней. Оба выбегают из трактира.*)

Первый:

Проклятье! Голова гудит. Ох, я несчастный.
Похмелье да ещё такой удар...

Второй:

Что ты кряхтишь?

Первый:

Разбили голову, гудит!
Опасный лютня инструмент
В руках умелых.

Сентябрь 1980 г.

Даниил Алексеевич Буланкин

выпускник филологического факультета

– Родился в Перми в 1998. Прозу пишу с 6 лет, до стихов добрался лишь в 15. Сначала это были песни. С 2015 года выкладываю своё поэтическое творчество в интернет. Выступаю с 2017. Участник двух фестивалей поэзии, организатор одного из них.

Раз, я смотрю и
Что-то взорвалось в духовке,
Не надевай свои огромные кроссовки,
Выглядишь так, как будто только с потасовки,
В крови твой нож, лицо и руки все в татуировках.

Раз, я смотрю и...
Кто-то за окном забыл аккорды,
За нас забыл заполнить документы Гермес Конрад,
А ты кричишь, видать, забыл ты взять с собой намордник,
На стенке, как я говорил когда-то, пейзаж горный.

Раз, я смотрю и
Чирий вскрылся быстро.
На запах мяса уж бегут со всюду крысы,
Священник в церкви пять детей сегодня крестит,
А я забыл, куда я дел свой старый крестик.

Раз, я смотрю и
Кажется мне будто мало.
Мне мало этих серий в жизни сериале,
В которых каждый день гробы на пару мы копали,
И хэппи-энда нету, плохо кончится финал.

На пятнадцать процентов
Состоишь ты из соли,
Ещё двадцать процентов –
Это сила и воля.
Ровно десять процентов –

Твоё глупое горе,
Остается лишь пять –
Осознание доли.

Двадцать процентов –
Твои попытки выжить,
Десять процентов –
Злость и ярость с кринжем.
Ещё пять из кусочков –
Ум твой, признанный грыжей,

Ещё десять осталось –
Сквозь артерии брызжут,
А ещё пять последних –
Это то, что не вышло.

Все твои сто процентов –
Для других девяносто.
Для кого-то пятнадцать,
Для кого-то нет ГОСТа.

Розы в твоём доме пахнут ладаном.
Розы в твоём доме пахнут нежностью.
Розы пахнут ночью в Баден-Бадене,
У меня же табаком и серостью.

В моём доме всё пропахло сыростью,
Даже розы пахнут соком слез моих,
Табаком всё пахнет, смертью трезвости,
Смертью памяти о розах и о нас двоих.

Не печалься, Василиса, мы тут не одни.
Не печалься ночью темной среди этих стен.
Не пугайся, монстров нету, все ушли в те дни,
Не пугайся, посмотри ты, это просто плен.

Не пугайся, монстров нету, все давно в тебе,
Нт пугайся, ты спасешься в этой темноте.
Ты не думай, не забудешь всё ты в той стрельбе,
Что устроила по монстрам в этой суете.

Не печалься, Василиса, мы уже одни.
Нет чудовищ у тебя, и не будет их.
Не печалься, Василиса, уж прошли те дни,
Где последний шевелился, он сегодня стих.

Так глупо и безнадежно,
Глупо и безнадежно.
Как глупо звучит имя одной из пони.
Имя – Пинкамина-Диана Пай.

Так глупо и безнадежно,
Глупо и безнадежно,
Как выглядит Революция.
Революционный Китай.

Так глупо и безнадежно,
Глупо и безнадежно.
Таким был и я когда-то,
Глядел на тебя тревожно
Сквозь ограду у комбината.
Детского комбината.
Я гладил через забор кошку,
Так глупо, но осторожно,
Глупо, но осторожно.

Так глупо и безнадежно,
Глупо и безнадежно
Выглядит текст
Очередного стиха или поста.

Так глупо и безнадежно,
Глупо, но осторожно
Пишет картины
Дитя набросков.

Так глупо и безнадежно,
Глупо и безнадежно,
В статусе командира,
Будто бы в клипе Бьёрк,
Будто Гудмундсдоттир.
Будто бы я Сатир.
Играл на флейте тревожно,
Так глупо, но осторожно,
Глупо и безнадежно.

Глупый и безнадежный,
Глупый, но осторожный.

Бродский просил прятаться от расы, вируса,
А твои духи со вкусом ириса,
Именно со вкусом, не с запахом,
Слаще любого вина.

Со вкусом ириса, но с запахом ежевики,
Пахнет, будто плюшевый Микки
Маус. Который, клубничным вкусом
Пропитанный, расходится с прилавков.
Расходится также быстро, как твой парфюм.
Но ты же умнее, так используй ум,
А я буду дальше пить твои духи,
Как старый алкоголик.

Алкоголик, каких мир уже давненько не видывал,
Но мыслю в сотни раз трезвее всех плюс половины.
И в сторону духов я все шагаю гордой поступью,
А запах ежевики в них вкуснее, чем вино.

Вот скажи мне, товарищ Женщина,
Неужели весна снова от нас ушла?
Неужели я и ты настолько зимние?
Неужели всё так плохо с делами?

Так плохо, что не разгребет Гермес Конрад,
А ведь он знатный бюрократ уровня тридцать четыре.
Это вроде как большая цифра, товарищ Женщина,
Меньше, чем сто, но он человек уважаемый.

Безумный взгляд у тебя, товарищ Женщина...
Ты меня немного пугаешь. Не так, чтобы очень,
Но, всё равно, жутко. Будто сколопендры,
Которые забрались прямо в мозг.

Страшно, да? По-моему, довольно жутко.
Жутко, как сказка о том, как колют
Девочки в туалете героин прямо в череп.
Не поверишь, товарищ Женщина, жить стало не по себе.

Вот скажи мне, товарищ Женщина,
В мире, где вдохновленный признается безумным,
Как существовать таким людям, как мы?
В мире, где у нового корыта плачет старуха...

В мире, где школьницы колют себе героин прям в череп?
В мире, где каждая улыбка – это разрез от уха до уха?
В мире, где были солнца, были молоты и серпы, был месяц?
В мире, где я не назову тебя твоим именем, но только – товарищ
Женщина?

Молился на стаю воробьев, летящих на север.
Смотрел, как падают последние листья герберы,
Раскрашивал стены вокруг себя мелом,
Они от мела были все больше белые.

Катились по щекам слезы со вкусом ежевики,
От мертвого давно всё ещё слышны крики,
Следил, как дети во дворе мальчика палкой тыкали,
Пёс жаворонком пел свои страшные рыки.

Растекается стена, раскрашенная мелом,
Ты молился воробьям, летящим на север,
Мертвый мальчик минорно гимны пел,
А дети кидали в него воробьиные перья.

Маленький мальчик, дурак, голову сунул в петлю.
А его папа-старик плюнул и выстрелил в рот.
Сам себе выстрелил в рот, я ничего не кривлю,
Всё так и было, поверь, это любовь их так вот.

Она – их новый Харон. В Тар-Тар она их везет,
Лодку готовя тогда, когда кто-то любить начинает.
Она – садист, всех влюбленных пинает кирзой,
Прямо под дых. Иногда даже сразу летально.

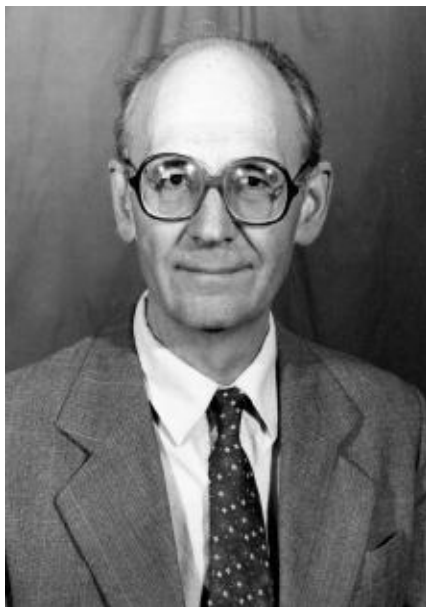
А это ещё одна песня любви.
Просто печальный стих про неё.
Обиженный мальчик писал. Порви.
Его больше нет. Он где-то гниет.

Оно гниет, его вырвет,
Стихами вырвет,
А он вынырнет,
Потом рухнет.

И стухнет.
И стухнет.

Соломон Яковлевич Гусман

выпускник физико-математического факультета 1959 г.

С.Я. Гусман родился 19 февраля 1937 г. Школу он окончил в 1954 г. в г. Кизеле с серебряной медалью и поступил на физмат Молотовского университета, на специальность «Математика». Учился студент Гусман на пятерки, думая при этом не о научной работе, а о том, как бы попасть в число тех, кого готовят для заводов или исследовательских учреждений. Но встреча с Л.И. Волковыским и приобщение к научной работе под его руководством спутала эти планы.

Результаты его дипломной работы появились в журнале «Доклады Академии наук СССР» в виде короткой заметки. Автор этой заметки год поработал учителем физики и математики в Култаевской семилетней школе, а потом был послан в Пермь для перераспределения (в школу приехал опытный учитель) и был оставлен с сентября 1960 г. преподавателем кафедры теории функций ПермГУ. Кандидатскую диссертацию С.Я. Гусман успешно защитил в декабре 1962 г. в г. Ереване.

Соломон Яковлевич преподавал, работал куратором, ездил со студентами в колхоз, писал стихи и басни, которые позже начал читать со сцены, выступая в художественной самодеятельности мехмата.

© Соломон Гусман и все, все, все.../ сост. Г.А. Гусман; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – 160 с.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Cherchez la femme

(Незаконченный перевод с французского)

Жил где-то математик молодой
Ходил в ковбойке, в кедах, с бородой,
Бывало, проведет с утра три пары
И сразу же бежит на семинары,
На доску там глядит во все глаза,
Его вопрос – докладчику гроза.

Зато он сам мог в месяц раз по пять
На разных семинарах выступать.
После доклада шел в читальный зал
И там статьи до вечера читал,
Чтоб не пропал без дела выходной,
Он толстые журналы нес домой.

Но вот однажды он без долгих дум
Купил ботинки, галстук и костюм.
Сбрил бороду... На лекциях зевает,
На семинарах спит... И даже пропускает!
В чем дело? Я скажу причину вам:
Cherchez la femme!

Дон Кихот

Если чужд человеку корыстный расчет,
Если дерзок он, прям и упрям,
Про него говорят: «Дон Кихот, Дон Кихот»,
Часто перст прилагая к вискам.

Дон Кихот, презирая усталость и страх,
Всем обиженным хочет помочь.
Дон Кихот недоволен синицей в руках,
Гонит мысль о спокойствии прочь.

Но прославит, увы, Дульцинею свою
Бедный рыцарь, идущий вперед.
Побежден и осмеян, погибнет в бою
Дон Кихот, Дон Кихот, Дон Кихот.

Только стоя он встретит удары судьбы,
Не согнется под бременем бед
Он для жизни созрел, он созрел для борьбы,
Хоть еще не созрел для побед.
1965 – 1968 гг.

Без женщин жить нельзя на свете

Без женщин жить нельзя на свете,
Тем паче – в университете.
И в НИС, и в РИО, и в спецчасти –
Повсюду мы в их женской власти.

Они в советах заседают,
Студентам лекции читают,

Они и в поле, и в лесу,
И создают в ВЦ АСУ.

Взять курс иного факультета,
Парней – раз, два и больше нету.
И те, чтобы не выделяться,
Давно не ходят подстригаться.
Около 1970 г.

На мотив из Гейне

У голой стены терминал удаленный
С момента наладки стоит.
Грустит он, и ночью, и днем отключенный,
И пылью седой покрыт.

И снится ему, что за сто километров
Под сводом копченых небес
Одна и грустна в вычислительном центре
На дисках сидит ИПС.

Почему верят предсказателям

Затем предсказателям верит народ,
Хоть метод их, в общем, – халтура,
Что их под защиту все время берет
Искусство и литература.

Взять оперу, драму, поэму, роман,
Нигде не покажет писатель,
Что в речи цыганки был лживый обман,
И врал ерунду предсказатель.

Был Пушкин безбожник, прямой человек
С талантом огромнейшей силы
И тоже писал, что вот вещий Олег
Погиб, как предсказано было.

Что Пушкин! Высоцкий – и то говорит,
Что верить гадалщикам надо:
Олег бы поверил – сверхплановый щит
Прибил бы к воротам Цареграда.
1979 – 1983 гг.

Студенческая концертная весна

Пляши и пой без отговорок!
Давно картошка убрана,
И за окном мороз под сорок
И Новый год наступит скоро
А здесь – концертная весна.

Весне и сам я рад, не серую:
Живется с песней веселей,
Но все же хочется порою
Назвать концертною зимою
Межфакультетский конкурс сей.
1982 г.

Летняя сессия

Летняя сессия, солнце сияет
И под лучами студент загорает.
Если сгорит, то обычно потом
Долго и чинно он ходит с «хвостом».
Опыт недаром гласит многолетний:
Прочны «хвосты» после сессии летней.

Осень проходит, зима наступает, –
С ними расстаться студент не желает.
Видно, обычные меры слабы,
Надо устроить неделю борьбы!

По факультету кураторы рыщут,
Тех, что с «хвостами» попрятались, ищут.
Бедных хвостистов, как ящериц, ловят
И отпускают под честное слово.

Знает декан: после Нового года
Хвостики летние выйдут из моды.
Дружно тогда их студенты сдадут,
Новые, зимние, приобретут.
Декабрь 1982 г.

О происхождении праздника 8 Марта

Читал в старинной книге я –
Давно забыто это ныне –
Что дело женщины – семья
И кухня (если не графиня).

Тогда мужчины из-за дам
Друг друга шпагами кололи,
Учил Вольтер: «Шерше ля фам».
Кто находил, бывал доволен.

Но баба тоже человек,
И все, чем раньше обладали,
Охотно женщины в наш век
На равноправие сменяли.

Теперь с мужчиной наравне
Подруга дело в жизни ищет:
Сталь варит, скачет на коне,
Дороги строит, книги пишет...

Жизнь стала для мужчин легка:
Не надо за любовь сражаться,
Смотреть на женщин свысока
И перед ними преклоняться.

Чтоб насовсем не забывать,
Чем были женщины когда-то
Они решили отмечать
Один раз в год Восьмое марта.
8 марта 1993 г.

Стихи о прогрессе

§1. Везде мы встречаем приметы прогресса:
Автобусы, лифты, компьютеры, стрессы,
Прогнозы погоды, отчеты, стандарты,
Охрану природы, инсульты, инфаркты...
Студент производную брать разучился:
Зачем это все, если САВ* появился.
Мы сами, АОС** оборудуя ныне,
Студента учить поручаем машине.
Прогресс продолжается бодро и грозно,
И будет, пожалуй, задуматься поздно,
Когда мы разучимся думать совсем,
Весь умственный труд поручив ЭВМ.

§2. Всегда Новый год отмечать мы любили,
У срубленной елки шампанское пили,
А ныне нам ВДОБТ₆ предлагает замену:
Чай с тортом и ель из полиэтилена,

Конфеты и соки... Но скоро и это
Осудит Минздрав, убоясь диабета.
Курить уже вредно, и вредно лечиться,
И вредно, пока еще молод, жениться,
Есть сладкое вредно и горькую пить,
И женщину, вредно чужую любить.
А чтобы нам было легко отвыкать,
Нас будет компьютер игрой развлекать.
Конец декабря 1985 г.

*САВ – Система аналитических вычислений на ЭВМ.

**АОС – Автоматизированная обучающая система.

Флюгер

Не зря поставлен флюгер высоко:
Он, хоть и вид имеет в стиле ретро,
Свой нос направит быстро и легко
По направлению свеженького ветра.

Солиден он, хоть легок и красив,
Сияет весь, луч солнца отразив,
И кажется, коль издали взглянуть,
Что ветру он указывает путь.

Но и другое уяснить пора:
Хоть часто флюгер раззолочен знатно,
Совсем не виноваты флюгера,
Коль дует ветер неблагоприятный.
Декабрь 1987 – январь 1988 гг.

Барометр

Не зря барометр горд и важен,
Хоть он нескладен и длинен.
Погоду завтрашнюю скажет,
Предупредит о буре он.

Но подходите осторожно,
Чтоб зря барометр не тряхнуть.
Толкнув, его испортить можно:
Стекло в нем, вакуум и ртуть.

И если обращаться дурно
Начнет барометр нагло врать
И вместо «ясно» или «буря»
Вам может кукиш показать.
Январь 1988 г.

К встрече ветеранов университета

Жизнь, как бурная река,
Нас несет, как горсть песка.
Если выброшен не будешь слишком рано,
Постарев и поглупев,
Поседев иль облысев,
Превратишься потихоньку в ветерана.

И тогда наверняка
Будет чай на шермака
И начальников приветственные речи.
Я хочу вам пожелать
Оптимизма не терять
И дожить-таки до следующей встречи.
17 октября 2003 г.

Нынче давит на всех информации груз.
И позыв к стихотворчеству массов.
На поэтов уже не хватает ни муз,
Ни лавровых венков, ни пегасов.
Сентябрь 2004 г.

БАСНИ

Ворона и современная лисица

Рис. Ю.Ф. Фоминых (из семейного архива Гусманов)

Вороне как-то Бог (хоть Бога нету)
Послал кусочек сыру прошлым летом.
Ворона держит сыр – внизу бежит Лиса...

Уже насмешливые слышу голоса,
 Что эту басню чуть не слово в слово
 Заимствовал у дедушки Крылова.
 Все было так, как классик написал:
 Ворона каркнула, на землю сыр упал.
 Но только сыр Лисица не схватила:
 «Сестрица, – говорит, – ты что-то уронила.»
 Вороне сыра жаль – за ним она слетела.
 Так хитрая Лиса Ворону с сыром съела.
 Не будь вороною, дружок,
 Не то и Божий дар тебе не в прок.
 1969 г.

Повар и кот

Рис. Ю.Ф. Фоминых (газета «Пермский университет». 1970. №30 (98) С.2)

Кота на службу Повар взял
 И корм хороший обещал...
 Не сразу – через пару дней,
 Пока же хватит и мышей.

Кот был проворством знаменит
 Три дня он был мышами сыт,
 Потом от погреба до крыши
 В поварне той исчезли мыши.

А Повар говорит: «Ну, Вася, ты герой!
 Корм будет каждый день тебе – и неплохой!
 Мне просто грех тебе объедки выдавать –
 Отличный будет корм! Совсем недолго ждать...»
 Кот к Повару ходил не раз, не два
 И слышал те же самые слова.

Не тетка голод – что случилось дале,

Вы у Крылова в басне прочитали:
 «Какой-то Повар-грамотей...»
 Под звуки грозных Повара речей
 Кот Васька не спеша доел жаркое,
 Был крепко бит за воровство такое,
 Но корм стал получать. Да только вот беда:
 С тех пор он все равно ворует иногда...
Декабрь 1970 г.

Ученая Синица

Рис. Ю.Ф. Фоминых (газета «Пермский университет». 1971. 23 марта, с. 2)

Под Новый Год зашла о плане речь,
 Весь факультет Синица удивила:
 Решила море синее зажечь
 И эту тему в план себе включила.

Коллеги говорят:
 – Не много ль будет дыма?
 Проблема так трудна,
 Что вряд ли разрешима!
 – А я ведь легкой жизни не ищу, –
 Уверенно Синица отвечает. –
 Пусть легкие проблемы тот решает,
 Кому научный труд не по плечу!

Гордилась темой Синица целый год.
 Когда ж пришла пора сдавать отчет,
 «Ничем закончились затеи величавы:
 Наделала Синица славы,
 А море не зажгла».
 Но все ж не унывает:
 На следующий год проблему в план включает.
Февраль 1971 г.

Медведь и Осел

Медведь доцента кафедры искал.
На конкурс реферат Осел прислал.
Медведь прочел:
«Хвост длинный, уха два,
Ноги четыре, с гривой голова,
Умеет оглушительно реветь...»
– Да это Лев! – сообразил Медведь, –
Возьму его, а он меня де съест. –
И написал, что нет вакантных мест.
1970-е гг.

Цветок на кафедре

*Таланты истинны на критику не злятся:
Их повредить она не может красоты,
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.*

И.А. Крылов

На кафедре морозною зимою
Окно не закрывается порою
И сильные бывают холода,
Что для цветов немалая беда.

Но есть для них беда побольше этой:
Здесь в отпуск сразу все уходят летом
И некому недель, примерно, пять
Цветы в горшках водою поливать.
От них одни пеньки пожухлые стоят.
Цветок пластмассовый лишь радует наш взгляд.
Поскольку, если пыль его покроет,
Его под дождиком или под краном моют.

Не вовсе прав Крылов: в условиях иных
Поддельные цветы устойчивей живых.
Конец 1970-х гг.

Булат и бумага

Бумагу нужно «пробивать»,
И это уж не ново.
Пример мы можем прочитав
У дедушки Крылова.

Сказал ножу колючий еж:
– Поведай мне причину,
По коей ты, булатный нож
Щепаешь здесь лучину,
Лежишь под лавкою в избе
В пыли и ржавых пятнах.
Где смысл в такой твоей судьбе,
Коль ты и впрямь булатный?

Булат в ответ: – Судьба моя
Имеет мало смысла
Затеи, что по бумагам я
Железным хламом числюсь.
А без бумаги нынче, брат,
Не сделаешь и шагу.
И впрямь: какой же ты булат,
Коль не пробил бумагу?
Конец 1970-х гг.

Диана Игоревна Мясникова (Косолапова) и Владимир Иванович Качуровский

выпускница экономического факультета 2010, преподаватель кафедры журналистики

МОНОЛОГ: на языке тонких человеческих отношений

Владимир Иванович Качуровский о своей истории в системе Пермского образования

Обволакивающее обаяние – не просто галантность, а заинтересованность в человеке – то, что ощущал каждый, кто когда-либо встречался с Владимиром Ивановичем Качуровским. Не важно, в каком статусе он находится: учитель, директор, чиновник, преподаватель, проректор – Владимир Иванович умеет тонко чувствовать, вникать в ситуацию. Он видит разные черты характера, но обращается к лучшему, что есть в человеке. В.А. Сухомлинский писал, что в воспитании нет главного и второстепенного, как нет главного лепестка среди многих лепестков, создающих красоту цветка. Эта фраза как нельзя лучше характеризует педагогическое кредо

заслуженного учителя школы РСФСР, кандидата педагогических наук, профессора, почетного гражданина Пермского края, заведующего кафедрой педагогики ПГНИУ.

Владимир Иванович Качуровский в 2013 г. рассказал журналу «Университет» о трансформации системы образования, личном участии в развитии ее инфраструктуры, педагогических принципах и ситуациях.

От студента до директора

– Я окончил Каменец-Подольский государственный педагогический институт, получил квалификацию преподавателя математики и физики в старших классах школы, начал работать, но вскоре был призван в вооруженные силы Советского Союза и попал служить в город Пермь. Мою жену направили сюда же по распределению работать учителем немецкого языка 81-й школы. Когда завершилась служба, возник вопрос: где жить дальше? В Перми тогда

был дефицит учителей физики, и директор школы, где работала моя жена, предложил мне вакансию. Мы решили остаться. Буквально через год состоялась традиционная ежегодная выставка технического творчества. А я с величайшим энтузиазмом начал свою деятельность и организовал полтора десятка кружков по различным направлениям физики, туда были вовлечены обучающиеся с 6 по 10 классы. На эту выставку мы представили большой комплект изделий, в том числе по электронике. Мы собрали все дипломы, и мою личность заметили в районном комитете партии. Через некоторое время меня вызвали в комитет партии и предложили стать директором школы в микрорайоне Леваневский. У меня были четкие планы заниматься педагогической деятельностью, она мне нравится и в настоящее время, и я отказался. Прошло еще два года, меня снова вызвали и предложили: «На Зеленом хозяйстве будет строиться новая школа строй, какую ты хочешь!» Так я стал директором 134-й школы микрорайона завода им. Я.М. Свердлова. Мне было всего 27 лет, я был самый молодой директор в городе Перми. И я решил создать абсолютно новую школу: приезжал на строительную площадку, полностью занимался оборудованием, формировал учебные пособия, коллектив педагогов и обучающихся. Пример всему СССР.

Я проработал директором школы полтора года, и меня вызвали в горком партии предложили стать заместителем заведующего по вопросам народного образования. Я очень не хотел уходить, мне даже показалось, что кому-то нужна была моя должность, категорически отказывался. Тогда мне сказали: назначена встреча с первым секретарем горкома. Захожу, заведующий горно представляет: «Вот это Качуровский Владимир Иванович». Мы так встречаемся, он протягивает руку, я в ответ свою. Он говорит: «Желаю вам успехов». Я даже не успел сообразить, как все произошло, так я стал заместителем заведующего горно. В этой должности я проработал три с половиной года, а после ухода на пенсию заведующей горно меня утвердили в должности заведующего. К этому времени меня избрали секретарем парторганизации всего горисполкома на общественных началах. В этой должности я проработал 10 лет суммарно.

Мы с председателем горисполкома Г.С. Калинкиным сделали все, чтобы в городе количество мест в дошкольных образовательных учреждениях полностью соответствовало количеству детей в Перми. Это была потрясающая вещь для всего Советского Союза! И у нас к 1978 году в городе хватало мест. Мы привлекли предприятия к строительству школ. Первые стали строить учебные заведения за счет предприятий: построили шесть школ. Это была колоссальная работа! Затем надо было создать инфраструктуру для внеурочной деятельности дополнительное образование. Десять лет я начинал рабочий день на какой-нибудь стройке: Дворец пионеров, детский стадион, превращение парка им. М. Горького в детский, Ледовый дворец, спортивная городская школа. Министерство доверяло нам много экспериментов, результаты которых распространялись на весь Советский Союз. Например, предмет МХК отрабатывался на базе трех пермских школ. После того как эксперимент

прошел, предмет был введен во всех школах Советского союза. Программы дошкольного образования по трем направлениям физическое, эстетическое и нравственное воспитание отрабатывались у нас. Я был координатором этих проектов, как руководитель органа образования. Мы ликвидировали третью смену занятий, свели к минимуму вторую смену. Изменили качественно кадровый состав. Знают в каждой школе Пермского края. Когда я пришел работать на областном уровне, моя первая программа была посвящена сохранению сельской школы даже в самых неперспективных населенных пунктах. Ведь как только исчезает школа – исчезает населенный пункт.

Далее надо было решать вопрос кадров. Когда я начал работать, Пермская область получала специалистов из 30 вузов страны. Первая задача была – сократить количество вузов поставщиков кадров, потому что правдами-неправдами через три года молодые специалисты старались уехать к себе на родину. В качестве решения проблемы я предложил министру Г.П. Веселову открыть второй педагогический вуз на севере нашего края и сократить до 10 вузов, которые направляют специалистов. Исходил из того, что девочка, например, из Кизела, которая поступает в педагогический вуз в Соликамске, в худшем случае останется потом в том же городе, а поступая в пермский вуз, она сделает все, чтобы остаться в Перми. Как только меня назначили, я подошел к председателю облисполкома А.С. Малафееву и сказал, что пока все осознают, что появился новый заведующий облоно, я хочу объездить все учебные заведения. И два месяца после назначения (это была зима), январь, февраль я практически не выходил из машины. Была первая задача побывать во всех школах края. Обычно было так: я подъезжаю к школе, обойду ее сначала вокруг, потом захожу внутрь, идут занятия, пока поднимаюсь в учительскую, у меня созревает план, что я буду делать. В какой-то школе я буду беседовать только с администрацией и молодыми специалистами, в другой – с учителями и так далее. И это мне очень-очень помогло. Я мог сделать сразу абсолютно нормальное замечание по существу. Это была задача – увидеть все своими глазами, если хотите, принять хозяйство.

Еще как-то раз был случай. Приходит заведующий райкома одной из территорий: «У меня уезжает 13 специалистов, так как у них заканчивается срок в три года. Страшная кадровая проблема. Я умоляю, помогите!» Что делать? Я приезжаю на территорию, встречаюсь с председателем райисполкома. Первое, советую, собери всех этих специалистов, накрой стол и просто, не уговаривая, чтобы они остались, поблаговари за проделанную работу. И всё, до свидания. Секретарю по идеологии говорю сделать радиопередачу: «Выберете человек пять из этих специалистов, расскажите по местному радио про их успехи, далее вызовите редактора местной газеты и опубликуйте несколько очерков про других специалистов, и вот так вот охватите всех». Это происходило где-то в марте. В мае приезжает этот секретарь на какое-то совещание, подлетает ко мне: из тринадцати девять остаются. Девочки начали писать домой, посылать газеты с портретом: нас здесь ценят, мы не можем все

бросить и уехать. А что такое сохранить девять специалистов для конкретного субрегиона края?..

Четверть века в университете

– В 1978 году я защитил кандидатскую диссертацию по педагогике. Я был один из немногих чиновников, который имел ученую степень. Заниматься наукой я начал чуть ли не с первого дня работы в школе. Первая диссертация была подготовлена по методике преподавания физики. Но из-за всех переводов на административные должности я не успел завершить эксперимент. Затем начал исследовать профессиональную ориентацию школьников и, наконец, занялся организационными основами школы будущего. Вообще, прогнозирование в это время было актуально. В 1988 году происходит слияние Министерства просвещения, Министерства среднего и высшего образования, Комитета по профобразованию и организовывается объединенное управление. В Пермский государственный университет меня пригласил лично В.В. Маланин. И с октября 1988 года я был назначен на должность заведующего кафедрой педагогики и должность профессора. Первое, чем я занялся, придя в университет, это повышением авторитета кафедры педагогики как таковой и учебной дисциплины «Педагогика», потому что к ней в университете было очень прохладное отношение. Я сделал все для того, чтобы на всех уровнях, от студентов и до преподавателей, понимали, что педагогическое знание чрезвычайно важно. За время моей работы кафедра очень изменилась в кадровом отношении. Я когда пришел, здесь было всего два кандидата наук, а сейчас только один преподаватель не имеет ученой степени. Мы вырастили на кафедре психологов, которые отделились в связи с открытием специальности на ФСФ. В 1992 году ВАК присвоил мне ученое звание профессора без защиты докторской диссертации. Это было сделано в порядке исключения: я пришел в университет, имея звание заслуженного учителя РСФСР, орден «Знак Почета», звание «Отличник просвещения», занимал такие высокие должности. И в этом же году я стал проректором.

Исследователь по жизни

– Наука мне всегда была интересна. Уже в седьмом классе я как юный натуралист был участником Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства в Москве занимался выращиванием жеребят. Потом, когда я начал работать, меня заинтересовало, как повысить вообще эффективность и результативность изучения физики. Я начал исследовать, каким образом можно добиться, чтобы ученик усваивал необходимый минимум знаний по моим дисциплинам. Первая задача была сделать так, чтобы у меня не было двоечников. У меня было несколько кружков, и туда потянулись ученики, особенно эти неуспевающие. Работал так: ночью собираю установочку, например, мигалку для елки или маленький приёмничек в мыльнице, и разбираю. На занятии кружка даю ученику, он сам собирает – работает! У него глаза горят. Или так: «Скоро будет праздник, годовщина Великой Октябрьской революции, например, говорю, а ты мне праздник портишь». Он: «Почему?»

«Вот смотри, я учу 623 человека, а вот шесть я не могу научить». Он: «А что я могу сделать, мне сказали другие учителя: будешь ходить или не будешь ходить все равно двойка». И происходят уникальные вещи: его нет на первых двух уроках, мой третий. Он приходит на мой урок, отзанимался, все нормально, а дальше снова уходит. Вот это первое. Затем есть по всем дисциплинам так называемые лабораторные практикумы. На практикум выставляются специально предусмотренные разные наборы для каждого ученика. Что происходит? День первый. Наборы у всех разные. На следующий день ребята перемещаются по кругу, делают вторую работу. И так далее, пока все не выполняют всё. Таким образом, уже со второго дня начинается обмен данными для отчетов по лабораторным, и процесс перестает быть эффективным. Что я придумал? Допустим, что я поставил на практикум работу по определению удельного сопротивления проводника. Сегодня это будет алюминий, завтра медь, послезавтра сплав меди и алюминия. Более того, у меня лаборант еще снимал характеристики по всем элементам. То есть каждый вынужден работать самостоятельно. Вот это было интересно. У меня не списывали. И студенты сейчас не списывают.

Педагогический скальпель

Вообще, я представитель гуманистической педагогики: я очень гуманно отношусь к личности ученика и студента. Ни один студент в университете не скажет, что я был не уважительным, что я не выслушал, что я не помог. Я не ставлю троек студентам. Для меня поставить тройку – это потом не спать, мучиться. Для меня важно, чтобы я был спокоен за то, что человек имеет знания, которыми он воспользуется. Вот, например, студентам, которые не дотягивают до четверки, я говорю: «Иди еще поучи». Некоторые с радостью это принимают, а некоторые говорят: «Владимир Иванович, мне не надо». Я настаиваю: «Ты понимаешь, что если я поставлю тройку, мне будет плохо несколько дней». И когда он меня уже изнеможением берет, я говорю: «Ну ладно, но учти – мне будет плохо». Я очень серьезно занимаюсь оценкой как феноменом в системе образования вообще. Я ее даже позволяю себе сравнивать со скальпелем у хирурга. Оценка – это педагогический скальпель, которым можно нанести очень серьезную травму, особенно когда необъективно оцениваешь, допускаешь серьезнейшую ошибку. Еще работая в управлении образования, я получал от УВД сводку всевозможных происшествий с участием школьников и молодежи. Были случаи, когда родители очень строгие, а ребенок получил двойку. Он пришел домой, пока родителей нет, за веревочку – и привет или с пятого этажа с балкона. Это очень серьезные вещи. Реакцию нельзя отсрочить. Когда работал директором, процветало такое явление: воровали из раздевалок одежду, обувь. Практически сразу после открытия школы, первой зимой, пропало пальто у девятиклассницы. Завучи подходят, говорят, надо заявить в милицию, чтобы сразу пресечь это дело. А пальто драповое, с меховым воротником, очень дорогое по тем временам. Заявил, приехали, даже пошли на рынок проверять. Через два дня прибегают девочка – пальто на месте. Я звоню в отдел милиции: пальто нашлось. Как так? Прямо на

том же месте. Через день пальто того же самого нет. Я звоню в милицию. Мне начальник: «Товарищ директор, у вас там нечем заниматься? Устроили игры с пальто!» Я сел и задумался. Мне стало понятно, что пальто из школы не исчезает. После первого исчезновения я все-все посмотрел, облазил все люки, чердаки нигде нет. А у меня кабинет был на первом этаже, так что если открыть дверь в приемную, то видно входную дверь и часть коридора. Я всегда приходил в школу самый первый, еще учителей нет, никого нет. Я пришел, посмотрел в раздевалку – пусто. Залетает девятиклассник, несется к раздевалке и оттуда быстро садится в свой кабинет. Я тихонечко смотрю: пальто висит. Десяти минут не прошло. Я успокоился. Девочка прибегает: пальто вернули, завучи радостные, все хорошо. А все оказалось просто: девочка нравится, не отвечает взаимностью, он решил привлечь внимание. В раздевалке есть калорифер, чтобы обувь сушить, его можно отодвинуть и туда поместить пальто. Почему я говорю: сложная ситуация? После этого всего я должен был поставить этого девятиклассника на учет, потому что был факт кражи и я обращался в милицию. Я понимаю, что парень совершил такой поступок под влиянием чувств, в разговоре он признает, что это глупо. И если я его сейчас поставлю на учет, то при любом малейшем правонарушении ему это припомнят. Ломаешь жизненный позвоночник. И я принял решение не ставить его на учет. Прошло много-много лет, иду по Комсомольскому проспекту в районе кинотеатра «Октябрь», и вдруг полицейский москвич останавливается, выскакивает лейтенант и толкает меня в автомобиль на переднее сиденье с водителем рядом. А я иду на работу в горно. Оказалось, это тот самый ученик стал милиционером. Увидел меня, решил подвезти и поговорить.

И так очень часто наша педагогическая деятельность требует иногда даже противоречащих каким-то правилам решений. Ты должен настолько проникнуть в существо, в особенности личности, чтобы ни в коем случае не допустить ошибку. Вообще наша педагогическая деятельность уникальна тем, что мы сталкиваемся с неожиданной ситуацией и должны сразу отреагировать, реакцию нельзя отсрочить, потому что потом она уже не будет иметь того эффекта.

Книга о сыне

Мой единственный сын погиб во время службы в армии. Он все хотел делать так же, как я. Окончил первый курс на физическом факультете. Он был очень талантливый мальчик, знал три иностранных языка, занимался музыкой, писал стихи, владел тремя музыкальными инструментами. Когда его не стало, была такая потребность что-то вспоминать, и я написал книгу. Это такое психолого-педагогическое повествование, где я пишу очень откровенно. Она пролежала десять лет, читали только родственники, а потом как-то информация проникла в университет, наша заведующая редакционным отделом попросила ее прочитать. Буквально на следующий день приходит и говорит: «Это надо публиковать». И я решился: издал 300 экземпляров на свои деньги. Дарил ее очень близким мне людям, дорогим, прямо скажем. Жена педагог, я педагог, и то нам было очень тяжело, были ситуации, когда мы были в тупике, а что

говорить о тех людях, которые занимаются воспитанием, абсолютно не имея ни опыта, ни образования. Книга вышла, вскоре приходит Раиса Николаевна, директор библиотеки, говорит: «Пришло письмо из библиотеки Американского конгресса, запросили вашу книгу». Я так удивился: ведь 300 экземпляров, где-то в тайге издано! А потом издательство «Педагогика» меня долго муржило, чтобы я сделал большой тираж, но в книге слишком личные чувства.

Педагогические знания для каждого

Я это говорю буквально всем студентам: педагогика сейчас стала универсальным знанием. Педагогически образованный человек чувствует себя гораздо комфортнее, он с меньшими психолого-физиологическими издержками реализует себя во всех сферах деятельности. Мы живем в таком мире, где мы с кем-то взаимодействуем, каждый так или иначе выступает для кого-то руководителем. И многие проблемы связаны с коммуникацией, с общением, с задействованием механизма эмпатии. Все это играет чрезвычайно важную роль. Например, я студентам на практических занятиях задаю вопрос: кто из девочек часто сидел на коленках у отца? Ну, одна-две в аудитории. А ведь это неправильно. Значит, их папы не понимали, что это очень важно для формирования личности их девочки. Она просто недополучила каких-то отеческих витаминов. Возможно, это даже не вина отца, а его беда, он просто не знал.

Мы занимались изучением семейных конфликтов в Пермском крае: охватили значительный массив семей многодетных, однопородных, селян, интеллигенции, много поколенческих семей. И обратили внимание, что одна из групп конфликтов связана с тем, что родители все время запаздывают в оценке взрослости детей, считают детей меньше возрастом, чем они есть на самом деле. Это первое, и это конфликт. Второе, на что мы обратили внимание: есть родители, которых дети не интересуют до определенного времени. До девятого класса, допустим, не важно, как ты учишься, а потом спохватились, что надо что-то делать, а ребенок уже привык, что никаких требований к нему не предъявляется. Я уже не говорю о том, что есть вещи, которые связаны с семейной педагогикой. Вот есть двое молодых людей, противоположного пола, разумеется. Один воспитывался в эго-системе: ты самый умный, самый красивый, самый хороший, а другой воспитывался в альтруистической атмосфере. Любят, от любви друг к другу сгорают все нормально. А что дальше? Родился ребенок. Каждый начинает переносить на него свою систему, потому что мы так психологически устроены: нам кажется, что та система, в которой мы выросли, самая уникальная, лучше ничего не придумано. И вот ребенок уже в три часа ночи посапывает, а родители грызутся в кровати из-за его воспитания, уже близость не нужна, ничего не нужно. А если бы они были педагогически образованны, было бы совершенно по-другому. Вообще всеобщая педагогизация ведет к улучшению нравственного, эмоционального, психологического климата в обществе. Почему я и люблю педагогическую деятельность? Она во всех отношениях уникальна, поэтому я говорю своим студентам, что вы никогда в жизни не пожалеете, что, используя этот

сензитивный период, получили соответствующие знания, они непременно вам пригодятся, иногда вы даже не заметите, что ими пользуетесь, но они вам доставят только положительные эмоции.

Кафедра с традициями

Мы очень большое внимание уделяем реализации воспитывающего потенциала у нашей учебной дисциплины. Мы не только преподаем, но и все делаем, чтобы формировать личность, чтобы выпускник, который с нами общался в связи с изучением нашей дисциплины, мог сказать: «Я еще вынес что-то личное». В связи с этим, во-первых, у нас в коллективе идет обмен опытом. На заседаниях кафедры мы практически всегда уделяем этому внимание, расширяем диапазон наших возможностей, опираясь на опыт коллег. Второе, мы постоянно и очень дифференцированно совершенствуем блок заданий для студентов, проходящих педагогическую практику. Нам это очень важно. Мы не случайно все время обновляем банк заданий, чтобы отучить их тиражировать, брать у кого-то из прошлого года.

Конечно же, одна из важных традиций – это создание здорового нравственно-психологического климата в коллективе. Я этому уделяю очень много внимания. Это очень важно, чтобы были взаимопонимание, поддержка, потому что часто возникают совершенно непредвиденные ситуации, и здоровье, и семейные обстоятельства, где требуется взаимовыручка. У меня были конфликтные личности, но, надо сказать, они сами не прижились в такой атмосфере. Вообще, я такой человек, который делает все, чтобы люди на работу шли с нетерпением. Это очень важно, особенно в женских коллективах. Я всегда создавал очень хорошие условия на рабочем месте. Вот зайдете на кафедру и увидите: есть микроволновка, телевизор, холодильник, кондиционер, удобные столы. Строго во все годы моей работы мы в последний четверг месяца проводим заседание кафедры. После обязательно пьем чай – тоже элемент чрезвычайно важный. А вечером обычно выходим вместе, я провожаю женщин до Перми II, чтобы они разъехались по домам, и только потом отправляюсь домой.

Радиальное развитие

Если еще 25 лет назад мы преподавали только педагогику – педагогику школы, она касалась всех теоретических проблем обучения и воспитания, то сейчас мы преподаем большой спектр педагогических дисциплин. Триста лет, со времен Я.А. Коменского, педагогика развивалась, как я называю, линейно, то есть приращивалось знание в одном направлении, а начиная со второй половины прошлого века происходит радиальное развитие, по разным отраслям: педагогика средняя, специальная, военная, кондуктивная (для заключенных), инженерная, медицинская, даже уже есть дороговая педагогика. Раньше была только дошкольная педагогика, теперь есть педагогика, которая предназначена для будущих мам. Исследования показывают, что если мама получит это знание в рамках дороговой педагогики, то совершенно другое чудо появится. Космическая педагогика. В связи с этим мы считаем, что спектра

наших дисциплин достаточно, чтобы чувствовать себя комфортно в качестве профильной кафедры. Мы осуществляем сертификацию в рамках блока педагогических дисциплин во всем университете. Когда я пришел в университет, было достаточно много факультетов, где педагогикой вообще не пахло: экономический, юридический, геологический. Сегодня уже практически нет такого факультета, специальности или направления, в рамках которых бы не изучали в какой-то степени педагогику. Это еще раз подчеркивает значимость педагогического знания как универсальной науки.

Если бы вновь на пост министра образования Пермского края. Первое, что бы я сделал, это очень существенно усилил бы воспитательную компоненту в системе общего образования. Второе, я бы очень много внимания уделил единению родителей со школой. Чем ближе родители к школе, чем шире их участие в жизни школы, тем школа успешнее, тем продуктивнее воспитание детей, тем более ответственное отношение к педагогу. Этим двум проблемам я бы уделил особое внимание. И по-прежнему, как я это делал и тогда, я бы давал простор для творчества, для развития инноваций, связанных как раз с совершенствованием процесса обучения, потому что сегодня произошел разрыв между процессом обучения и воспитания, а всегда считалось и считается, что эти процессы едины. Мы всегда подходили к этому с позиции, что обучение воспитывает, а воспитание обучает. Ну и, конечно же, обязательно бы уделял внимание созданию в коллективах комфортной нравственно-психологической обстановки, учитывал бы обязательно то, что педагогические коллективы в основном женские и, соответственно, им нужно очень много внимания.

Мария Павловна Котюрова

выпускница филологического факультета 1965 года

Родилась в деревне Ростани (кстати, здесь ошибка писарчука) Осинского района Пермской области 26 апреля 1939 года. В 1942 году отец погиб на войне под Ленинградом, в 1947 – туберкулез унес маму, оставившую двоих детей, которых воспитали бабушка и дедушка в соседней деревне Нижний Чёкур. Землячка Нина Батина с глубокой благодарностью написала стихотворение «Поставьте памятник деревне...», имея в виду Нижний Чёкур (60 хозяйств не выдержали перестройки и осиротили прекрасные уголья). Нет больше этой деревеньки – уральской красавицы и труженицы – ни на земле, ни на карте...

Анкета М.П. Котюровой лаконична: школа, Осинское педучилище, учитель начальных классов, студентка Пермского университета, учитель русского языка и литературы в д. Постанови Нытвенского района и г. Нытве, аспирантка и далее по списку должностей. В настоящее время профессор кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета.

ИСКОРКИ ПАМЯТИ

Года два-три назад соседка Людмила Кирилловна Чагина слушала-слушала наши разговоры с моими гостями и стала настойчиво просить записать эти нехитрые фрагменты. А в этом году, в бессонные ночи, воспоминания стали вспыхивать, как искорки...

Мои встречи этим летом (2016 г.)

Никуда не езжу. Все дома и дома. Общение – по телефону. И вот радость: приехали подружки по педучилищу Женя, Шура, Зина, Надя. Всем немало лет, а Шуре – 80, но она и сегодня поет в фольклорном хоре «Уралочка» в микрорайоне Кислотные дачи г. Перми.

Первый вальс – в лаптях

– Шурочка, как жизнь?

– Ой, ноги... Мамаша (свекровь.— *М.К.*) как в воду глядела: пляшешь, девка, много — заболят ноги. Я плясать любила, и даже больше, чем петь. А началось-то с детства... Школа небольшая, радости обычные, да их и мало. Пригласили деревенского музыканта на большой перемене поиграть на баяне. Я сижу в коридоре, глазенки горят... Учительница увидела, подбегает: «Пойдем, Шура, вальс танцевать». А я ноги прячу под скамейку: «Да я в лаптях...». Ну и что, говорит. И подхватила меня...

Вернуть бы годков-то десяток...

– После четвертого класса я, — говорит Шурочка, — два года не училась в школе: мама болела тифом, лежала в районной больнице, и в это время в деревне случился пожар, сгорело четырнадцать домов. Мы с сестрой остались на улице. Не было ничего: ни одежды, ни обуви. Кто-то дал мне старые туфли на одну ногу. В сентябре маму привезли домой, но весь год она не могла работать. Как мы прожили зиму — я не знаю. Помню, что ходила на колхозные работы, потому что людей не хватало... Окончила семилетку, решила: «Надо учиться!». Пошли с подружкой в бригаду, которая расчищала дорогу для лесовозов. Деревья были спилены, а пни надо было корчевать. Работа — о-ё-ёй: корни растут и в глубину, и в ширину, невозможно вытянуть... Ну, кое-как справлялись... Заработали и приоделись-приобулись... Я купила портфель, лаковые резиновые сапоги и три метра сатина на платье. Можно ехать учиться! В этом платье закончила первый курс педучилища, а потом уж покупала на стипендию... (Училась Шурочка на «отлично»).

Кисть винограду

Надежда Петровна в печали и тоске... Поехали к ней в Лысьву отвлечь, поговорить... И вот рассказывает:

– 1960 год. Папы уже не было. Я работала в школе в рабочем поселке. Мама в деревне с младшими. Ване пора получать недоступный деревенскому жителю паспорт. Мы с мужем решили: пусть приезжает к нам заканчивать школу, потом поступит в техникум. И вот мама собирает Ваню в дорогу, а денег совсем нет. Дает ему десяток яиц с напутствием: «Ты, Ваня, доедешь до Осы, зайди в столовую и отдай какой-нибудь работнице яйца, она даст тебе денег, вот и будет тебе на билет». Получил Ваня рубль с копейками, истратил на билет до Перми 80 коп., купил в «Гастрономе» кисть невиданного винограду (приедет с подарком годовалой племяннице Леночке!)... Не довез до уральской станции Скальная: хотел ведь только попробовать...

В мае, в один из солнечных дней, наш сын Сережа решил впервые побывать в деревне, на своей малой родине, где мы с мужем работали в школе

по распределению. На крылечке магазина оказалась любознательная женщина лет шестидесяти: кто да к кому приехали. Это Надя Шавшукова, которая в 1965 году училась в седьмом классе, где я преподавала русский язык и литературу... Давно уж Надежда Сергеевна...

В сентябре, когда я гостила у нее, душевные беседы неизбежно включали воспоминания Нади о родителях...

Вот такая любовь...

Папа рассказывал: «Полюбил я Клаву совсем молодым, но боялся к ней подступиться: она из богатой семьи, я – из бедной. Ушел в армию, Клава вышла замуж, потом осталась вдовой. После армии мы поженились. Любовь была такая, что дети сыпались, как из мешка». В семье было 10 детей. Я была старшая, потом Лёня, остальные – мал-мала-меньше. Мама работала дояркой, в те годы уже была нездорова, мы с Лёней заменяли её на ферме. Папа был бригадиром, играл на баяне, хорошо пел, его все любили... Мои волосы после бани только он расчесывал, только у него хватало терпения... В каждой деревне, и в нашей тоже, у него были «подруги». Помню, как однажды зимой, уже поздно вечером, мы все ждали папу. Мама говорит: «Надька, Лёнька, сходите, посмотрите...». Мы хорошо знали папину походку. Следы, четкие на белом снегу, безошибочно привели к чужому крыльцу. Возвращаемся домой: «Он там». – «Слава Богу, живой. Пусть там спит...».

А я вспоминаю брата Ваню. Знаю, говорит, трех настоящих женщин: сестру (естественно, потому, что сестра), свою крестную – тетю Маню, и жену своего друга. Крестная рассказывала: «Поженились с Васей, вскоре он поехал на курсы трактористов в село Шермейку за 20 километров. Осталась в положении. Наступил апрель, половодье... Васю, думаю, не отпустят: трактор надо осваивать. Пойду к нему сама. Отец лапти новые сплел – налегке быстро добегу. Да где там... Утренний наст как-то быстро подтаял, вода кругом, а речонки – откуда и взялись! Подол повыше – и напрямиком! Ничего, думаю, вечером напьюсь чаю с малиной, а утром – обратно домой... Вдруг умру при родах – и Васю больше не увижу... Вот и бежала...»

Друг с женой ехал на машине. Он не справился с рулем, допустил аварию и ужасно пострадал сам. Отказали ноги. А она, невысоконькая такая, стройненькая, обхватила его и понесла на обочину... В голове не укладывается, а ведь было...

Несостоявшаяся любовь

В педучилище на первом курсе... Шел фильм «Тарзан». Одни смотрели вчера, другие – сегодня, третьи рассчитывали попасть в кинотеатр завтра... Женя сидела за партой перед Толей. Получаю, говорит, записку: «Пойдем

сегодня в кино. После сеанса услышишь ласковое объяснение». Записка есть, а рубля на билет – нету, потому что я уже попросила у мамы рубль и в понедельник сходила в кино. Просить снова – невозможно... Рассчитывать на Толин рубль даже и в голову не приходило... Объяснение так и не состоялось...

Благодарный журка

Над деревней Постановги пролегает журавлиный маршрут. Надежда Сергеевна говорит: «Я тоскую, если не встречу весной и не провожу осенью журавлиный клин». А ее сестра – учительница Ольга Сергеевна – рассказала такую историю.

Золотая осень. Ясно, светло, небо голубое. Курлычут журавли. Вдруг выстрел – один комочек падает. Борька (сын-семиклассник) принес раненого журавля домой. Я поместила журку с курами и стала выхаживать. Весной он ходил уже уверенно. Однажды услышал курлыканье и попытался взлететь. Но не смог. Только через три года полетел в жаркие страны... Весной опять закурлыкали в небе журавли. Мы с мужем Володи сидим на лавочке у ворот и видим: один отбил от клина – и к нашему дому. Я кричу: «Журка, журка!» Он ко мне, а от клина отделились еще три журавля, наверно, его сыночки, – и ну летать над нами. Облетели три круга над крышей, Володя говорит: «Оля, ну что ты делаешь?! Отпусти его, отстанет ведь». Я обнимаю журавля и плачу: «Журка, журка, а он клюет и клюет меня... Такой вот благодарный ...».

Светлые воспоминания

Пришла пора, когда стала недоступной спешка, зато как трогательны разговоры «за жизнь» после вечернего чая. Моя постоянная собеседница – соседка по этажу, приятельница, ангел-хранитель Людмила Кирилловна Чагина – вспоминает:

– Невестка Валентина тяжело заболела. Я поехала навестить ее. После ужина вспоминали прежнюю жизнь, молодые годы, родителей. А потом брат Валера говорит: «Почитаю вам свои стихи». Читает, но из-за нечеткой печати на машинке сбивается, сердится. Валя деликатно подсказывает, выручает. – «Ты их знаешь? Когда выучила?» – «Да не учила я... Придет пьяный, спать не ложится, хорохорится... Я возьму папку с его стихами, сяду рядом, начинаю читать. Сначала он спорит, что-то поправляет, а потом затихает... Со стихами и засыпал. Так я повторяла и повторяла. Вот и выучила». Жизнь, как видно, была нелегкой, а воспоминания – светлые.

Это был прощальный вечер. Надо было уезжать. А через неделю получили печальное известие...

Мы с Таней – врачи, приехали в Чердынь по распределению. Жили в одной квартирке. Меня, хирурга, вызывали к больным и днем, и ночью.

Стираю или мою полы – стук: на пороге шофер. Заканчивает начатое дело Таня. Ночью спим себе, снова стук. Знаю: это за мной... Таня, говорю, не вставай, а то я не сплю – и ты не спишь... Все равно всегда провожает меня. Она невролог, у нее другая работа. А я уезжаю в темноте и возвращаюсь в темноте. Шофер ждет, пока не включу свет: мигает – значит, все в порядке. Таня сочувствует мне... Однажды приезжаю ночью с вызова, открываю дверь – в прихожей свет включен, а на стуле сидит огромная, как мне показалось, улыбающаяся, пушистая собака! Радостно встречает меня... В этом году Тани не стало... Дорогая моя, я помню и люблю тебя!..

Главный хирург нашей Чердынской больницы – Сан Саныч. Он выполняет сложные операции, ему помогает опытная старшая медсестра Анна Николаевна. Она, кажется нам, не только знает весь процесс операции, но чувствует дыхание мысли Сан Саныча. Однако в процессе операции не все идет по алгоритму... Разумеется, виновата Анна Николаевна: то игла не та, то иглодержатель, то подала не так: «Анна, дай другую иглу...», а если все заладилось, то Сан Саныч – ласковым голосом: «Нюра, вот видишь, если ты делаешь все правильно, то и у меня все получается...». Анна Николаевна смущенно уточняет для нас: «Я подавала одну и ту же иглу...»

Сан Саныч – военный хирург, а я – после института, врач общей практики, без какой-либо специализации... Привезли экстренного больного... Мы оперируем, меняясь местами с Сан Санычем: сложные манипуляции выполняет он, простые – я. После операции наш Главный хирург складывает руки «в замок» и умильно-торжественно сообщает: «Больно-ой, вас оперировал хирург Ираида Кирилловна!». По некотором выздоровлении больной разыскивает названного доктора, чтобы сказать «спасибо», но человека с таким именем в отделении не находит...

Сан Саныч всегда называл меня Ираидой Кирилловной, потому что я, говорили, была похожа на его покойную жену...

«Подсудное дело»

В Чердынскую больницу – оперировать – больных привозили из трех северных районов Пермской области. Жизнь была – по минутам. В конце месяца старшая медсестра приносила Сан Санычу кипу историй болезни: он должен написать эпикриз и расписаться, чтобы она могла сдать документы в архив. Он укоризненно смотрел на папку и, не открывая, произносил: «Предать огню».

Словосочетание

Я преподаю студентам университета русский язык. Тема «Словосочетание». Согласование в роде, числе и падеже. Например, *золотая осень*. А перед глазами: Бабушка стоит у окна – и полушёпотом: «Сколько хорошо!» Подбегаю, встаю рядом: «Что? Где?». Смотрит куда-то наискосок, за огороды, вдаль – туда, где *золотая осень*. А студентам говорю просто и понятно, но, по-моему, совершенно невыразительно: «Красота!». Как жаль, что не могу передать именно чувство бабушки моим студентам!

Наш патриархальный быт

Когда сени улыбаются

Каждый год перед Пасхой 3-4 солдатки объединяются и ходят дружно, весело *мыть избы*, т.е. помогать друг другу и тем, для кого эта нелегкая работа стала непосильной. Мочальными вехтями, с черным хозяйственным мылом, горячей водой, согретой в русской печи, женщины моют потолки, известью белят стены, после чего чисто-начисто промывают полы. Чинно садятся за стол ужинать. Бабушка угощает горячим супом (удивляются – с благодарностью: надо же, до вечера печь не остыла – суп-то до чего горяч!), в свою очередь, благодарит их, подхваливает: «Ну, бабы, сколько хорошо всё вымыли... В сенях *стены улыбаются!*...». Платок на голову – и в сени: как они улыбаются? Спрашиваю бабушку и слышу вполне понятное объяснение: «Да вся изба радуется: к Пасхе приготовилась!».

Горская девушка

Мне лет пять. Играю на крылечке. Слышно: разговаривают, смеются. В открытые ворота видно, что с литовками (косами) идут женщины. Одна из них, двоюродная сестра моего отца, проходя мимо, каждый раз, увидев меня, громко спрашивала: «Где тут горская девушка живет? Ой, да большая уж выросла...» Я – к бабушке: Почему я горская? – Да на горке родилась. – На какой? – Да на ростанской... Через много лет дядя Коля (брат отца) показал мне ту Горку (починок в двухстах метрах от исчезнувшей, а теперь восстанавливающейся – уже трое потомков вернулись и стали фермерами – деревни Ростани), на которой был дом моего деда Афанасия Ивановича Сесюнина. В этом доме-усадебке в достатке – своим трудом – жила его многочисленная семья, в которой было три сына и шесть дочерей. Революция растерзала крепкое хозяйство, в пружину сжала сердце мудрого молчаливого деда, оставив лишь скудные воспоминания...

Мужской поступок

Дедушка на деревянной дощечке пишет углем «Курить строго воспрещается!»: на мельнице недолго до пожара.

– Дедка, а ты никогда не курил?

– Да как не курил. В плену на первой мировой самосад смолил... Жена столько его перепосылала, что только на обшивку посылок перевела 36 аршин белого льняного полотна. Пришел из плена, а ее тиф унес. Сошлись мы с вашей бабкой, а у нее от табака голова болела. В одночасье бросил курево – и все...

Не представляю дедушку курящим...

Интересное наблюдение

Дедушка рассказывает:

– По вечерам молодежь собиралась в избе попросторнее да где ребятшек поменьше. Наталья все в уголке стояла и тихонько посмеивалась: «Смотрите, смотрите, у Федьки нос-то крючком...». За Федора потом замуж-то и вышла.

– А почему насмеялась-то? – спрашиваю.

– Да интерес показывала.

Ну как не объявиться моему интересу к психологии человека...

Наша Курановка

Дедушка говорил: «Наша деревня Нижний Чёкур большая: целых 60 дворов. А наш околоток (за прудом и мельницей рассыпано 9 домов.– М.К.) прозывается Курановка. Потому что Куранов первым построил тут дом. Умный был человек, какие угоды нашел: речка, луга для огородов, поле для пашни, лес для дров... А дом как поставил – солнце весь день в окна! Радость человеку! На этот дом другие уж равнялись...». А для нас, детей, *полянка*! Это рядом, где дом с акациями (из стручков делали пикульки и пищали, пока не надоест). Это был добротный дом: ворота стояли крепко-накрепко десятки лет; белые, некрашенные, половицы в доме были такой ширины, что невозможно было представить высоту деревьев, из которых они были сделаны. Но главное – в этом доме жили *девчонки*! Какая у них красивая фамилия – Черёмухины. Тоня и Нина – довоенные, старше меня на 5 и 4 года. Это мой начальный университет...

Нина: «Ляг на густую траву и долго-долго смотри на небо. Какое оно разное-разное! Смотри на облака... Ведерко с водой можно держать в вытянутой руке и кружиться – вода не выльется!.. Травинки растут, как люди!...» – *Неужели?*

Тоня: «Надо всегда говорить правду... Как узнавать правду? Только из книг. Значит, читать как можно больше... Люди не всегда поступают по правде».

Таких чутких, глубоких (ведь это пятиклассница!), как Тоня, я больше не встречала... Вот пример. Привезла ей свой только что изданный учебник «Стилистика научной речи». Через год приезжаю и слышу: «Почитала я твою книжечку и подумала: «Неужели это, кроме тебя, кому-нибудь интересно?»

Дорогая и милая Тонечка, как я рада твоей искренности!

Рожь на печке

1947 год. Трое мальчишек – «лесенка» – подходят к воротам. Это нищие из соседней деревни за милостыней. Бабушка идет встретить, потом кормит нехитрым ужином. Дети постепенно – вежливо, не все сразу – забираются на русскую печь, где тонким слоем рассыпана влажная рожь (чтобы начала прорастать). Теплынь! Засыпают... Утром долго нежатся в тепле, потом копошатся, не могут сдержатъ смеха. Что это они? Бабушка знает ответ: «Нагружают карманы зерном».

Приходит с мельницы дедушка, проверяет росточки: «А где рожь-то? Совсем мало...». – Мы с братом слышим – на всю жизнь! – бабушкин ответ «Да ты все бы только учитывал...».

Бабушкино наставление

Мы с братом остались без родителей в самом раннем возрасте: отец ушел на фронт Великой Отечественной, когда мне было два года, а Ване – две недели. Через пять лет не стало и мамы... Я не помню улыбки бабушки... Вот она ушла за водой на речку. Мы с Ваней за столом: я «воспитываю» его, первоклассника, карандашом по голове – он ревмя ревет от обиды. Бабушка возвращается, выливает воду в кадку, разворачивается с коромыслом и ведрами к нам лицом и укоризненно-выразительно наставляет нас: «Вы брат и сестра – и еще ссоритесь...». Опять уходит за водой. Шекспировская пауза... Ссор больше не было никогда. Всю жизнь.

Мой сон и бабкина интерпретация

Второй уж класс закончила. Рассказываю бабке сон: «Я иду по дороге в Щипу. Там лесок такой и цветы – всё ромашки и васильки. Шагах в десяти от дороги идет тетенька. Лицо мне не видно: она смотрит на цветы. Она в маминой юбке, но я сразу поняла, что это не мама, а Богородица...»

Бабка по привычке вздохнула и сказала: «Хороший сон... Вот Богородица и будет помогать тебе в жизни...»

История Сани Обориной

У мамы была подруга Саня Оборина. Миловидная, веселая, улыбчивая. Ждали с Алексеем третьего ребеночка... Саня работала продавцом в крошечном деревенском магазине... Поехали в соседнюю деревню в гости к

двоюродной сестре. А из магазина в эту ночь украли три «отреза». Саню – в суд, а потом в Соликамский район, в Боровск. Ясно: в тюрьму... Через два месяца родилась там Катя... А что дома? Алексей остался со своей больной матерью и двумя детьми – Любой и Мишей. Привел им «мать» – Нюру Палкину из соседней деревни Щипа. Кто-то из родных описал историю Обориных в письме Сталину... Неизвестно, кто и где прочитал это письмо, но... через восемь месяцев пешком пришла домой Саня с Катюшей на руках. Нюра вернулась в Щипу...

Рассказала мне об этом 21 ноября 2018 года Екатерина Алексеевна Треногина (Оборина), когда приезжала из-под Одессы на юбилей к сестре в село Григорьевское Пермского края.

Как сочувствовали Сане и радовались за нее (Сталин помог!) наши бабушка и дедушка!

Письмо Сталину

Ежедневную утреннюю молитву бабушка заканчивала так: «Помоги, Господи, поднять сирот...». После этих слов можно было вставать и разговаривать с братом и бабушкой... Я училась уже во втором классе и слышала, что кто-то написал Сталину и Саня (подруга мамы) получила от него помощь... Однажды у бабушки так сильно болела голова, что она не могла вынести деревянное ведро (очень тяжелое, а для меня неподъемное!) и напоить корову. Что делать-то? Этот вопрос не давал покоя, потому что ответа на него не было. Я написала письмо Сталину, в котором просила отправить нас с Ваней в детдом, потому что «дедка целый день на мельнице, а у бабки болит голова. Им трудно нас воспитывать...». Почтальон, видимо, не обратил внимания на адрес, и письмо дошло до Осы. Дедушку вызвали в райком партии, где он ни разу в жизни не бывал. Сплел лапти и на другой день утречком в полной тишине отправился в Осу.

День прошел без дедушки, а к вечеру мы с Ваней ждали гостинцы. Бабушка «почему-то» весь день была дома, не полола грядки в огороде, а часто молча смотрела в одно и то же окно. Наконец: «Идет...» – и села на лавку. Мы зашумели, обрадовались. Бабка нас не замечала... Пришел, стал разувать лапти и рассказывать: «Спрашивают, в чем нуждаетесь... Ни в чем, говорю, не нуждаемся, все есть, ребята растут. И отпустили...». Бабушка-то как была рада: «Слава Тебе, Господи!»

Ни разу в жизни вы не упрекнули меня за это письмо... Дорогие, милые мои бабка и дедка, простите!..

Счастливые мгновения

Бабушкина похвала

Учусь в первом классе. Мама тяжело больна... Учительница Александра Васильевна сказала перед Новым годом всем: «На елку приходите с

родителями». Значит, нужно с родителями... Едва-едва уговорила бабушку пойти в школу на елку... Дед Мороз (конечно, Александра Васильевна!) такой замечательный, никого нас не знает, спрашивает: «Кто у вас лучше всех учится?.. Неужели? Такая маленькая... Правда, хорошо учишься?». Вспомнив о нерешенном примере, шепчу: «Не шибко же...». На обратном пути услышала дорогую сердцу похвалу: «Всё было хорошо... А больше всего мне понравилось, как ты ответила... Не хвали себя – жди, когда люди похвалят...».

Письмо Феде

Соседка Дмитриевна получила письмо от сына Феде, который служил в армии. Попросила меня, первоклассницу, написать ответное письмо. Моя полуграмотная бабушка (знала буквы, могла прочитать по слогам печатный текст, но так никогда и не читала) говорит: «Расскажи, как живет Дмитриевна». Пишу: «Федюшка, я живу хорошо. Накопали 15 ведер картошек. Сосед Матвей напил дрова. Мы с Лёнькой баско их сложили. Печь топлю, а она скоро остывает. Лёнька любит прокислую похлёбку, говорит, даже сметаны не надо. За нас не переживай. Жду тебя, Федюшка». Прочитала – уж хвалили-хвалили и бабушка, и Дмитриевна. Решила: во втором-то классе я лучше напишу...

Это было первое в жизни сочинение...

Экскурсия

1947 год... Супруги учителя в нашей маленькой начальной школе решили повезти лучших учеников на экскурсию в районный город Осу. Александр Федорович пришел к бабушке «отпрашивать» меня. Бабушкин ответ: «Пусть кто-нибудь другой... Больно она мала... А как кошелюшку понесет?.. И лаптей-то нету...». Александр Федорович тверд: «Другой... Ребята скажут: несправедливо: она хорошо учится; уступчив: «Кошелюшку я в своей котомке понесу...»; ласков: «А лапти долго ли дяде Васе сплести...». Лед растаял... На другой день дедушка начал плести лапти...

– Дедка, кому ты плетешь такие маленькие лапотки?

– Да кошке... Шла вон по росе, лапки замочила...

– Она умеет онучи наматывать?

– Не умеет, так я научу.

– Хорошо кошке... Она может в Осу пойти...

Экскурсия состоялась.

Ли-ли-я !!!

Для чтения летом наши учителя раздавали книги из шкафа. Всех учеников было 35. Я первоклассница, пришла после всех: школа далековато. Осталась одна-единственная книга – самая толстая – «Молодая гвардия» А. Фадеева. Александра Васильевна успокоила: «Прочитай, сколько сможешь. Ну хоть две страницы...» Не очень-то и интересно: ну купались девчонки...

Плескались... Любовались какими-то лилиями... Ли-ли-я!!! Какое слово-то красивое! И что это за ли-ли-я?! Надо спросить у Нины. Она все знает: закончила пятый класс.

Началось филологическое удивление...

Вежливые человечки

Пошли на экскурсию в Осу. Нас было человек десять. Двадцать километров мы прошли пешком. Последние пятнадцать проехали на попутной грузовой машине. Идем по городской улице. С редкими прохожими вразнобой, но все, здороваемся. Те приветливо отвечают, и все почему-то улыбаются. Почему? Мы ведем себя исключительно вежливо... Узнаем новое правило: в городе так много людей... С незнакомыми не принято здороваться...

Суп с яйцом

Учусь в шестом классе. В перемену девочка рассказала, что мама варила суп с яйцом. Я представила, какой он вкусный, и решила непременно сварить такой же. Алгоритм действий выстраивался долго – до каникул, когда приеду к бабушке и дедушке. И вот...

– Бабка, ты дашь мне одно яйцо? Я умею сварить суп.

– А картошку-то надо?

– Надо, надо.

Бабушка чистит и режет картошку сама, чтобы я не порезала пальчики. Дедушка занят делами.

– Дедка, мне надо таганок. Я сварю суп.

– А где поставишь его, треножник-то? Костер надо у воды, чтобы пожара не сделать.

– А я на берегу...

Дедка приносит в огород, на берег речки, два кирпича, разводит костерок, ставит эмалированное блюдо с водой на кирпичики и уходит во двор, улыбаясь в усы. Кладу картофель и мчусь за яйцом. Кипит-булькает вода... Разбиваю яйцо – и туда же! Бабушка кричит в окно: «Для вкусу пощипли луковых перышек!» Грядка с луком недалеко – долго ли бегом-то! Вспомнила: а соли-то? На всех парусах за солью! Суп варится, щепки в костерке догорают... Всё готово! Бабка сама несет блюдо с супом: «Еще обольешь себя горячим-то...». Жалко, Ваня ушел с удочкой на речку... Втроем сели торжественно за стол: внучка угощает! Приятного аппетита! Попробовали... Пересолено (вода выкипела), яйцо превратилось в железные прутья.... Бабушка: «Да ведь первый раз варила...»; дедушка: «Яйцо-то надо варить малёхонько...».

Урок окончен.

Рыбки и морковь

Я закончила в Осе седьмой класс и приехала на попутной трехтонке за 35 километров в деревню к бабушке и дедушке. После восклицаний типа «Матушка ты моя!.. Домой приехала!..», естественно, полагается «за стол». Нехитрый обед закончен, остался «десерт»: «Сбегай в огород, выдерни морковь». С морковкой – к речке, а там – тишина, только пчелки жужжат, стрекозы летают... Удобный мостик... Наклонилась: вода чистая, прозрачная, как зеркало, стайки рыбок испугались морковки... Развеселилась, смеюсь и смеюсь...

Спрашиваю бабушку, отчего я без всякой причины вдруг смеялась. И услышала замечательный ответ: «Радовалась...».

Радость брата

В доме бабушки и дедушки душе было спокойно, как-то уютно, а радость была редкой. По-моему, только при встрече, когда я приезжала на каникулы после учебы в школе, а потом – в педучилище... И вот я дома, сидим с бабушкой, разговариваем, а брат (младше меня на полтора года) во дворе колет дрова, да так ловко, что поленья только щелкают... Бабушка подходит к окну: «Ой, Ванька-Ванька... Большой уж вырос... Для тебя ведь так старается... Радехонек, что сестра приехала домой».

Семейная ссора

В деревне был красивый пруд. И мельница. Наш дедушка – мельник. Солдатки (их мужья погибли на войне) за услугу смолоть кошелюшку ячменя (выращенного на своем огороде) – это хлопотная работа, лучше, говорит дедушка, пять мешков ржи пропустить – свою благодарность подтверждают именно седьмого ноября стопкой самогона. Пока идет дедушка с мельницы, вместе с добрым словом получает 2-3 стопки. А вечером – в гости! Бабушка держит себя скромно, с достоинством, а дедушка – в легком возбуждении – привлекает к себе много внимания: смеется над своими шутками, громко рассказывает, слишком (по мнению бабушки) свободно жестикулируя, как «Варшаву брал»... Утром дед садится завтракать, бабушка берет власть в свои руки. Ограждая нас с братом от перегара, наказывает деда: «Не садитесь с ним за стол!.. Пусть один ест... Пьяница такой (звучит как *пъениса*)!». – Да какой я пьяница! Да разве такие пьяницы-то бывают!.. Бабушка ходит туда-сюда: уносит в загон ведро с пойлом для коровы, появляется: «И не стыдно! Только его и слышно!». Уносит пойло для овец, возвращается: «Ну никакого стыда!». Дедушка, уязвленный всерьез, делает решительное, сильное обобщение: «Живешь за мной, как за каменной стеной, и еще недовольна». Не возразишь... Бабушка уходит кормить кур...

В большой праздник

Раннее лето. Петров день – в честь апостола Петра. Бабушка накормила семейку шаньгами и куликами. У дедушки дел сегодня нет: большой праздник. «Пойду-ка в лес, проверю ключи». Пошел: за поясом – топорик, на плече – желобки для воды в ключиках. Возвращается к ужину.

– Что там весь день делал?

– Да мало ли в лесу работы: на трех ключах желобки установил, вырезал бересту, сделал поильники, выкопал ямки для воды, у Большого ключа мостик подправил... Дошел до Пальников – да и обратно. Ребятишки пойдут за земляникой, так воды попьют как следует, а не будут лакать из ладошки, как собачата.

Помню, как-то раз пошли с дедушкой за грибами. На лесной полянке дорогу перегородила елка: упала в грозу. Дед снял из-за пояса топорик, стал очищать ель от сучьев, уносить их к обочине полянки, оттащил ствол в сторону. Мы с Ваней уж наигрались: «Дедка, пойдем. Здесь же никто не ходит, никому эта елка не мешает». – «А вот зимой поедут за дровами, попробуй-ка убрать эту елку из снега». Хозяин...

Ива

Огород заканчивается речкой Чёкур – узенькой, но глубокой. На берегу – баня. Дедушка, говорят, до поздней осени после жаркой бани нырял в речку. Весной вода бурлила, балуясь, с силой ударяла на повороте в крутой берег, мало-помалу меняя русло реки. Подберется ведь, говорит дедушка, вода-то к бане. И нашел дедка чудесный выход. За баней проходила граница с огородом соседки Анны. На эту границу он воткнул колышек – да не простой, а ивовый. Ива любит воду, и в таких-то благодатных условиях стала расти-расти да кудрявиться. Красавица – ну не насмотреться! А дедка: «Свое место нашла: и берег укрепила, и в окно приятно поглядеть»... Сентиментальная душа...

Сердце без логики

Дедушка воспринимал мир в целостности и оценивал события по шкале «хорошо или плохо». Этот параметр, конечно, конкретизировался в разных ситуациях. Вот, например, после поездки в зимние каникулы в Осу я показываю бабушке и дедушке подарки, за хорошую учебу полученные в Доме пионеров (почетную грамоту, портрет Сталина во весь рост, карандаш). И рассказываю, что ночевали на колхозной квартире. К вечеру в Осу приехали на лошади две женщины за пенсией. Спать на полу расположились так: тетя Оля, ее дочь Нина (моя подруга) и я. Тетя Оля стала ласкать Нину и шептать ей ласковые слова... Я заплакала... Тетя Оля подумала, что я заболела... А я долго успокоиться не могла... Дедушка дал свою оценку: «Да что она понимает, эта Ольга... Ходит неряхой, руки до локтей в саже...».

Дедка-дедка, нет никакой логики в твоей оценке, а сердце-то!..

Про себя знай!..

Поступила в педучилище, получила место в общежитии. В комнате 16 человек. В каникулы рассказываю бабушке ужасную историю о том, как у одной девочки потерялось три рубля. Как узнать, кто взял? Нашлась «гадалка»: «Я узнаю точно». Встали вокруг стола... Я денег не брала, но трепетала: вдруг гадалка скажет, что это я виновата... (Через год-два все в классе узнали, что деньги взяла именно гадалка). Бабушка много не рассуждала, не охала, но сразу дала афористичный, бесспорно, мудрый совет: «Ничего плохого не делай. Молву не слушай. Про себя знай».

Неформальный подход

Сданы экзамены за третий курс педучилища. Домой! Бабушка издала увидала в окно и вышла за ворота – встретить:

– Матушка ты моя, какую даль прошла... Ну отдохнешь теперь...

– Бабка, ты почему не спрашиваешь, как я сдала экзамены?

– А вот почему: Я ничего не понимаю в твоих делах. Как тебе надо – так ты и учись.

Какая мудрость в этом ответе! Во-первых, взрослая уже – думай сама, во-вторых, не рассуждать и не советовать, если не понимаешь сути дела! Через 60 лет читаю (контекста не помню): «Много знаешь, да *мало понимаешь!*»

Рецепт против «двоек»

Первый месяц в училище закончился. Пока шло повторение, получала четверки и пятерки. За последнюю неделю – пять «двоек»! Что с ними делать – не знаю: на уроках дремлю, ничего не слышу, в общежитии читать не могу (помните, 16 кроватей, длинный стол, за который никто и не садится даже...), постоянно хочу есть... Подруга Катя (она староста) сообщает: «Маша, тебя вызывает Семен Григорьевич». Это завуч, который всех учащихся (так нас называли) знал и называл по именам. (Осталась профессиональная привычка: на войне, говорили, он служил замполитом!). После первого вступительного экзамена, когда я написала диктант на «пятерку», Семен Григорьевич звал меня Марусенькой. И вот... до чего дошло! Марусенька в кабинетике, где (как тогда казалось) огромный письменный стол стоит как-то наискосок, а стул – для приглашенных – и у двери, и (он же) у стола. Ну очень удобно разговаривать!

– М., ведь у тебя много «двоек». Уроки-то учишь?

– Не-е-т... – и горько заплакала.

Семен Григорьевич Канторович не укорял, не расспрашивал, не уточнял, не брал с меня честного слова «исправить двойки»... Он рассказал, что в училище есть кабинет химии, где по вечерам эвакуированная из Ленинграда Кира Петровна дает учебники и где «так хорошо учить уроки».

Дорогой Семен Григорьевич! Вы даже представить не могли, каким важным оказался в моей жизни этот «вызов к завучу»... Именно с тех пор я и

полюбила атмосферу библиотеки – Осинской, Пушкинской, Горьковской, Ленинской, Салтыковки, Краковской...

Общежитское веселье

На первом курсе в педучилище не хотела, чтобы надо мной подшучивали; спать ложилась поздно, с самыми «выносливыми», поэтому явно недосыпала. Утомление и усталость нарастали. И вот... Двенадцать часов ночи. По радио исполняется гимн. Кто-то обратил внимание на то, что я сплю. Как?! Разбудить! «Маша! Уже 8 часов! Опаздываем! Слышишь: гимн!» (В восемь утра тоже передавали гимн). В комнате суматоха: кто одевается, кто еще полураздет, какое-то всеобщее движение. Я невозмутимо (видимо, в полусне) достала из тумбочки свидетельство о рождении (просили принести), аккуратно свернула вчетверо, положила его в старый школьный портфельчик – и готова идти в училище. Но не одна же... Из шестнадцати-то человек всегда кто-нибудь рядом... В этот раз рядом оказалась Нина Сурсякова. Пошли... В коридоре умывальник, места заняты. Все опаздывают...

Погода просто замечательная: лунный свет, плавно-плавно опускаются снежинки, нежно прикасаются к щекам, хочется смеяться... Нас торопливо обошла лишь одна пара немолодых людей. Наверное, из кино. Тишина...

– Нина, я даже не умылась...

– А я-то? И чулки не надела. После первого урока надо в общежитие...

На крыльце педучилища никого, парадная дверь закрыта, скорее во двор, там черный вход. И там закрыто... Какой сегодня день? Четверг. В чем же дело-то? Идем обратно не торопясь. Сон прошел – хорошо, свежо! Входим во двор общежития: на ступеньках, на перилах лестницы на второй этаж гроздь веселых душ, в коридоре – тоже. Нина наконец прыснула и тут же испарилась... Казалось, всё общежитие стонало от смеха, а я думала: «Хорошо, что положила свидетельство, теперь можно спать спокойно»...

Этого немудреного общежитского веселья хватило на дальнейшие 60 с лишним лет. Конечно, при встречах на редких посиделках, когда неизбежны воспоминания...

Ничего не бойся: везде ведь люди!

Педучилище окончено! Направление на работу получено...

– Бабка, вы с дедкой воспитали меня, я ведь с вами должна жить... Я могу в нашей начальной школе работать.

– За нас не держись. Мы свое прожили. Поезжай, куда тебе лучше... Ничего не бойся: везде ведь люди!..

До сих пор жалею...

Первый отпуск... Купила подарки, брату Ване (ему уж 17 лет) – голубую шелковую рубашку. Счастье! Он носил ее, как говорится, не снимая.

Пришла пора стирать. Бабушка уже не могла... И постирал он ту рубашку в деревянном корыте вместе с красной майкой... «Сестра, говорит, подарила, а я... – рассказывала тетя Маня, его крестная, – и заплакал...».

До сих пор жалею, что не купила брату другую рубашечку...

Постаноговская быль

Женя Котюров на практике был в Постановговской школе. Пригласили работать после окончания университета. Диплом получен – молодожены поехали! Помню, свекровь дала нам кастрюльку, чугунную сковородку, две ложки... Нож купили, какой мне понравился: закругленный, значит, безопасный!.. Столовой в Постановгах нет – надо варить суп. Ура, есть консервы «Килька в томатном соусе»! Суп уже варится, но как открыть баночку с килькой?! Слышу: шумит грузовик. Банку и ножик в руки – и к дороге. Шофер встретил моего мужа в колхозной конторе и говорит: «Пора уж обедать. Вас ждет суп с килькой». – «Саша, а ты-то откуда знаешь?» – «Ваша жена не могла открыть банку, так на дорогу выбежала за помощью!..»

Вскоре купили консервный ножик...

Золотое правило нравственности

«Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Это правило обычно иллюстрируют детям как правило поведения: будь вежлив, не груби, не бери чужого и т.д. Человек легко усваивает это правило, как мне кажется, потому, что не задумывается над смыслом, т.е. формально, сообразуясь лишь с очевидностью...

Хочу обратить внимание на невысказанное в формулировке правила уточнение – относись к людям *с пониманием*. Надо сказать, что это уточнение осознается не во всех случаях, отнюдь не многими, а некоторым вообще «никак не дается». А если и осознается, то по истечении времени, когда уж ничего нельзя исправить. Особенно важно подчеркнуть, что нарушение этого правила возвращается к нам *с усилением, в избытке* и воспринимается как несправедливость – *за что?* Вот пример-воспоминание.

Моим первым *любимым* преподавателем была Франциска Леонтьевна Скитова, которая «похваливала» меня на семинарах и, думаю, хотела, чтобы я стала изучать диалектологию. А мне всегда (еще в педучилище) хотелось как можно лучше знать русский *литературный* язык. Поэтому студенческой научной работой (со второго курса) я стала заниматься под руководством Маргариты Николаевны Кожиной.

Из-за чего мне и теперь совестно? А из-за того, что тогда мне и в голову не пришло поговорить с Франциской Леонтьевной, объяснить ей мое решение... Мало того, подобная ситуация произошла и в другой раз. Поступила в аспирантуру к профессору М.Н. Кожиной. Аспирант на кафедре – после лаборанта первый помощник в делах. Ф.Л. руководила работой над созданием Акчимского словаря. Привлекла и меня. Но наша семейная, хотя и дружная, но

неустроенная жизнь, работа в библиотеке с открытия до закрытия не оставляли времени для других дел (ни в словарном кабинете, ни для занятий французским языком – мечтой с детских лет). Я просто не стала появляться в словарном кабинете. И опять не объяснилась с Франциской Леонтьевной, почему она не получила помощника в горячо любимой ею работе... Моя душевная глухота, внимание только к своим делам и заботам – вот оно, нарушение золотого правила нравственности! Не скажу, что это не мучало меня... Но главное в том, что я получила возмездие *с усилением*, **в избытке**, причем через много лет, что долго буквально не могла опомниться...

Первокурсница изъявила желание заниматься научной работой (обычно начинали со второго курса) и приходила ко мне домой каждый вторник в 9 часов вечера. Говорили обо всем, что ее интересовало, подготовили текст доклада, с которым она успешно выступила на студенческой научной конференции. Важно, что установился редкостный *душевный* контакт. Радость общения. Однако именно этот нюанс принес мне «горючие слезы»... В конце августа, как только студентка приехала в общежитие, состоялась эмоциональная встреча, а также консультация по будущей курсовой работе. И вдруг: проходит сентябрь – не появляется. А потом в коридоре у кафедральной двери наспех сообщает, что она решила заниматься другой темой, значит, под руководством другого преподавателя. На кафедру я вошла «на ватных ногах», хотя студентке сказала, что она совершенно свободный человек... Так я лично познакомилась с действием (функционированием) золотого правила нравственности. Долго не понимала ситуации, потом простила, а вот забыть...

Нельзя не заметить: беспощадно мстит нам нарушение золотого правила нравственности «Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе».

Непростой выбор

С трудом *смирившись* перед волей руководителя (доцента М.Н. Кожиной), я написала дипломное сочинение на предложенную тему в совершенно новой – и, казалось, «совершенно неинтересной»! – области стилистики. С 1965 г. моя «застольная» работа, в отличие от изучения (ну очень интересной!) художественной речи, посвящена стилистике именно научной речи, особенно же одной строке концепции М.Н. Кожиной – об экстралингвистических основаниях смысловой структуры текста, прежде всего научного академического, представленного статьями и монографиями.

В варшавском подвальчике

В бедные 90-е – поездка на научную конференцию в Польшу, в г. Ополе. «Камой» до Москвы, почтово-багажным до Бреста, электричкой до... уже на территории Польши, а там рукой подать до Варшавы... С утра в небольшой гостинице готовлю бутерброды: перекусить во время прогулки в «сердце столицы» – на Ратушной площади. Ясно, что бутерброды с колбасой и

ломтиком помидора и чай в кафе – самый дешевый вариант обеда... Проголодавшиеся путешественницы обрадовались, оказавшись перед непрезентабельной дверью: «Именно это для нас». Вход в подвальчик с винтовой лестницей, стенами из каких-то булыжников, на 2-3 выступях – гладиолусами в бутылках из-под шампанского... Просто, уютно... Заказали мороженое. Официант принес его на больших тарелках – по 6 шариков – разноцветных! Восторг! Отдохнули замечательно! Официант идет с сафьяновым сундучком. Шепчу: «Долларов 100 заплатим» ... Открываем сундучок медленно, с достоинством не обремененных бедностью иностранцев: «126 долларов»... (Это было больше, чем мы заплатили за трое суток в гостинице) Кажется, никогда не видела таких унылых лиц колеганок: столько денег промотали, а Ополе еще впереди.

Но мы – Елена Александровна, Наталия Васильевна и я – на каждой кафедральной тусовке с удовольствием предаемся воспоминаниям об этом подвальчике...

Григорий Маркович Крылов

выпускник юридического факультета 1974 года

ДНЕВНИК ВОСПОМИНАНИЙ

7 мая 2019 г.

Про праздник Победы я узнал, усиленно трудясь учеником первого «б» класса. Знание явилось ко мне не из радиоточки и не из скучного газетного официоза – насколько я могу помнить, в государственных святцах такой даты тогда не числилось. Это событие, как и многое важное, что происходит в настоящей жизни, прилетело совершенно случайно.

Окружающие меня взрослые прошли через мелкую решетку военной мясорубки. Почти все, кому повезло возвратиться, были изранены и контужены. Два материнских брата и сама мама вернулись с фронта инвалидами. Война давно кончилась, но ее костлявые, гнилые пальцы крепко держали свои жертвы за горло.

Когда умер от ран один из моих дедов, я совершенно не был посвящен в причины его ухода. Он просто исчез, как исчезает вчерашний день. Дети, к своему счастью, горя не понимают. Так и я существовал возле больших и трагических событий, нисколько не подозревая о них.

В огромной жестяной коробке, упрятанной в глубины платяного шкафа, хранились тяжелые кругляши медалей и красивые блестящие броши орденов, которые взрослые привезли с войны на своих гимнастерках. Я играл воинскими наградами, как и остальными игрушками, абсолютно не догадываясь об истинной кровавой цене, уплаченной за каждый грамм разноцветного металла.

В книжном шкафу хранилось несколько альбомов со старыми мамиными фотографиями, и я полюбил рассматривать их в одиночестве. На черно-белых картинках мама походила на актрису из кино про военных летчиков, на которое меня водила бабушка.

Совсем молодая, в красивой военной форме, она смеялась, а рядом с ней смеялись такие же молодые мужчины и женщины. Они тоже были в военной форме. Действующие лица на фото выглядели чрезвычайно веселыми и наполненными той страстной силой, которая сопровождает нормального человека в первую половину жизни.

Иногда мама присаживалась ко мне и начинала рассматривать свои фотографические сокровища. Внезапно она становилась грустна, и я, привыкнув к ее всегда ровному настроению, никак не мог понять, почему она вдруг переставала улыбаться и глубоко задумывалась.

Я показывал на незнакомых людей на фото и спрашивал, кто они и почему им так весело и хорошо вместе. Мама совсем замолкала и вдруг начинала безутешно плакать и гладить трясущейся рукой лица людей на рассыпанных фотоизображениях. Я прижимался к теплой маминой руке и пытался, как мог, ее отвлечь.

Я уже был вполне себе взрослым семилетним юношей, когда 9 мая к маме приехала из другого города незнакомая, усталая женщина. На ее черном запыленном пиджаке я увидел знакомые воинские колодки. Точно такие же лежали в нашей железной банке, спрятанной в шкафу.

Я никогда не видел маму до этого в таком возбужденном состоянии. Мама и незнакомая женщина долго молча стояли, смотрели друг на друга, а потом обнялись и заплакали. Они горько и страшно выли.

Мы были одни, и наш дом перестал казаться мне близким и теплым убежищем. Я почувствовал, что в нашу уютную тишину пришло что-то непонятное, чужое и страшное. Мне казалось, что я уже большой, но я отчаянно заревел вместе с ними и только тогда они отстранились и начали успокаивать меня.

Потом мы втроем сидели за обеденным столом. Одиноко стояла бутылка с прозрачной жидкостью, на которой я с превосходством грамотного человека громко прочитал наклейку.

Они пили водку, закусывали тушенкой из жестяной, умело открытой ножом банки. Они рассматривали старые фото из маминого альбома и снова целовались и снова плакали, и я почему-то смеялся и плакал вместе с ними.

12 мая

Над всем отечеством моим мокрой тряпкой висит серое, облачное небо. Висит небо скучной декорацией лет так триста без малого.

Вроде бы весна, время очнуться, вылезти из-под одеяла, да и осмотреться по сторонам взглядом, наполненным надеждой, но Родина прочна в своей безмятежной постоянности. Не позволяет надеяться, приучает всем пейзажем к безнадежности пустынного болотного бытия.

Перми нашей благословенной достается немного солнца по божескому несправедливому жребию, и очнувшиеся к маю, сломленные авитаминозом жители начинают созидательную муравьиную работу по воскрешению огородного дела.

Знатным огородником у нас являлся папа. На принесенной с работы марле высаживались семена. Потом возникшая ниоткуда рассада ювелирно переносилась в свернутые из газеты пакетики с землей. Под научным взглядом

моего родителя зелень оживала, подбадриваемая рахитичным апрельским светом.

Я смотрел на чахлые проявления флоры с детским восторгом и под руководством нашего Мичурина сажал в майонезную стеклянную банку старую луковицу, которая вдруг взрывалась зеленой ботвой.

Мама срезала нежные побеги и готовила мне витаминный салат. «Для восстановления иммунитета», – говорила она. Красивое докторское слово так мне нравилось, что я с удовольствием поедал горькие луковые стрелы с просветленным лицом укрепляющего здоровье человека.

Начиналось перекапывание грядок и высадка на грунт, а потом прополка и полив будущего урожая. Рядом по флангам и в арьергарде трудились наши родные и близкие. Взрослые с неподдельным энтузиазмом предавались земляным работам вне зависимости от пола, возраста и образования.

Граждане вгрызались в уральский глинозем от безысходности и полного понимания того, что надеяться можно только на себя и свои усилия в борьбе за семейную продовольственную программу.

Надо признать, что не дремало и руководство нашей страны. Верные сталинцы, пришедшие к рулевому колесу после смерти гения всех времен и народов, в первую очередь стали бороться за свою собственную безопасность.

Они были такими же рабочими и крестьянами, как и все остальное население. Ума там было ни на грамм не больше. Все различие заключалось в спецпайке, отдельной жилплощади и служебном транспорте.

У каждого из них сгинули в тюрьмах и лагерях родственники, жены и дети. Они так же, как и все остальные советские граждане, существовали в смертельном страхе насильственной, несправедливой гибели, заложенной в железную логику террора.

Они устали не спать по ночам и прислушиваться к шагам на лестничной клетке, и они чуть отпустили вожжи. Дали вздохнуть в первую очередь себе, а потом и своим рабам, которых теперь называли согражданами.

Даже слабого тепла оказалось достаточно для невероятного оживления, которое случилось со всеми нами в конце 50 и начале 60-х годов. Началось перекапывание грядок во всех сферах советского бытия. Урожай превзошел все ожидания и напугал начальство. Оно не успевало за страной. Оно опаздывало и не усваивало уроки.

Думать у нас не привыкли и не умели, зато привыкли действовать. Творчество строителей коммунизма надо было двигать в правильном направлении. «Верной дорогой идете, товарищи» – как раз про этот случай. Возникла целина, на которую я провожал дядю и его студенческих друзей. Потом начали сажать в Ныробе кукурузу.

Мудрое руководство обеспокоилось тем, что от сытости недалеко и до волюнтаризма, ударили метко и под дых. 20 августа 1958 г. было принято постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности

граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Постановление касалось около 12 миллионов городских семей, имевших свои огороды.

В декабре 1959 г. дело дошло и до колхозников. На пленуме ЦК был сделан вывод, что «личные подсобные хозяйства постепенно утрачивают свое значение», поскольку колхозникам якобы выгоднее получать продукты из колхоза.

Через год в Перми исчезли куры, кролики и коровы, а чуть позже по несложной теории формальной логики – и получаемая с их участием еда. Вокруг нашего дома наступила торжественная тишина. Заткнулись съеденные в супе петухи и сданные на мясо коровы.

Зато возникли очереди, которые заняли свободное время трудящихся масс и отвлекли их от самостоятельности и опасного вольнодумства.

21 мая

Май – опасный месяц: мягко стелет, обещает райские кущи. К чему не прикоснется волшебной палочкой витальной – сразу цветение, восторг и все такое.

Май в Перми мог быть совершенно разным. Порой снег покрывает зеленую траву свежим сугробом, а иногда стоит жесткая июльская жара.

Только вечная Кама привычно тянет мимо города коричневое, грязноватое тело. Сумасшедшие от солнца жители, заморенные зимним воздержанием, пытаются загорать на вытащенных из сонных кладовок бабкиных ватных одеялах.

Дамы демонстрируют новинки дезабилья местного производства. Мужики предпочитают семейные трусы, значительно улучшающие общий вид неопределенностью первичных признаков.

Про фитнес в середине 20 века у нас не слыхали. Граждане много работали и поэтому любили отдыхать. Релаксация напрямую была связана с ликероводочным производством и пищевой промышленностью. Пение и танцы сопровождали почти любое мероприятие на свежем воздухе, повышая общую культуру населения.

Река просыпалась весной, словно спящая красавица, случайно расцелованная местными жителями. Город пробуждался вместе с ней, и тогда вдали слышались первые аккорды желанного и короткого уральского лета. Май трудился в этой партитуре первой скрипкой, умелой и тонко чувствующей задумки дирижера.

Два сюжета – уральское лето и великая река, собственно, и создали невозможное очарование нашего безликого города.

Вскоре после моего рождения окончательно перерыли Каму, и ввысь вознеслась твердыня КамГЭСа, изменившая климатический облик до неузнаваемости. На сухопутную Пермь обрушились морские ветры и

пролились океанские дожди. Мощное Камское море превратило местных собирателей кореньев в отважных романтиков.

Целые поколения уходили в водные просторы на речных трамвайчиках, парусных яхтах, моторных лодках, байдарках, плотах, а порой просто вплавь. Многие тонули, но общий восторг речного драйва становился даже некой местной достопримечательностью.

Папа предпочитал большие двухпалубные пароходы. Маршрут от Перми до Астрахани и обратно занимал около двух недель. Бесконечное, серьезное путешествие, наполненное ленью, преферансом с друзьями на палубе, веселыми ужинами в корабельном ресторане и тем самым удивительным состоянием тела и души, которое опытные итальянцы обозначили, как *dolce far niente*.

Пароход походил на кита, которого мне показывала няня в книжке про Конька-Горбунка. Чудище взволнованно хлопало по воде колесами, из трубы в небо вздымалась горькая копоть дыма. Механический кит распространял животный запах темных речных заводов.

С верхней палубы слышался рев, издаваемый жестяным матюгальником. Слов невозможно было разобрать, но приказы сверху стремительно исполнялись внизу энергичной командой.

Правда, потом выяснялось, что не все всё поняли верно, но какое это имеет значение, когда в конечном результате мы все-таки отплыли и, не смотря на все усилия руководящих и исполняющих, вернулись домой живыми.

Капитан явился заинтригованным пассажирам и рыдающим от зависти провожающим, как *deus ex machina*. Весь в белом, он напоминал ангела, спустившегося с небес для того, чтобы проложить нам единственно правильный путь. Надо признать, что со своей задачей он вполне справился.

Через две недели мы вернулись домой абсолютно другими людьми, познавшими чудеса родного края и повидавшими горизонт. В нашей семейной каюте хранились две трехлитровые банки черной икры, купленные папой при помощи помощника капитана у верных людей. По полу катались полосатые арбузы, а в деревянных ящиках дремали зеленые, пахнущие бешеной степью, помидоры.

Я был наполнен тем пронзительным детским счастьем, которое почему-то никогда не случается потом во взрослой жизни.

Это было мое первое и, как потом выяснилось, единственное путешествие вместе с папой и мамой.

26 мая

Всякое человеческое поселение на территории Родины нашей возводится по велению высокого начальства. Начальство не вдаётся в детали и мелочи. Занебесная высота его расположения не позволяет убедиться в

собственной беспримесной правоте, а нам, вечным сиротам, жить приходится там, где оно указующим перстом ткнуло.

Пермь кручинится вдоль неутомимой Камы лет почти 300, по повелению проклятого царизма возведенная. Место обычное – гиблое, но люди выстрадали свой город, посадили деревья, построили, как сумели, из подручного материала дома. После чего зажили весело и с огоньком.

К моему рождению в середине 20 века город не сильно отличался от своего портрета в момент пролетарской революции. Разгоряченные свободой крестьяне, покинув скудные нивы и пажити, ломанулись в голодающие города. Здесь их никто не ждал. Получилось, как получилось – ни жить негде, ни есть нечего.

К концу 50-х вроде бы взвесь отстоялась, но картина миру явилась страшная – бараки, халабуды и конурьи составили почти весь жилищный фонд красавицы Перми.

Не было в Перми воздуха, не было высокого неба, простора, ощущения архитектурного движения. Здания, словно сляпанные кое-как на скорую руку, прислонялись друг к другу потребительской необходимостью. Не было той самой красоты, которая связывает человеческие творения с природным ландшафтом и создает новую эстетическую среду.

Поэтому я страстно любил несколько старых улиц возле Камы, построенные буквально вопреки всему остальному городу. Мама не родилась в Перми и приехала уже совсем взрослая на этот бесконечный праздник прекрасного.

Когда я достиг возраста некой осознанности, она уводила меня гулять на эти странные улицы. Здесь я вместе с ней чувствовал, как запах сиреневых садов, сливаясь с холодным дыханием реки, застревает в горле прохладным, пахучим ощущением пространства.

Именно тогда я полюбил свой город за эту хрупкую малость и пытаюсь любить его по сей день.

31 мая

– Выкинь его к евреям, – неприятно усмехнувшись и кивнув в сторону нашего дома, заметил родитель моего лучшего друга Вовки, глядя на жалобно мяукающее, бессмысленное существо, немилосердно зажатое в его огромной ручище.

Перед этой судьбоносной для меня фразой мы нашли на улице бездомного котенка и зверолюбивый друг мой приволок животное в родную хату, где и наткнулся на стену непонимания.

Семья спецпоселенцев с Западной Украины, в рядах которой произрастал мой лучший друг, обитала в соседнем дворе, еще в двадцатые годы оттяпанном от нашего сада.

Родная советская власть, постоянно боролась с социальной несправедливостью, поэтому на похищенной земле талантливые пермские начальники срубили деревья и возвели два засыпных многоквартирных барака с часто меняющимся населением.

За забором весело, трудно и вперемешку жили, вернувшиеся к мирному труду победители фашистского зверя вместе с откинувшимися от Хозяина бывшими зэка. Жили тесно, с перегородочками в одну доску. С убогим отхожим местом в конце общего коридора.

У каждого была своя история и своя печаль, которую жители заливали, как тушат пожар, крепкими напитками. По этой самой причине предусмотрительный папа возвел крепкий высокий забор, разделивший нас с беспокойными соседями, как послевоенную Германию, на две страны с разной системой ведения хозяйства.

Забор не мешал нам с Вовкой общаться и полагать себя лучшими друзьями в традициях журнала «Мурзилка», который по вечерам читала мне няня. В авторитетной детской периодике было сказано, что у будущего октябренька должны быть друзья, и я, следуя заветам литературы, подружился.

Конечно же, в нормальном социуме человек не должен в 5 лет понимать, к какой национальной группе он относится. Беда в том, что за всю многотрудную историю приличные с виду люди только к концу двадцатого столетия смогли начать внятно формулировать эту нормальность, но и то, до сих пор ничего путного не получается.

Многие вещи даже в глубоком детстве я научился понимать с полуслова, поэтому сразу же понял, что неведомые мне евреи должны жить где-то в нашем дворе, но там я их никогда ранее не встречал.

Я помчался с любопытной новостью к маме. Мама почему-то не удивилась и только спросила, кто мне об этом рассказал. Я, еще не знакомый с журналистской этикой, честно сообщил ей о своем источнике информации.

Вечером, видимо подчитав первоисточники и собравшись с душевными силами, мама провела со мной собеседование по национальному вопросу. Первый нарком по делам национальностей молодого советского государства тов. Сталин, будучи зоологическим антисемитом, впал бы тяжелое ментальное расстройство, услышав этот благодный рассказ.

Мне было сообщено, что я, в силу рождения, принадлежу к одной из древнейших национальностей на планете, и что мне надлежит гордиться этой принадлежностью и не обращать внимания на интонации малограмотных людей, не посвященных в славную историю народа с колоссальными научными и культурными традициями.

Маме я доверял безоговорочно, зная по своему горькому опыту, что в конечном итоге она всегда оказывается права, но с тех пор мое чуткое детское ухо уже настроилось на необходимую волну. Вскоре я с горьким сожалением понял, что мама не совсем в курсе происходящего, вернее совсем не в курсе.

Опровергая стройную Аристотелеву теорию о пяти чувствах, присущих человеку, я обнаружил у себя чувство национального равновесия, которое впоследствии неисчислимо количество раз спасало мое самолюбие и в конечном итоге жизнь.

Я приучил себя не слышать и не видеть, не прикасаться и не вдыхать, остерегаться и избегать. Я надел на себя маску и она спасла меня от горького ощущения еврейского одиночества и незащитности.

Все это правда, но до конца своих дней я буду помнить маленького испуганного котенка в здоровенных лапах Вовкиного отца и его передернутые насмешкой и злобой губы.

8 июня

«Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк», – беседуя с Луначарским о смыслах постреволюционного досуга, заметил вездесущий Ленин. Одной фразы иному хватило бы, чтобы до конца истории войти в *annales* цитирования, а неугомонный вождь еще на целое собрание сочинений такого же понапроизносил. Потому и памятники ему до сих пор эстетически украшают самые завалящие уголки страны нашей бесконечной.

Цирк я не полюбил. Там всегда пахло навозом и каким-то безысходным сиротством. По проходам гуляли ледяные сквозняки, а раскрашенные белилами несвежие рожи клоунов вызвали острое чувство обычной человеческой жалости к несложившимся артистическим судьбам. И еще мне было совершенно не смешно, а как-то тревожно и противно от подсознательного ощущения лжи и насилия, скрывающегося за дешевым размалеванным цирковым фасадом.

Иное дело синематограф. Тут я с пролетарским вождем согласен полностью и бесповоротно – архиважным делом оказалось кино. Первый раз в моей юной жизни бабушка взяла меня с собой на дневной сеанс в кинотеатр «Победа». Фильм загадочно назывался «Аршин мал алан». Что это такое – я не знаю по сегодняшний день, но по-прежнему стараюсь не расстраиваться.

Лента произвела на меня неизгладимое впечатление. Незнакомые мужчины ходили в красивых высоких шапках и все время пытались жениться на закутанных в роскошные шали волшебных, как пери, девушек. Действующие лица и исполнители пели и плясали без остановки. История развивалась к вполне предполагаемому благополучному завершению с сахарным поцелуем, как вдруг у киномеханика порвалась пленка.

Зал стремительно преобразился, и через мгновения публику было не узнать. С воодушевлением и энтузиазмом еще недавно умирительно закатывающие глаза зрители устроили страшный кавардак – они топали ногами, свистели и выкрикивали не вполне понятные мне тогда слова в адрес несчастного прислужника ленты. В зале сделалось интереснее, чем на экране.

К сожалению, технический перерыв быстро закончился, и восточная идиллия повлеклась к сладостному, как халва, концу с песнями и танцами. Бабушка утирала слезы радости от азербайджанского хеппи-энда, а я понял, что в кино самое интересное возникает в зале, когда рвется пленка. Именно тогда искусство по-настоящему сближается с народом.

Уже обучаясь на первом курсе университета и будучи вполне просвещенным, как мне казалось, в сложнейших отношениях с женщинами, я случайно включил телевизор и попал на мой первый фильм с таинственным названием. Я бы не стал его смотреть, но когда рука уже потянулась к выключателю, на экране возник гениальный песенный диалог двух вроде бы второстепенных персонажей, сопровождаемый легким приплясыванием и подпрыгиванием.

С восторгом я прослушал его до конца, внезапно осознав, что для зрителя порой самым важным может оказаться самое незначительное. Жизнь открыла передо мной очередную бездну, в которую с начал с удовольствием падать.

19 июня

Трамвай упорно двигался к остановке. Няня крепко держала меня за руку. Она небезосновательно опасалась крушения жуткого фанерного строения с дребезжащими окнами. Рельсы напоминали вареные макароны, небрежно сброшенные в дуршлаг.

Покойный Лобачевский печально улыбнулся в своем геометрическом раю – рельсы должны были точно пересечься за горизонтом, а сам трамвай улететь на небеса к великому мыслителю для продолжения полезных научных изысканий.

Однако практика в данном конкретном случае, оказалась важнее шаткой теории – подвижной состав, подпрыгивая и раскачиваясь, принял к остановке. Няня, подняв меня крепкими крестьянскими лапами, вовлекла в сарай на колесах. Внутри было страшнее, чем снаружи.

Как только мы тронулись, составные части, из которых сварганили целое, начали жить индивидуальной жизнью и колебаться по независимым амплитудам. Звучаниедвигающегося трамвая напоминало итальянскую оперу в исполнении самодеятельного коллектива Кунгурского кожевенного комбината.

Здесь вынуждено совершилось одно из первых моих открытий – я оказался необыкновенный трусом, не готовым к испытанию ветхой техники собственной шкурой. Когда на повороте трамвай, содрогнувшись склеротическим телом, сошел с рельс и готовился окончательно развалиться, я заревел голосом взрослого напуганного медведя.

Крушение гордости общественного транспорта застало публику врасплох, но бдительная няня спасла меня, себя и сломленную горем кондукторшу. Оставшиеся в живых остальные пассажиры разбежались сами.

Впечатленная падением в пропасть с остановкой на самом краю, няня решила подобру-поздорову вернуться домой. Как ни странно, но я тут же забыл про трагедию на дороге. Уже вечером я успокаивал разошедшихся в фантазийной тревоге близких родственников, которые наслушавшись няню, долго простукивали и прощупывали мое крепкое тельце врачебными специальными руками.

Путешествие на поезде действовало на меня «как кислота на старую и грязную монету». Маме выдали путевку в санаторий имени Я.Ф. Фабрициуса. С отчеством «Фрициевич» красному командиру счастливо удалось выпасть из самолета в 1929 году, и, соответственно, не дожить до 1941 года. За необыкновенную заслугу благодарный товарищ Сталин назвал военный санаторий именем безвременно почившего героя.

Я впервые оказался на вокзале в зрелом возрасте младшего школьника. До этого я дважды ходил с няней на рынок и был потрясен огромным количеством незнакомых людей, связанных общей целью, определенной еще в славные времена Риккардо и Смита. Но сама суматошная обстановка скудного торжища восторга не подарила. Как следствие, возникла судьбоносная фраза *Le mieux est l'ennemi du bien* ©, ставшая для меня приглашением в эмпирику.

Вокзал показался мне капищем бога пространства и перемещения. Вокруг носились вереницы граждан с лицами королевских курьеров, спешащих с сообщением об объявлении военных действий. Носильщики, напоминающие сказочных богатырей, волокли телеги с высокогорными поклажами тюков и чемоданов.

Неразборчиво орало вокзальное радио, исполняющее партию пьяного свадебного тамады. Стонали паровозные котлы, исходя паром и воем укрощенной энергии. Было празднично, нервозно и очень временно.

Именно на вокзале я понял, как скоротечно мгновение и как коварно оно связано с пространством, движением и расставанием с папой, который оставался в Перми под присмотром бабок. Папа очевидно грустил. Они прощались с мамой так, как будто мы ехали в гости не к покойному Фабрициусу, а какому-то другому живому мужчине.

Вагон заманчиво назывался мягким, а поезд литерным. Папа, пыхтя от напряжения, заволок огромный чемодан и водрузил его на грузовую полку в нашем двухместном купе.

Словно в бездонный водоем, я погрузился в ауру долгого земного странствия. Феромоны неведомого пропитали синюю обшивку довоенной немецкой выделки. Роскошные двери красного дерева пикантно открывались в долгий коридор и зазывали пассажиров.

Радио прогавкало нечто тревожное, и провожающие, мгновенно ставшие чужими на паровозном празднике жизни, выскочили из вагона в прошлый, скучный мир.

Мы двинулись. Вагон дернулся в нестерпимой судороге катарсиса, и еще недавно скучное, статическое окно ожило и представило мне бессчетную череду быстро сменяемых сюжетов, увлекающих посильнее кинематографа.

Неповторимое чувство мерного таинственного движения гипнотизировало и усыпляло. Я еще не умел сопротивляться желаниям, поэтому тихо и счастливо заснул.

27 июня

Поезд стоит в степи. Ветер раскаленным языком облизывает вагоны. Двери и окна распахнуты в наивном ожидании сквозняка. Металлическое чрево раскалено и пассажиры вывалились в тень от дремлющего состава на насыпь.

Полураздетые люди пытаются поймать прохладу, но усилия напрасны. В тени также жарко. Великая сушь висит над бесконечным течением степи, сливаясь с дрожащей от зноя линией горизонта.

Мама сидит на раскладном стуле, любезно предложенном ей галантным проводником, и обмахивается китайским веером. По кромке веера пролетают разноцветные драконы, Несчастные твари извиваются на шелковом полотне, подчиняясь плавным движениям маминой руки. Им тоже жарко и они страдают.

Проходит час мимо, разметая зной и пыль, проносятся длиннющие товарняки, страстно гремящие веретеном колес по расплавленным рельсам. Товарняки исчезают в иссушающей мгле.

Благодатная тишина накрывает нас всего лишь на несколько мгновений – и вдруг вдали возникает ропот и стон надвигающего состава. Время живет в маминых наручных часах. Оно притаилось и дремлет, но наконец-то просыпается от грохота и рева.

Просыпается и прикорнувший паровоз. Дым взлетает над ним тяжелой вороньей стаей. Звучит угрожающий гудок и народ кидается к вагонам с отчаянием забытых родителями детей. Возникает легкая и непонятная паника, свойственная любому внезапному решению с мгновенным исполнением.

Степь несется вслед поезду бешеным табуном. Встречный ветер растрепал ее горячую желтую гриву, а заодно и превратил вагонные занавески в беспомощных птиц. Мы летим в мареве июльской суши. «К морю, к морю, к морю,» – стучат неугомонные колеса. Я чувствую, как приближается неведомое, огромное водяное чудище, которое я видел на иллюстрациях Ивана Билибина к Пушкинской сказке о царе Салтане.

Наплывает здание очередной станции. Вагоны со скрипом останавливаются, и толпа галдящих людей начинает истошно предлагать искрящиеся, дремлющие в укропном рассоле огурцы, разрывающиеся от здоровой спелости и спеси помидоры, жареных кур, самогон и еще многое и многое другое, что так вдруг становится необходимым и нужным оголодавшим пассажирам. Крики продавцов, сливаясь с возгласами покупателей,

станционным шумом и суматохой, создают неповторимую увертюру к дальнейшему путешествию.

Никто не знает, сколько будет длиться музыкальная пауза. Однако, стоит согласиться с апостолом Павлом, мудро заметившим: «Тайна сия велика есть». Всякий раз мы отправлялись в следующий перегон внезапно, вне всякой логики и смысла, до сего момента обозначенными точными цифрами в красивой брошюре расписания движения.

На одной из станций мама умчалась за холодной минералкой в местный буфет. Остановку объявили в 20 минут, но не прошло и половины обозначенного срока, как неведомая сила двинула наш состав. Несчастные пассажиры стремительно выбегают из здания станции. Они напоминают брошенных на льдине пингвинов. Смешно размахивая руками, несчастные пытаются догнать поезд, но машинист поддал жару, и вскоре их взволнованные фигуры исчезают вдаль.

Мы ехали, и мамы все не было, и я начал осознавать глубину случившегося несчастья. Окончательно ситуация прояснилась, когда появился наш проводник и поняв, что мама явно опоздала, куда-то умчался с бледным, озабоченным лицом.

Я заревел. Сбежались успевшие на поезд граждане. В меру природной эмпатии каждый пытался отвлечь меня от мрачных мыслей, но умение утешать дается немногим, поэтому я заревел еще громче. В эту трагическую минуту в купе ворвалась мама, сжимая в руках две бутылки сидро.

Тембр моего воя изменился – теперь я рыдал от счастья. Оказывается, мама успела прыгнуть в последний вагон и бежала ко мне через весь поезд. Успела она очень вовремя.

Я понял, что с мамой мне нельзя расставаться ни на минуту, если я не хочу потерять ее. Этот практический совет мне пришлось воплотить в жизнь. Потом я стал взрослым, уехал в другой город, затем в другую страну.

В моей жизни, как и в жизни любого человека, были победы и поражения, и все-таки самые главные ошибки я не совершил только потому, что всегда слышал мамин голос, даже когда она была далеко от меня.

Мама ушла навсегда, и наступило одиночество, холодный шепот которого я впервые услышал много лет назад, когда мне показалось, что она отстала от поезда и исчезла из моей жизни.

7 июля

Море выскочило из-за угла самшитовой рощи, словно театральный разбойник – внезапно и страстно. Пространство до горизонта налилось глазурию. Сверху раскаленным прожектором шпарит солнце, и рыбы, спасаясь от вспышек далекой звезды, занырявают в прохладу донной мглы.

Состав мчится по краю, зависая бешеными колесами над зеленой пропастью любовных объятий цветов и ветвей. Я стою в коридоре

у сброшенного вниз до предела вагонного окна и лечу над морем вместе с паровозом и птицами. Колючий ветер расслезил глаза. Лицо покрылось копотью и пылью, но оттащить меня от великого зрелища невозможно.

Я простоял так несколько часов, потрясенный и зачарованный. Мимо проходили взрослые – они возвращались после утреннего туалета, бодро насвистывая и задевая меня мокрыми полотенцами, они пили чай, они болтали ни о чем, и главное – они совсем не смотрели на море.

Между тем состояние воздуха совершенно изменилось. Водная взвесь, перемешанная с пряным жаром растений, заполнила окружающее пространство и превратилась в некую новую субстанцию, которую можно было запросто трогать руками.

«Сочи, через полчаса Сочи, санитарная зона» – пронзительным казенным голосом отозвался проводник, ставший внезапно ответственным должностным лицом. Бывшие пассажиры, а теперь уже отдыхающие, взволновано организовали толчею в коридоре. Замедляясь и притормаживая, поезд наш причалил к перрону.

Словно сказочный остров, принесенный попутным штормом, раскинулся, натужно сверкая золотом и бронзой, железнодорожный вокзал.

Великий Душкин добрался до Сочи и воздвиг здание легкое и идеальное, как весенний зной. Невесомая башня с загадочными часами высилась над долгой венецианской балюстрадой с арками и лоджиями, побеждая совершенной красотой излишнюю роскошь субтропиков.

Я впервые в своей жизни столкнулся с материальным воплощением понятия ἀρχιτέκτων. Жителю благословенной Перми практически негде было вступить в контакт с удивительным искусством воочию. Я пытался мысленно переместить мощный корабль здания в неприхотливые воды пермского пейзажа, но мне не хватило детского воображения.

«Такси, такси», – мама машет рукой и по волшебству тут же лихо подкатывает «Волга» с серебряным оленем на капоте. Через секунду мы мчимся в неведомое.

Шофер, мужчина с иссиня-черной, как у Карабаса-Барабаса, бородой, в огромной скульптурной кепке, безостановочно болтает, немыслимо коверкая слова. Он безобразно вертит головой и томно поглядывает на маму выпученными карими с поволокой глазами.

Мне он почему-то неприятен. Я не верю его сладким речам, вспоминая характер сказочного прототипа и судьбу несчастных кукол, но, к моему удивлению, вскоре поездка благополучно заканчивается.

Я спускаюсь к пляжу, и навстречу открывается мощная, лениво развлекающаяся с берегом стихия. Я отчаянно представляю себя капитаном парусного судна, который,

Взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,

Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт.©

Я умею плавать и уже целый год хожу в бассейн на тренировки. Мама во мне вполне уверена и отпускает в море одного. Она сидит на берегу и ободряюще смотрит. Я совершаю первый мужской шаг, захожу чуть глубже, сильно по-спортивному толкаюсь и плыву.

Вода сразу принимает меня и приветливо зовет вдаль. Время останавливается, сквозь соленую гладь косыми лучами посверкивает солнце. Неожиданно я останавливаюсь, разворачиваюсь к берегу и понимаю, что заплыл слишком далеко. Дно давно исчезло, и подо мной жидкая соленая бездна.

Мне по-настоящему страшно, сознание прерывается, и я начинаю тонуть. Рядом никого, и только сверху светлеет удаляющееся небо. Я вспоминаю о маме и внезапно представляю, как ей приносят мое безжизненное тело.

Остальное я представить не успеваю. Сильными ударами ног отправляю себя к поверхности, выравниваю дыхание и плыву к берегу.

Меня немного потряхивает от пережитого, но, как ни в чем ни бывало подхожу к маме и вдруг обнимаю ее изо всех сил. Мама внимательно смотрит на меня, видимо все понимает и интуитивно, пытаюсь защитить, прижимает к себе. Темная мгла ужаса медленно отступает и исчезает навсегда.

24 июля

Звонко грянуло 1 сентября. Соло на тарелках в исполнении кладбищенского оркестра завершило увертюру в пьесе о загубленной молодости.

«Пришла беда, откуда не ждали», – философски заметила няня, пытаюсь застегнуть жесткий крючок на моих форменных брюках невнятного мышиного оттенка.

Я втягиваю живот и задерживаю дыхание так, что белый свет меркнет в глазах. Проклятая железка не желает застегиваться, несмотря на мощные усилия и непонятные звучные слова, которыми няня вполголоса сопровождает процедуру облачения. В конце концов, крючья и пуговицы занимают свои места, но это вовсе не финал.

«Как же такое дитю одевать!» – горестно изрекает няня, пытаюсь натянуть на верхнюю часть моего могучего тела школьную гимнастерку, сшитую по заказу черноморской водолазной станции.

Сверху, как довершение ансамбля, нахлобучивается лихая казацкая фуражка с гербом. Талию опоясывает ремень с сияющей идиотской бляхой. Посмотревшись в зеркало, я остаюсь вполне доволен собой.

Из глубины старинной амальгамы на меня, подбоченясь, глядит бравый юноша, обдумывающий житье, и готовый защитить родину, как в конном, так и

в пешем строю. К описанному великолепию прилагался дерматиновый портфель, снабженный удобным, но не открывающимся замком.

К торжественному случаю бабушка распечатывает «Набор первоклассника», и должен признать, что никогда ни до, ни после, у меня не возникало в собственности такого нужного комплекта предметов.

Главным в числе несметных сокровищ оказался выполненный из неоструганной древесины пенал. На верхней крышке, рукой неизвестного художника был выжжен цветок, напоминающий безвременно погибший одуванчик.

Занозистая продолговатая коробочка являла из себя произведение примитивного искусства. В сосновой глубине прятались весёленькие разноцветные ручки и металлические хищные перья. Рядом, не нарушая общей красоты, расположились простые карандаши и ластик для стирания жизненных ошибок.

Осмотрев пенал, бабушка задумчиво заметила, что когда она в достопамятном 1903 году поступала в гимназию, пенал был покачественнее, а вот ручки с перьями точно такими же. Следующим шедевром прогресса оказалась чернильница-непроливайка, вызвавшая у бабули новый приступ ностальгического умиления.

Няня стала решительно снимать с меня школьный наряд, причитая и горестно оплакивая участь будущего отличника. Внезапно выяснилось, что форма категорически отказывается покидать свое пристанище.

Стальные пуговицы не желали расстегиваться. Крючки впились в свои скобки намертво и не намерены расставаться друг с другом, изображая влюбленных, сливающихся в страстных объятиях.

В результате совместных усилий женщины нашей семьи под руководством мамы за какие-то ничтожные полчаса окончательно раздевают меня, но с непривычки устают и с сомнением обсуждают возможности потребительского использования формы в школьных условиях.

Как прозорливы они оказались в своей житейской опытности. Как удивительно смогли предвидеть горькие злоключения, выпавшие на мою долю ученика и джентльмена.

На следующее утро, сияя как начищенных кавалерийский сапог, я отправляюсь в школу в окружении родных и близких. Затянутый в школьные доспехи, я с трудом вдыхаю благословенный осенний воздух, наполненный запахами горького сентябрьского увядания.

Вокруг необыкновенная суeta – разгоряченные родители ведут своих несчастных отпрысков в десятилетнее рабство. Дети чувствуют неладное, но покорно идут на заклятие в логово знаний.

«Здравствуй, родная школа!» – надывается уличное радио, и я отчетливо понимаю – это конец счастливого детства.

9 августа

Когда-то это был особняк. Высокие окна гордо смотрели на перекрестье улиц. Крыльцо добротнo мостилось к парадному подъезду. Стены, в треугольную разбежку обшитые ровной строганной доской, сверкали свежим лаком. Нежданно, словно пермская зима, пришла революция, и хозяев, любовно построивших семейное гнездо, выбросили на улицу во имя светлых социальных идеалов.

В доме размещают бесцветное учреждение. Раковая опухоль начинает свою беспощадную работу. Метастазы разрушения разъедают водопровод с канализацией и успешно борются с электрическим освещением. Конструкция изготовлена крепко и долго сопротивляется, но советская власть беспощадна, и постепенно стены трескаются, а полы разъезжаются, потому что стремление к идеалам не терпит ни ремонта, ни порядка.

После войны в дом поселяются младшие классы легендарной школы № 7. Малыши не вмещаются в основное, старинное гимназическое здание, сложенное из драгоценного крепчайшего кирпича. Само здание, обреченное пережить наш город, возможно, останется последним воспоминанием об истории пермской образовательной архитектуры.

Пока же поселение существует, школьники продолжают носиться на переменах по неприлично широким коридорам и получают положенные им знания в классах с потолками, устремленными в недостижимую высоту.

К моменту моего возмужания время и люди сделали свое дело. Дом окончательно обветшал и состарился. Это была не красивая старость любимого и уважаемого семьей патриарха. Скорее, строение напоминало руины бессмысленно и неверно прожитой жизни, бесстыдно выставленной на всеобщее обозрение.

Однако окружающий пейзаж был наполнен ровно таким же убожеством, поэтому мрачноватая картина кладовой знаний не надломилa мои эстетические воззрения. Я был вполне подготовлен окрестными красотами и вовсе не был удивлен видом покосившихся окон и скрипом подгнивших полов.

Запахи нищеты снисходительно встречали юных учащихся, открывающих двери в мир понятий и представлений. При школе в крохотной каморке ютилась вместе со своим тревожным семейством легендарная уборщица и гардеробщица тетя Лена.

В ее конурье под завесой влажного пара постоянно что-то готовилось и булькало на дровяной плите. Сложные миазмы, испускаемые сырыми поленьями и советскими продуктами, создавали невозможный коктейль, опасный для человеческого обоняния.

Тетя Лена была доброй, немного нетрезвой дамой. Ее нетривиальное лицо простого пермского человека периодически обрамлялась крепкими синяками. Я видел, как она несколько раз горько и тяжело плакала, неудачно пытаясь спрятаться от чужого взгляда по темным углам. Я понимал, что ее

поколачивает муж, и горячо сочувствовал непростой женской планиде школьного работника.

Именно она спасла меня от первого мужского падения. Надеюсь, что ангелы, которые поют ей сейчас в раю, припомнили и мой случай.

Через несколько дней школьной карьеры я полагал себя уже бывалым учащимся, но именно тогда, когда тебе кажется, что ты устойчив в любой позиции, чрезвычайно ловок и умел, судьба суровой рукой расставляет фигуры жизненных обстоятельств в понятной только ей комбинации.

На третьем уроке, изображая отличника, я вызвался отвечать. Правда, к тому моменту, благодаря бабушкиным стараниям, вполне овладел когнитивными тонкостями грамоты. Я бойко продекламировал пару слов из букваря, гордо взглянул на своих товарищей по несчастью совместного обучения и грациозно сел на свое место, приняв позу талантливой задумчивости.

Внезапно острое желание совершить *urination* изменило окружающий мир. Зубы сжались, мышцы судорожно напряглись в стремлении удержать порывы природы. По всей видимости, страдания мои отразились на выражении лица. Опытная учительница вовремя узрела бушующий шторм естества. Она подошла ко мне и шепотом порекомендовала отправиться в *sortir*.

Я степенно вышел из класса, но уже в холле развил скорость гепарда, преследующего добычу. Я ворвался в туалет и попытался расстегнуть форменные брюки. Никогда я так не пытался раздеться. Я рвал чертовы крючки, а они не желали расстегиваться. Тогда от безысходности, к своему стыду, я заплакал громко и заунывно.

Вой был услышан небесами, на помощь явилась их посланница, добрая фея тетя Лена. Опытной рукой она расстегнула мне брюки, остальное я доделал сам. В забытье я вышел из комнаты физиологических страстей и вернулся в класс легкий и свободный.

Вечером дома я два часа провел в тяжелой борьбе с застежками и пуговицами, безоговорочно их победил, но это была пиррова победа.

С тех пор я стал фаталистом и полюбил женщин окончательно.

16 августа

— Возраст и национальность никого еще не делали лучше и умнее, — заметила бабушка, провожая меня в 5 класс. Тогда я не обратил внимания на ее обычное ворчание, а ведь она, как, впрочем, и всегда, оказалась права.

Могучий жизненный опыт не позволял бабушке ошибаться даже в мелочах. Она легко прогнозировала погоду на завтра, поведение людей и смену времен года.

В некотором смысле бабушка вполне могла бы выступать соавтором господина Монтеня в «*Essais*», дополнив нетленный фолиант выстраданными еврейскими премудростями. Когда я уже во взрослом возрасте обратился

к «Опытам», то с величайшим удивлением узнал о том, что мамаша покойного эссеиста происходила из богатой еврейской семьи с арагонскими корнями.

По семейной легенде, бабушкины предки были марранами из Гранады. Вынужденные эмигрировать от ужасов святой инквизиции в голландские колонии, они впоследствии перебрались в Европу и после третьего передела Польши оказались подданными Российской Империи. Легенда глухо звучала иногда за обеденным столом, но в моем присутствии взрослые умолкали.

Иногда бабушка в беседах со своими почтенными подругами подвергала прозорливость своих предков некоторым сомнениям. С высот возраста и попутно приобретенной эмпирики она утверждала, что, по сравнению с проживанием в местных широтах, общение с инквизиторами было детской забавой.

В сущности, испанские фанатики хотели немногого – верности христианским идеалам. Здесь же, по утверждению бабушки, никогда и ни в какой мере не было понятно, как происходящее связано с объективно существующим миром.

Философские воззрения бабушки не совпадали с субъективными взглядами власть придержащих. Последние старательно строили абсолютно нежизнеспособную социальную модель, опираясь на вольную теорию некоего немецкого еврея, не работавшего ни дня и прозябавшего на хлебах единомышленника – кровососа и эксплуататора трудящихся.

Другой мужчина, еврей по маме, но с неясными калмыцкими корнями по сомнительному родителю, развил теорию предыдущего тунеядца. После чего удачно плеснул керосинчиком на удобренную навозом народничества и взрывоопасным идеализмом безграмотности русскую почву. Полыхнуло так, что спалило весь 20-й век и еще на 21-й хватит тушить.

– Любопытно, зачем эти антисемиты везде понатыкали памятников этому еврею, – едко замечала бабушка, проходя с подругами мимо монумента великого вождя в оперном сквере. Ученые подруги сочувственно кивали ей головой и тоже не могли постигнуть окружающего их с детства когнитивного диссонанса.

Время расставило все по своим местам: бабушка унесла в могилу тайну национального происхождения тов. Ленина, которая, как оказалось впоследствии, никакой тайной не являлась, а просто была истинной, не доступной трудящимся массам, по причине сомнения в их приверженности пролетарскому интернационализму.

Владимир Ильич по-прежнему красиво стоит в центре нашего города, изображая лысого бездельника средних лет, вышедшего в демисезонном пальто пройтись по осеннему скверу.

Между тем в нашем классе произошла замена. Красивая блондинистая Ирочка уехала куда-то вслед за своей военной семьей, а на ее место пришла невысокая, крепкая улыбчивая девушка с двумя кислыми косичками и очень

хитрыми глазками. Нас посадили за одну парту, и она, в ответ на мое доброжелательное приветствие, схватила за руку и приложила к раскаленной батарее. Я тут же почувствовал родственную душу, и мы по-настоящему подружились.

Однажды я привел свою новую одноклассницу после уроков домой. Мы мирно поднялись к нам на второй этаж, обмениваясь тычками и подзатыльниками. Восхождение по лестнице сопровождалось некоторым излишним шумовым эффектом. Бабушка демонстративно удалилась в свою комнату, презрительно хлопнув дверью. Няня юркнула к себе, опасливо перекрестившись.

Поле битвы осталось за нами, и на руинах состоялся пир победителей. Скромное жилище талантливо перевернулось вверх дном. Мы скакали на диванах, играли на рояле в четыре руки, причем я играть не умел. Мы пели и танцевали, периодически вступая в рукопашную схватку с непрогнозируемой победой, так как моя визави, крепкая, как юная спартанка, и увертливая, словно индийская змея, умела постоять за себя.

Дружба наша, овеванная совместными победами над жизненными обстоятельствами и классными недругами, закалялась в борьбе. В походе и обхождении появилась матерая манерность, свойственная только ученикам старших классов нашей школы. Подруга моя хоть и не сильно подросла, но зато значительно поумнела и как-то похорошела.

Я, конечно же, этого почти не замечал и продолжал относиться к ней, как к боевому товарищу и соратнику по образовательному процессу и доблестному дуракавалянию, но однажды произошло событие, абсолютно изменившее алгоритм наших многолетних отношений и в значительной степени развернувшее мою жизнь.

Дело происходило в последней четверти 10-го класса. Школьная каторга заканчивалась. Впереди маячила заманчивая студенческая жизнь с вечеринками, жаркими спорами о будущем, выпивкой и долгожданной взрослой свободой.

31 августа

Бабушка плакала. Сухие плечи мелко и страшно тряслись. Платок, наброшенный черной звериной погибелью, сползал вниз. Она машинально расправляла его и походила на Ангела Смерти с иллюстрации Доре.

Старинные сережки, посверкивая бриллиантовыми гранями, танцевали печальный погребальный танец. Бабушка сидела на своем любимом венском стуле, горько отвернувшись от окна, за которым наливался густой осенней кровью пропащий дождь.

Воскресным утром ни с того ни с сего появился синагогальный служака, жестоко побитый временем и обстоятельствами еврей, по чьей-то прихоти

обреченный носить царское имя Саул. Запах беспросветной и чистой нищеты следовал за ним, как нафталин следует за славянским шкафом.

Согбенный и невозможно тихий, он порой навещал бабушку в преддверии шабата. Тогда круглый кухонный стол временно превращался в центр мироздания и начиналось таинство чаепития.

Душно исходят жаром булочки с маком. Замирает в истоме серебряная ложка с витой ручкой, торчащая из прозрачного сливового варения. В цветочных чашках Кузнецовского фарфора крепнет таинственный грузинский напиток, насыпаемый в заварочный чайник из заветной пачки с индийским слоном на боку.

Бабушка ведет с Саулом важные беседы на непонятном мне языке. В основном, конечно же, говорит она, а он лишь почтительно прислушивается, иногда прикладывая руку к оттопыренному огромному уху. На прощание бабушка собирает *шалохмонес* и Саул уходит, бережно придерживая руками бумажный пакет с остывшей снедью.

Сегодня Саула никто не ждет, но он почему-то входит в наш дом незванным уличным призраком, приносящим сырость и тревогу. Он поднимает к утренней высоте небритое лицо гонца и, скорбно пожевывая сухими губами, шепчет несколько слов. Грустно подмигивает мне мокрым рыжим глазом и исчезает, словно бы и не было его вовсе.

Неслышно стучат могучие напольные часы, неслышно стучит в заплывшее окно дождь. Бабушка с трудом встает с уютного кухонного кресла, в котором она еще совсем недавно в сотый раз изучала пьесы Чехова, а потом, остановив дыхание, выслушала послание, принесенное тезкой первого израильского царя.

Тяжело переставляя ноги, бабушка двигается к своей комнате. Ее всегда гордая спина изломана горем и тоской.

Створки прикрываются кодой в поминальной молитве. Мама на цыпочках подходит к двери и пытается услышать звуки бабушкиной беды. Никто, кроме меня, не решается войти к ней.

Комната кажется пустой, и только посередине, отвернувшись от окна, сидит на скрипучем венском стуле моя бабушка. Увидев меня, она шатко встает и подходит к свету. С небес к земле летит сентябрьский дождь. Непогода растекается каплями по стеклу и плачет вместе с бабушкой. Их совместные слезы сливаются в окончательную картину осеннего бедствия.

– Йосик, бедный Йосик, – всхлипывает она, и две старые липы за холодным стеклом, размахивая желтыми ветвями, прислушиваются к шепоту. Я обнимаю бабушку, пытаюсь согреть ее и усаживаю на диван. Она приникает ко мне и рассказывает.

Оказывается, очень давно, еще до революции, бабушка жила в Варшаве. Она, конечно же, была первой красавицей класса. И вот однажды подруга Ханна приглашает ее на празднование дня рождения. Устраиваются танцы под

настоящий оркестр, и к моей молодой бабушке устремляется двоюродный брат именинницы, Юзеф Гржибовский – студент славного Ягеллонского университета.

Студент был красив странной и притягательной небрежностью полукровок. Ясновельможные паны брали в жены богатых жидовок и в светлые волосы их потомков вплеталась иудейская кудрявая чернявость. Карие глаза и бешеный темперамент оживили породу. Польский гонор и спесь смешались с еврейской скоростью и предприимчивостью. Из этого теста и был испечен пан Юзеф.

Лениво набирал силу вальс, разнося по залу голос скрипки, запутавшейся в Шопене. Студент крепко держал бабушку за талию. Его рука вдруг превратилась в руку судьбы и повлекла бабушку в ее первое настоящее путешествие.

Они улыбнулись друг другу и, словно два безумных ныряльщика, бросились со скалы в далеко спрятавшуюся внизу чашу моря.

Погрузившись в неразрывное совместное движение, они сливались с майским ветром, чтобы остаться навсегда вдвоем. Исчезли люди, исчезла музыка, исчез воздух и только они вдвоем кружились, всматриваясь и вслушиваясь друг в друга.

Вальс закончился, а они продолжали танцевать. Им не хотелось останавливаться, потому что потом, после остановки, все будет, как раньше, а так уже быть совсем не могло и не должно, но они очнулись и остановились.

Гости пили чай на веранде, болтали о всякой чепухе, а бабушка и студент молчали, сидя рядом за чайным столом.

– Я слышала, как бьется его сердце, а он слышал, как бьется мое, – сказала мне бабушка.

– Я любила твоего деда, но это было другое. С меня тогда слетела кожа, и я чувствовала счет каждой секунде, и когда я буду умирать, я смогу вспомнить только этот вальс. Я вас всех люблю, но это было другое, – зачем-то снова повторила она.

Студент уехал в Краков в свой университет. Они не смогли окончательно расстаться и стали переписываться, рассказывая в своих письмах о том многом, что так интересно в юности и так смешно в старости.

Пан Юзеф стал доктором и остался в Польше. Бабушка после революции вместе с семьей уехала в Киев. Они продолжали писать друг другу письма, и тонкая ниточка интереса связывала их даже после того, когда каждый обзавелся семьей.

Началась вторая Великая война, и доктора призвали в армию. Он попал в плен, бежал, участвовал в Варшавском восстании. Был ранен, чудом выжил и вновь практиковал врачом Варшаве, защитил диссертацию, и иногда с редкой оказией отправлял бабушке письма. Потом письма превратились в весточки, и с еще большей оказией стали приходить из Израиля.

Пан Юзеф попал в Израиль в 1968 году. О его еврейских родственниках не вспомнила национал-социалистическая партия Германии во время оккупации, но вспомнила польская объединенная рабочая партия, ставшая авангардом борьбы за правое дело. Доктор вынужден был уехать.

Человек смертен, и эту мысль вполне можно пережить. Умирая через год после своего бегства на руках своих близких, он, пытаясь сохранить жизнь в своей угасающей памяти, завещал передать моей бабушке, что любил ее всегда.

21 сентября

(Автор для осознания настоящего текста настоятельно рекомендует прочитать два предыдущих)

Место и обстоятельства рождения определяют твою дальнейшую судьбу с суровой точностью расписания поездов.

Пермь город мутный. Взвесь из низких облаков, снега и дождя почти весь год висит над головами неприхотливых жителей. Не балует природа ни пешеходов, ни домоседов. Обычно к весне развивается в человеческих организмах ипохондрия и изумление.

Пермское бытие заключается в тщетной попытке пережить зиму и сразу же начинать готовиться к приходу следующей. Перспектив практически никаких. Потому я так любил обманный май.

Тонкий абрис пробуждения вначале почти не ощутим, но ветер приносит из неведомых стран стаи громких перелетных птиц. Невероятная суэта разливается в очнувшейся от ледяной смерти скудной уральской флоре. Солнце из милости может показаться на продуваемом и зашторенном слякотью небесном своде.

Счастье не за горами, – думают наивные пермяки. Всякий раз они ошибаются, но верят, потому что без веры в хорошее человеку одиноко и холодно. Люди не ропщут и с ужасом поглядывают в окно, облепленное кефирными подтеками снегопада, и продолжают мечтать.

Жалея нас, пермское провидение выдает в нагрузку к маю юность, как безмятежную возможность совершать мелкие и крупные глупости. В силу своей природы юность почти не замечает ужасов окружающего мира, неумело плавая в бушующем шторме гормонов и желаний.

– Не шути с женщинами. Эти шутки глупы и неприличны, – бабушка любила процитировать в педагогической беседе покойного Козьму Петровича Пруtkова. Козьма Петрович скончался от инсульта на рабочем месте в далеком 1863 году, но понимал происходящее так, что по сей день читается, словно выпуск новостей.

В молодости я был глуповат. Надо признать, что и сейчас, к сожалению, не сильно поумнел. Однако прожитые в постоянном общении с окружающими годы добавили некоторой опытности. В результате с возрастом я превратился в окончательного мизантропа.

Если когда-то я и посмеивался над бабушкиными сентенциями, то сейчас окончательно убедился в том, что она безуспешно пыталась спасти меня от огромного количества прозрений и неприятностей, которые впоследствии сформировали мое сегодняшнее мироощущение.

Итак, начало мая как раз подоспело к окончанию 10 класса. Я еще не подозревал, что взрослая жизнь, о которой так мечталось в школе, окажется большим и долгим разочарованием. К счастью, будущее знать нам не дано, но именно эти последние школьные дни были, наверное, самыми безоблачными в моей разнообразной жизни.

Мы с верной подругой и единомышленницей готовились к экзаменам. Вернее готовился я, ускоренно проходя со своим ученым дядей курс физики и математики, а с еще более ученой тетей – курс химии. Науки открылись мне в своем истинном значении. Мир сделался вполне объясним.

Никогда потом я уже не понимал, отчего получаются в проводах электричество и каким образом взлетает в невесомое кабанья туша самолета. Я чувствовал себя академиком и с удивлением озирался по сторонам. Подруга, между тем, была девушкой давно образованной, и мои внезапные знания философски расценивала как евангельское прозрение, граничащее с чудом.

Мы были невероятно молодыми, но уже вполне сформировавшимися, физиологически взрослыми людьми. Мы продолжали воспринимали друг друга исключительно по-дружески, сопровождая общение бесконечными подколками и шуточками. Я абсолютно не замечал в ней женщину – таинственную и притягательную – а она уже давно в нее превратилась.

Приближался роковой миг экзаменов. Однажды майским вечером мы впорхнули в густо наполненный автобус. Дома ждал учебник математики и повторение методологии решения задач. Существование автобусных пассажиров происходит в интимной тесноте. Нигде люди так не близки друг к другу, как в общественном транспорте.

Качающаяся в приятном ритме людская масса втиснула меня в нежные девические прелести боевого товарища. В трепетном ужасе я осознал, что многолетнее сотрудничество исчезает, погубленное совершенно неведомым мне ранее чувством глубокой половой заинтересованности.

Молча выйдя из автобуса на нужной остановке, мы поднялись ко мне в квартиру, вошли в ее пустынное чрево. В темном холле мы непроизвольно потянулись друг к другу и стали неумело целоваться.

Я впервые почувствовал то, о чем раньше лишь читал у классиков – про любовь и ее лучшую подругу страсть. Я содрогался от желаний. Они разрывали мою плоть.

Но внезапно мне почему-то стало стыдно. Я показался себе смешным и слабым. Я отодвинулся от подарившей мне свое сладостное неумение девушки и глупо, по-идиотски хрюкнул, призывая ее тоже посмеяться над случившимся недоразумением.

Подруга резко отпрянула от меня. Потом открыла глаза и, не говоря не слова, ушла.

Дружба наша отчего-то разрушилась. На первом курсе она вышла замуж.

3 октября

Сначала в дверях возникла спина кафедрального шофера Василича. Передвигаясь короткими шажками, он трудно ворочал шеей, густо налитой свекольным отваром, и опасливо оглядывался по сторонам. Василич совершил еще одно грациозное па назад, и я увидел в его растопыренных лапах огромную картонную коробку.

Сразу же следом показался папа. Он, оказывается, держался за коробку с другой стороны. Словно два цирковых медведя, согнувшись и пританцовывая, грузчики слажено двигались по коридору.

Я проницательно решил, что несут они нечто тяжелое и важное. Впереди процессии, напоминая Свободу на баррикадах с картины незабвенного Эжена Делакруа, бежала домработница Тамарка и протяжным воплем судьбы оповещала о происходящем.

Атмосфера в доме мгновенно переменилась. Еще секунду назад вокруг царила мирная субботняя тишина, но затрубили горны, забили барабаны, и войска начали строиться в каре.

Вскоре два очень усталых человека внесли неподъемный груз в гостиную. Таинственная коробка с предосторожностями водрузилась на стол. Природа замерла от торжественности момента, и, понимая его высокую значимость, я красивым, бодрым голосом прочел широко раскинувшуюся по картонному борту надпись: «Телевизионный Приемник Рекорд».

Передохнув, мужчины взялись распаковывать груз, и через какие-нибудь полчаса из-под груды упаковки возникло чудо «в полированном корпусе из ценных пород дерева, весом 30 кг» – эти ценные сведения я позднее почерпнул из инструкции по пользованию волшебным аппаратом.

Надо заметить, что за пару месяцев до описываемых событий папа вырвал у жизни столовый румынский гарнитур. Если переложить эту мелодию на сегодняшний лад, то можно смело сказать, что папа приволок новенький Роллс-Ройс. Соседи, родственники и сослуживцы под благовидным предлогом заходили, чтобы насладиться невиданной роскошью нашего домашнего обихода.

Честно говоря, люди в середине 20го века еще умели делать настоящие вещи. Гарнитур из румынской вишни простоял в доме до последнего дня. Судьба его напоминает судьбу танка, прошедшего войну без единого ремонта.

Мы играли на обеденном столе в теннис и танцевали на полированной поверхности твист. Мы с разбегу бросались в крепкие объятия дивана, на котором, кстати, переночевала тма, как непрошенных, так и званых гостей.

Пирсы Вальтасара и Лукулловы застолья, горе и ненастье – все вынес наш гарнитур. Нерушимой крепостью высился он среди моря житейских страстей, а канул в неведение вместе с ушедшими навсегда родителями. Как верный пес служил он нашей семье, и как капитан последним покинул гибнущий корабль.

В гарнитуре была истинная жемчужина – одинокая тумба под телевизор – именно так изделие румынских искусников обозначалось в описи имущества. Одинокая, она сильно тосковала без телевизионного приемника.

Это сразу заметила опытным женским глазом мама и стала переживать. Папе пришлось совершить следующий подход к снаряду. Так в нашем доме возник телевизор. Когда его поставили на румынскую тумбу, моментально создалась органичная скульптурная группа, посвященная вечной любви и верности.

Папа достал из футляра рогатую антенну и движением тореадора вонзил соединительный штекер в нежное тело красавца Рекорда. Зрители заняли свои места согласно купленным билетам. Папа с инструкцией в руках и с выражением лица человека, нашедшего верное решение теоремы Ферма, пощелкал клавишами и ...

Мертвый экран внезапно осветился сиреневым светом. Со скрежетом и свистом возникла некая разметка с кругом и цифрами. Изображение было таинственным и многозначительным, вызывающим восторг перед неведомым.

Зрители сидели с просветленными лицами, уставившись в синюю мерцающую дыру, потрясенные достижениями современной технической мысли. Внезапно заставка пропала, и на экране возник причесанный мужчина в галстуке и, значительно поглядывая на нас, начал зачитывать программу передач на сегодня.

Сначала мы с трепетом послушали воспоминания знатной доярки из Уинского района. Потом о своих производственных успехах по бумажке рассказал бригадир завода имени Ф.Э. Дзержинского. В завершении первого телевизионного дня нас порадовал содержательным докладом о благоустройстве родного города зампред горисполкома.

Маститый управленец сообщил о радикальном расцвете родного края буквально в ближайшее время. Загипнотизированные небесным сиянием, исходившим от экрана, мы сразу и безоговорочно поверили в долгожданное счастье.

Такова в те достопамятные времена была сила воздействия телевизионного искусства на неподготовленного зрителя.

2 декабря

В стене выступающим интерьерным элементом торчал гвоздь. Гитара, уцепившись за его аскетическое тело, напоминала чеховское ружье из первого

акта, которое к окончанию пьесы метко умерщвляло главного героя под многозначительные ухмылки публики.

Гитара забралась высоко, но однажды, когда взрослые разбрелись по своим делам, я решился. Я подволок к стене табуретку и, стоя на цыпочках, умудрился скинуть шнурок, которым она, словно каторжник, была прилажена к гвоздю.

Потом я упал и долго лежал на полу, придавленный изысканной тяжестью музыкального изделия. Из глаз текли слезы. Болела расшибленная спина, но мечта сбылась.

Наконец-то я держу ее в руках. Она пахнет пылью, лаком и старым деревом. Если похлопать по деке ладонью, то внутри фанерного чрева начинают оживать таинственные звуки. Струны услужливо распластаны по грифу и подтянуты колками. Можно играть, но я не умею и уже никогда не научусь.

Я приволок добычу в свою комнату, принял красивую позу, увиденную на фото в журнале «Работница». Молодой бард-комбайнер играл на гитаре членам ударной посевной бригады. Он сидел, фактурно закинув ногу на ногу. Гитара послушно замерла в его огромных лапах, и мне показалось, что, будь она живой, то закричала бы от ужаса и попыталась вырваться из кружка любителей отечественного кантри.

Но, как известно, у гитар, также как и «у королевы Испании нет ног». Поэтому сельский менестрель не только овладел щипковым инструментом, но еще сумел насладиться темпераментными звуками своих коллег по работе. По крайней мере, лица у слушателей были вполне одухотворенные.

В тайной надежде пойти тем же путем, я стал перебирать струны. Однако чуда в очередной раз не случилось. Я попытался спасти ситуацию, распевая наскоро придуманную песенную импровизацию.

Потом пришла мама. С интересом послушав мои музыкальные экзерсисы, она дала перфомансу объективную оценку. Будучи человеком честным, мама предупредила потенциального виртуоза, что если он хочет извлечь из гитары именно мелодию, то необходимо обучиться непростому мастерству артикуляции и баррэ.

Учиться я не хотел совершенно. Тогда гитару у меня отобрали, вернув ее скучающему в одиночестве гвоздю, и она снова стала напоминать основной *accessoire* чеховской пьесы.

Много лет спустя десятилетняя дочь привела меня в Hamleys, огромный магазин детских игрушек. Regent street пузырилась рождественской толпой. Мы зашли во дворец детского счастья, и каждый пошел искать свое, но через некоторое время встретились на третьем этаже в музыкальном отделе. Там абсолютно случайно я взял в руки электрогитару и прошелся по струнам неумелым движением.

К моему восторгу, из колонки, продающейся в комплекте, послышалась сольная партия из Led Zeppelin. Потом я сыграл немного из Radiohead и еще целый час исполнял попури из нетленного.

Посетители бросили покупать плюшевых медведей и с неподдельным волнением устремились следом за мной в мир прекрасного. Талантливый исполнитель увидел себя Джимми Пейджем. Гитара внезапно сделалась живой, и я почувствовал ее дыхание и пульс.

Дочь сбегала за мамой, которая шастала недалеко по дамским магазинам, и вдвоем они оторвали меня навсегда от волшебного инструмента.

Зато мне удалось пережить миг незаслуженного наслаждения. Я понял, что испытывают настоящие музыканты, и горько пожалел об утраченных навсегда иллюзиях и потерянных возможностях.

8 декабря

В бабушкином шкафу царствовала тьма. Самая настоящая библейская тьма, еще не отделенная от света. Видимо, покойный Иов написал свою Книгу сидя в бабушкином шкафу и только потому смог прочувствовать ее бесконечную таинственную власть над бытием.

В верхнем углу в холщовой мешочке висела пахучая трава. Бабушкины вещи впитали в себя запах пермской органики и каких-то древних духов, которыми она обрызгивала окружающую действительность, пытаясь безуспешно ее улучшить.

Мое убежище во время игры в прятки немедленно раскрывалось прагматичной мамой, почему-то всегда отгадывающей, куда я способен исчезнуть. Несколько минут неизвестности в тревожном мраке старинного гардероба, наполненного бабушкиным прошлым, того стоили.

По некой неформальной договоренности я имел право спрятаться в шкафу, но я не мог без разрешения что-либо оттуда доставать и тем более играть бабушкиными сокровищами. Однажды, забравшись в пароксизме игрового энтузиазма в деревянное логовище, я умудрился забиться в самый дальний угол, и тут в меня вцепилось зубастое чудовище.

За день до рокового события бабушка как раз читала мне на ночь сказку про серого волка, который ухватывает за нежный ветчинный бочок доверчивого поросенка. Воспоминания о трагической судьбе юной свиньи заставили меня с диким воплем выскочить в мир света и добра.

Следом, зацепившись за трепетную брючную резинку и грохоча по полу, возник некий предмет. Я заметался по комнате, словно собака с привязанной к хвосту пустой консервной банкой. Панику прервала мама. Она остановила цирковой выезд и вырвала меня из волчьей пасти.

– Ты, дружок, оказывается, большой трус – Мама походя открыла важную черту моего формирующегося на глазах характера. Потом она достала из-за спины нечто кружевное, натянутое на круглую деревянную раму с

приделанной ручкой. Изделие походило на дырявую сковородку и демонстрировало явную потребительскую бессмысленность.

– Это же бабушкина ракетка для лаун-тенниса. Сегодня такую не найдешь, раритет. Слово мне понравилось, и я смело взял ракетку в руку. Что с ней делать – я абсолютно не знал, и тогда мама вытащила из бездонных глубин бабушкиного хранилища небольшой серый мячик, покрытый войлоком. Мне было предложено погонять мячик ракеткой.

Мама ушла, а я метко прицелился и первым же ударом попал в хрустальную вазу. Ваза разлетелась в мелкие дребезги. Второй удар мне совершить не удалось, так как раритет у меня забрали. Бабушка со мной не разговаривала неделю, а с мамой две недели. Ракетка как-то растворилась в многочисленных тайниках нашего дома, и вскоре я совершенно забыл о ее существовании.

Уже взрослым двенадцатилетним юношей я зашел в гости к своему школьному приятелю и случайно попал в комнату его бабушки, светской дамы с вечной папиросой в зубах. На стене я увидел похожую ракетку для лаун-тенниса, а рядом ретро-фото в рамке.

Спортсменка стояла, искусно изогнув спину и повернувшись ко мне вполоборота. Правая рука, которой она сжимала знакомый снаряд, была мощно закинута назад. Складывалось впечатление, что прямо сейчас барышня с удовольствием треснет кого-то невидимого за кадром по башке.

Я уже овладел искусством анализа и синтеза и с высоты философской логики пришел к заключению, что в далеком прошлом хорошенькие девушки из приличных семейств увлекались подвижными видами спорта. Никто из моих знакомых в теннис не играл. Простые советские люди любили футбол и художественное катание.

Тогда я отправился в долгожданно открывшуюся библиотеку имени А.М. Горького, где обнаружил в анналах записки Петербургского его Императорского Величества теннисного клуба за 1914 год. На фото благородные мужчины и их не менее благородные спутницы в эстетически благородных позах, вооруженные ракетками бабушкиного фасона, переносили английскую задумку на российскую почву.

Вторая книга про теннис, обнаруженная мной, датировалась 1936 годом. Фото в ней отсутствовали, видимо, в связи с утраченной на момент издания подходящей фактурой.

Сам я те достопамятные времена бодро занимался плаванием, горячо поддерживаемым широкими народными массами видом советского спорта.

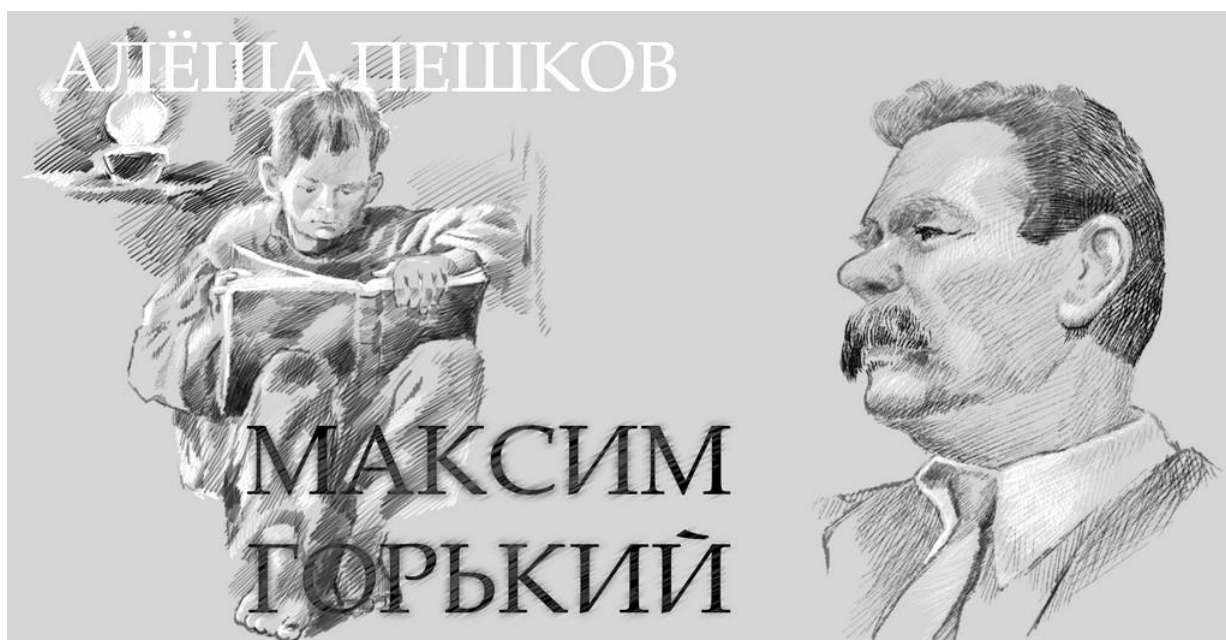
Михаил Юрьевич Ларкин

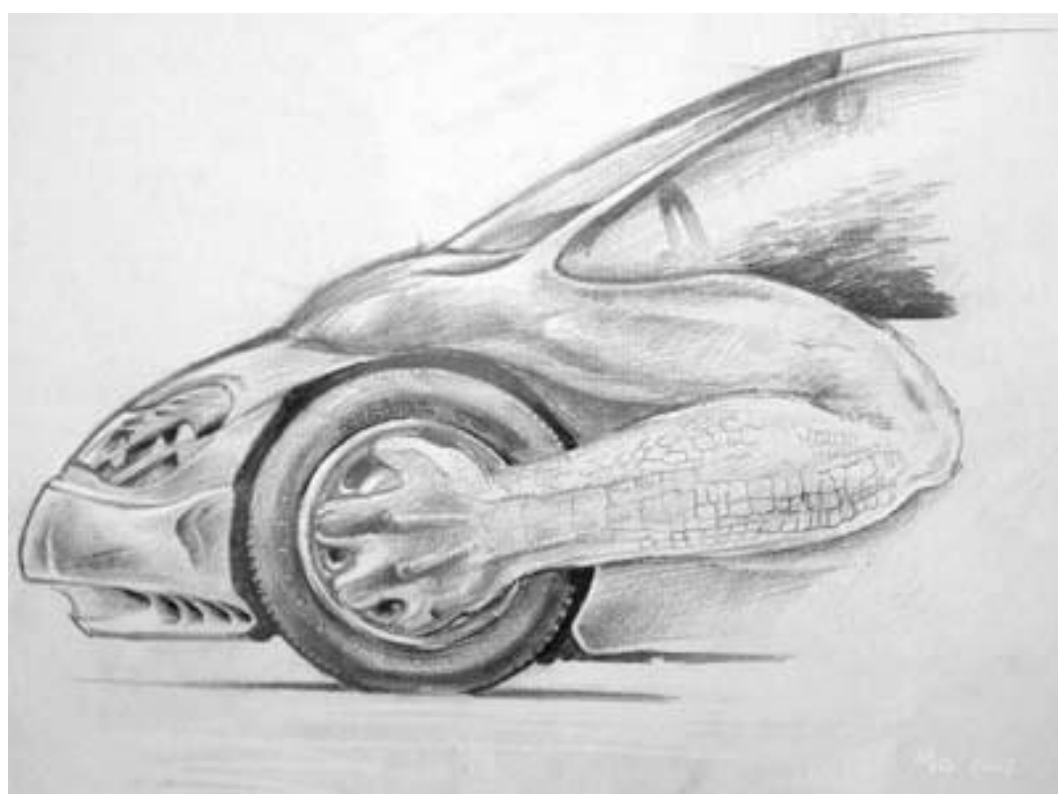
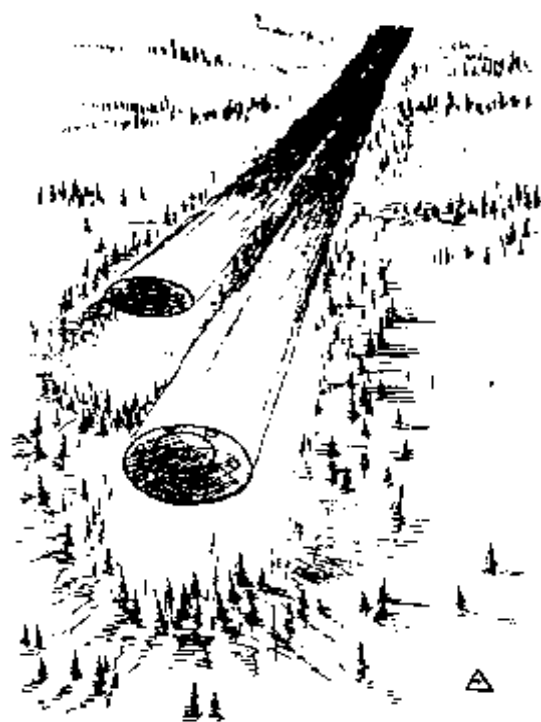
выпускник физического факультета 1980 года

Первый в регионе преподаватель художественной компьютерной графики. В недавнем прошлом доцент кафедры ДГНГ (дизайна) ПНИПУ.
Иллюстратор 26 книг и учебных пособий.

Людмила Фёдоровна Лискова

училась на филологическом факультете в конце 1980-х

МОИ ПЕСЕНКИ

Август

Ю.Г.

Красным яблоком спеет закат,
Запах белых грибов на опушке.
Божий мир чем богат – тем и рад:
Вот – звезда, вот – малина, вот – Пушкин.

Вновь сидим мы в саду за столом,
И судьба, словно почва, прогрета.
Золотистым и круглым плодом
Зреет лето, Господнее лето.

Как обещано, птичка летит,
Замолкают пристыженно пушки,
Когда *он* говорит, когда *сам* говорит –
Александр Сергеевич Пушкин...

Вот и всё, мой единственный друг!
Вот и всё, наша песенка спета.
И опять – как обмылок из рук –
Ускользнуло короткое лето.

Но, прицелившись хищным зрачком
В то пространство меж тенью и светом,
Ловит рифмы просторным сачком
Мускулистая муза поэта.

Песенка про скорость, превосходящую скорость света

Вот опять и опять замыкается круг...
Снова кончилось лето, подруга!
Городские грачи улетели на юг,
А врачи - возвращаются с юга.

Вот и опять – октябрь,
вот и опять – не спать
Под монотонный дождь
мне до рассвета.
Лампы настольной свет,
музы уставшей бред,
И улетанье лет
со скоростью... лета!

*Таинственна ли жизнь ещё?
А. Кушнер*

Опять осенний дождь пошёл.
И пешеход прошёл.
– Таинственна ли жизнь ещё?
– Таинственна ещё.

Тогда здесь можно дальше жить,
Под зонтиком гулять,
Дружить и ссориться, любить,
Над Камою стоять.

Смотреть, как гаснет в ней закат
И как встаёт рассвет,
Как облетает старый сад
И набирает цвет.

С друзьями в кухне пить вино
И под гитару петь,
В залитое дождём окно
На улицу смотреть –

Бежит там мокрый пешеход
Под глянцевым плащом,
И жизнь таинственна ещё,
Таинственна ещё...

Ночь.
Ветер стучит в окно –
Просит погреться.

Ироничное

Простили? Поздравляю, милый!
Но только ты бери и помни:
Всё то, что женщина простила,
Она тебе ещё припомнит.

*Артуру М., выпускнику физфака ПГУ,
который купался и утонул в Каме 8 августа 2012 года*

Ты ушёл – как рыба по воде,
И родился под созвездьем Рыбы.
Кольцевая линия в судьбе –
Это знак. Для тех, кто знаки видит.

Только так могло всё это быть.
Был уход твой Небом предначертан.
Ты ответил, быть или не быть:
– Плыть! В течение жизни – мимо смерти.

Плыть! Идёт бессмертье косяком,
Он идёт по Каме босиком,
Рыбаки в Закамске на рассвете
Снова выбирают свои сети.

Ты меня за всё, мой друг, прости –
Тот, кто был когда-то близким самым.
Ты ушёл - как жил - водой в горсти:
Канул в Лету. В Стикс. Ты канул в Каму...

Сирень

Совсем распустилась сирень!
Отбилась от рук, ей неймётся,
Сквозь шаткий и валкий плетень
На улицу шалую рвётся.

Там рвётся прохожими – смех...
И грех... и разорвано платье.
Там уличной девкой для всех
Она распахнула объятья.

Совсем распустилась сирень...
Давай мы распустимся тоже!
И будем смеяться весь день
В суровые лица прохожих.

Отпустим себя хоть на день,
Сплетем свои спелые кисти
И спрячемся в душную тень
Зелёных сиреневых листьев.

Вечный покой

Солнце лоснится на глянцевых листьях.
Жаркий июнь за окном.
Душной сирени тяжелые кисти.
Дышит прохладою дом.

Запах полыни. Жужжание мухи.
Скрип половиц. Пыльный луч.
В темных покоех – храпенье старухи.
В белой двери – черный ключ...

Виден меж ставнями маленький садик,
Вьются стрижи над рекой.
Старых, заброшенных русских усадеб
Жизнь... И вечный покой.

Стрижи

Спасибо, Господи – придумал ты стрижей!
Они стригут и вновь сшивают небо
Кроят они полотна этажей –
Портные резвые блистательного Феба.

День полон вновь по самые края
И жизнь не кажется невыносимой пыткой,
Когда стрижи судьбу мою кроют
И вновь сшивают на живую нитку.

Параша Жемчугова

Осеннее безлюдное Кусково...
Когда-то в незапамятные дни
Гуляла здесь Параша Жемчугова.
Мы и сейчас, мой друг, здесь не одни:

Ты видишь, милый, призрачные тени
Танцуют, отражаясь в зеркалах,
И кавалеры, преклонив колени,
Красавиц юных кружат на балах.

И замечает белая пороша
Дорожки в парке, клумбы и виски.
Не плачь, Параша, право, – он хороший!
Пусть флейта в гроте плачет от тоски.

Не плачь, моя хорошая Параша:
Не стоит слез твоих – огнем она гори! –
Актерская невольничья жизнь наша...
Параша, друг мой, что ни говори!

Дорожная

Вновь колёсики стучат вагонные
И стучит-стучит в стакане ложечка.
Светит солнышко в стекло оконное.
Подожди меня еще немножечко!

Здравствуй, родина моя бескрайняя:
Сколько едешь – всё берёзы с ёлками.
Вновь нам выпала дорога дальняя,
Чай с сухариком, сосед – с наколками.

Проводница улыбнётся ласково,
Одеяло принесёт колючее.
«Что за станция?» – Ответит: «Глазов! – Но...
Впереди у нас, конечно, лучшее!»

Умное чаепитие

В субботу снова мы придем
В надежде воскресения
В большой странноприимный дом
Где чай дают с варением.

Там на облупленном столе
Стоит посуда чайная,
А мы сидим – трезвы вполне –
И всё острым отчаянно.

Чай выживем – чай справимся
И даже жить научимся,

С заботами управимся,
А дальше – как получится.

Май. Деревня. Тишь и рань
Голенастая герань
Тянется на улицу
К петухам и курицам

Тянется-потянется,
Но в горшке останется
Так и я – такая грусть! –
Все к тебе не дотянусь.

Так уютно плещет дождь за окном,
Ранним утром город спит крепким сном,
Просыпается душа чуть дыша,
За душой моей опять – ни гроша.
Почему-то ты никак не идешь...
За окном идет лишь дождь.
Только дождь.

Музыка врасплох

Меня застала музыка врасплох.
Среди уборки, стирки и готовки
На кухне зазвучали Бах и Бог
Из пластиковой радиокоробки.

Про суп я позабыла и бельё.
И праздные я уронила руки.
Вдруг стало бытием житьё-бытьё,
Марией – Марфа, музыкою – звуки.

Наш подъезд в 90-е

Тлеет искрой на губе
Жёванный окурочек.
Греет ноги на трубе
Городская дурочка.

Будет дуть в свою дуду
Хоть в эдеме – хоть в аду.

Что Адам ей – что агдам:
По губам – не по зубам...

Городская дурочка
что господня дудочка
вся в дыму
труба всему

всё не так и все не те
смотрит с неба звездочка
закипает на плите
мозговая косточка

где-то скрипнет досточка
штукатурка свалится
мозговая косточка
скоро-скоро сварится

Деревья просвечены, обнажены
На снимках рентгеновских чахлой зимы.

Как вечер прозрачен и тих лёгкий скрип
В замёрзших и замерших рёбрышках лип!

А на небе прочерчены тонко
Древовидные веточки бронхов...

По щеке стекает Кама.
На щите висит реклама –
слов сложенье, вычитанье
смысла. Жизни причитанье
глуше всё и всё невнятной.
И что делать – непонятно
с прахом города в горсти.
Страшно, господипрости.

Неба контактные линзы надень –
Видишь, как полон подробностей день!
Как каллиграфией липовых веток
Татуировано тело рассвета,

Как вдохновенно дизайнер небесный
Красное солнце над лесом повесил,
Как отражается целое – в части,
В малом – великое, общее – в частном...

А.Х.

Бог милостив ко мне, подружка –
За что-то в дар он мне принёс
Твоё доверчивое ушко
И тихих глаз твоих вопрос.

А наши частые не встречи
И несказанность – оттого,
Что звуки речи человеческой
Не означают ничего.

Райская птичка

Зелёные кущи, фонтаны сиреней.
В них кисти, как брызги, сверкая, синели.
Сверкали, синели, потом отпадали.
Ложились закаты, рассветы вставляли.

Июнь опадал лепестками сирени,
Трамваи гремели, и дворники пели,
Трамваи гремели, и дворники пели,
И город тонул в тополиной метели.

И тёплые дни распускались, как почки,
И мамы смеялись, и плакали дочки,
И пыль розовела в румянце рассвета,
И райская птичка чирикала где-то.

Висим

Снег идёт, собака лает.
Нынче день какой? А век?
Я другой страны не знаю.
Здесь подвешен человек

Между будущим и прошлым,
Твёрдым «нет» и твёрдым «да».
Между истиной и ложью
Мы висим, как провода.
Мы висим над самой бездной
И то пьём, а то поём...
Искры Божьи из созвездий
Мы рукою достаём.

Гимн «бэшек»

Белый свет, белый свет, белый свет
Черно-белых студенческих снимков.
Там пока – ни печалей, ни бед,
И пока еще все мы в обнимку.
Но с беспечным доверьем к судьбе
Альма-матер свою покидает
И по жизни кружит группа «бе» –
Белых ангелов целая стая...

Всё проходит, и время не ждет,
Но поет Беломытцева Белка.
А в раю, очевидно, ремонт:
Осыпается с неба побелка.
И оттуда, нетрезво слегка,
Подпевает сейчас Волкоморова,
А по небу плывут облака
Или дым от ее «Беломора»...

Всё проходит, и время не ждет,
И шуршат в голове тараканы:
Снова нас к коммунизму ведет
Вечно юный женатый Строканов.
Снова хочется то, что нельзя,
И пропущена первая пара.
За красивые наши глаза
Вы простите нас, мама Тамара*.
Белый свет, белый свет, белый свет
Сохранят черно-белые снимки,
Там пока – ни печалей, ни бед,
И пока еще все мы – в обнимку!

* Тамара Ивановна Ерофеева – куратор студенческой группы

Анна Александровна Моисеева

выпускница филологического факультета 2003 г.

– О себе. На сегодняшний день – доцент кафедры русской литературы родного факультета и учитель литературы в родном же Лицее № 2 г. Перми. Пишу стихи с 6 лет. Последние три года выкладываю в ВК под псевдонимом «Анна Петренко», собственно псевдонимная часть которого образована от имени любимого мужа. Вот, вроде бы, и всё.

МОЙ КАЛЕНДАРЬ

Январь

Итак, вероятно, их двое:
юноша-праздник,
красавец-блондин-славянин
по имени Ян
и иная сестра его Варя –
в одиночестве всё что-то варит,
иероглифом чёрным глядит...
Можно бы написать роман
(что-то из серии фэнтези? триллеров? мелодрам?),
поделив на двое и для двоих мир:
белое – чёрное, своё – чужое, доброе – злое,
женское и мужское...
Но точно не стоит.
Делить – и особенно на два – легко.
Умножать вот совсем другое...
Будем верить, никто не откроет,
нарушив запрет мудрых римлян,
ворота двуликого.
Пусть останется только лист
отрывного календаря,
напоминая: кончается
последний день января.
2019 г.

Февраль

Февраль... Мне не хочется плакать, и поиск чернил
Совсем не прельщает за «клавой» сидящих с утра.
Но ты в эти дни так пронзительно-ласково мил,
Что солнечный зайчик, мне в чай заскочивший, «Пора!» –
Кричит изо всех своих маленьких солнечных сил.
Пора написать февралю и признаться в любви,
Опять, как Татьяна, не спать и чертить вензеля...
О ты, заморозивший в Риме фонтан де Треви!
Стеревший на время все «надо», «забудь» и «нельзя»!
Тебе достаю из груди валентинку – лови!..
...Так кружится сердце в лазурной руке февраля...
2017 г.

Март

Скользит по льдинкам март, бледнеет небо –
белее белого, должно быть, заболело.
Волна ОРВИ, вторая, третья
и вот с микстурой тост – за долголетье.
И снова вместо слов хрипеть и кхеркать,
и сыплет в волосы сухая перхоть сверху,
а после перья из разорванной подушки
царапают макушки, ушки, тушки...
А души? прячутся куда-то глубже в тело,
чтоб холодом и ветром не задело.
2019 г.

Апрель

Первые апрельские недели
пролетают, тают... Понедельник,
вторник – мимо. Снова середина.
Я не попадаю в это время,
в рэгги-ритмы городской капли.
Словно снова рвётся ожерелье:
бусинки-мгновенья зазвенели
и найдётся только половина.
Но довольно: солнце сеет семя
и дождя дожждётся – в воскресенье.
2019 г.

Май

Сладкая капля холодного солнца на кончике ветки
на самом – вот-вот упадёт прямо в рот или в руку;
вкладыш от «Love is...», украденный ветром из урны,
летающий лет двадцать на встречу; чувства при виде тебя,
урбанистический рай сквозь косынку зелёного пуха,
– это мой май, я его не отдам, никому никогда не смогу...
2018 г.

Июнь

Снегом в щёку. А это июнь...
Новый призрак в вишнёвом саду
пролетел по аллее. Пойду.
Мне на пары пора. Просто плюнь.
Пусть замёрзнет слюна на лету
серебристым зигзагом... Тепла
не хватает отчаянно. На!
Тёплым пледом на плечи кладу
эту нежность. И в лето – по льду.
2018 г.

Июль

Все феи сирени уже улетают на север,
от жёлтого жира жары оттирая перчатки.
И сладким сиропом вливается в лёгкие клевер,
и дремлет в полдень, и хочется жить без оглядки
на время: стряхнуть с круга острые цифры и стрелки,
и ими до крови задетые заячьи мысли...
До блеска отмыть серебро циферблатной тарелки,
в которой минуты минувшего просто прокисли...
Наполниться новым – забытым, затерянным, вечным,
взлететь над кустом отцветающей чахлой сирени
и видеть в серебряном блеске белейшие тени
на длинном пути, на Земле называемом Млечным.
2018 г.

Август

Царственный август, взошедший вчера на престол,
Здравствуй! Сквозь зелень и золото – звёздная грусть,
Тени резные, накрывшие кружевом стол,
Строки Цветаевой, те, что давно наизусть,

И не анапест, а дактиль, прильнувший к губам,
Зубом молочным надкушенный яблочный бок,
Память о вкусах и запахах, что в инстаграм
Просто не выложить, не принести на урок...
Август, мой Аслан, рычащий далёкой грозой,
Древние знанья авгуров вобравший огонь,
Что же мне делать с тобой и с собою, родной?
Что положить на раскрытую в небо ладонь?
2017 г.

Сентябрь

Кавалер Сен-Сентябрь, как всегда, приглашает на вальс...
Снова сыплется золото с кружев брабантских манжет,
Розоватых в закатах. Вода превращается в сталь
И ножом режет землю, как пухлую плоть блан-манже.
Так барочно порочны изгибы древесных фигур...
Сударь, Вы столь любезны, но все здесь устали от слов.
Неужели Вам мало стихов прочих взбалмошных дур?
Mon amour, неужели Вы верите снам про любовь?
Тёмным мёдом гречишным Ваш взгляд прилипает к губам...
Тридцать дней – и закроются двери в сверкающий зал.
Сор бумажный – по ветру, в полёт по остывшим следам!..
Только где-то в груди всё равно продолжается бал.
2017 г.

Октябрь

Уснуло солнце где-то до апреля,
Под ватным плотным толстым одеялом.
Повсюду пальцы холода на теле,
Все лужи зарастают серым салом.
Шарфы, платки, перчатки – всё напрасно:
Под кожей начинает холодеть...
А во дворе – костёр рябины красной,
И только он сумеет нас согреть.
2017 г.

Ноябрь

Но, ноябрь! Торопись, серый сумрачный конь,
Кэлпи мёрзнувших луж... Прорываясь сквозь дождь и метель,
Привези нас туда, где приветливо машет огонь
И его отражает, влюблённо пылая глинтвейн.
От уродливых тыкв, как грехи наш жизненных драм

(Или драк?) без добра искажающих жёлтые рты
К золотисто-зелёным, душисто-еловым шатрам,
Где сбываются самые тёплые детские сны.
Я прошу, побыстрее! Разорви эту блёклую хмарь,
Растопчи скользких тварей, прилипших к копытам. Декабрь
Заждался в своём стойле, и стынет, как в море янтарь
Наше бедное солнце... Скачи! Улетай!.. Но ноябрь....
2016 г.

Декабрь

Декабрьский вечер чёрное крыло
углом в лицо нацелил сквозь стекло,
но в доме нынче так светло, тепло,
волшебных блёсток столько намело,
что шарик сердца кружится легко
и угли заливает молоко.
С печеньем крошится вчерашний день,
пушистым пледом укрывает лень,
и хочется залечь под ёлку в тень,
закрыв глаза, забыв про дребедень.
Пусть сверху колокольчики звенят,
снеговички выходят на парад,
родных глазёнок звёздочки горят
в вечерней мгле лучистей всех наград
и серебрится ангела наряд,
когда вдруг ощущаешь, как легло
тебе на тело белое крыло.
2017 г.

Алексей Григорьевич Прохоров

выпускник физического факультета 1978 г.

– Родился в 1955 году. После окончания университета работал в различных учреждениях и организациях – как правило, без особой пользы Родине и человечеству. Поэтом себя не считаю – хотя пишу примерно 50 лет, и стараюсь следовать традициям. Стихи для меня – своеобразная «жалобная книга», вследствие чего их содержание обычно меланхолическое и даже пессимистическое.

ИЗ ЦИКЛА «МЕЛАНХОЛИЯ»

Школа жизни

Мы играли, мы любили,
Мы дружили – как могли.
В школу жизни мы ходили,
Сумму знаний обрели...

Но зачем они – науки,
Если каждый одинок?
Слушай! С неба льются звуки,
То – последний наш звонок.

Погоди, звонок печальный,
Чуть попозже прозвени –
Ты верни нам класс начальный,
Дни прекрасные верни!

Как судьбу призвать к ответу?
Чем лечиться от тоски?
Школа жизни... Канут в Лету
Все твои ученики.

Любовь

У реки есть истоки и устье...
Может рыба в реке водиться,
Может к морю вода стремиться
И тихонько журчать от грусти.

Есть у дерева корни и крона –
Может крона шуметь от ветра...
От меня не дождётся ответа
Что-то каркнувшая ворона.

У любви есть странное свойство:
Ничего не видит, не слышит –
Всё стихи да романсы пишет,
И внушает нам беспокойство.

У любви есть одно начало,
А конца у любви не бывает –
Просто Время её смывает
И уносит, куда попало...

На рассвете

Утро. Сон. Листвы качанье,
Нежной музыки звучанье –
Всё имеет окончанье,
 разлучает нас кларнет...
Скоро, скоро расставанье.
Повторю, как заклинанье -
Всё имеет окончанье,
 всё имеет окончанье...
Только боли больше нет.
Жизнь печальна, жизнь убога,
Судей много, судят – строго,
В сердце – смутная тревога...
На закат идёт дорога...
Но встречаем мы – рассвет!

Золото и серебро

Совершаем мы
 по глупости ошибки
И ни в грош не ценим
 счастье зачастую...

Попадались мне
 серебряные рыбки,
Но поймать хотелось –
 рыбку золотую.

В океан любви
 я смело погрузился,
Я постиг
 его бездонные глубины;
А когда очнулся –
 сразу очутился
В мутных струях
 повседневной мешанины.

Небосвод осенний
 сказочно прекрасен,
Листья с клёна
 и берёзы опадают...
На серебряную
 я вполне согласен,
Только мне её уже не нагадают.

Я опять свои закидываю сети,
Хоть и знаю –
 нынче буду без улова...
Уплывают, уплывают рыбки эти,
Не сказав мне
 на прощание ни слова.

Ода инструменту

Есть у меня два джинна,
 два преданных дружка –
Без них моя судьбина
 была б совсем горька.
Без них бы я «загнулся»
 уже давным-давно;
Споткнулся, захлебнулся,
 скатился бы на дно!
Влюблялся без оглядки,
 витийствовал взахлёб...
Всё зря – смозолил пятки,
 расшиб широкий лоб.
Укатан жизнью-стервой!

Но рядом – стол открой –
Паяльник... Друг мой первый.
Напильник... Друг второй!

Ненаучный феномен
(Россия, конец XX века)

Мужики в России долго не живут,
Не для них модерна и прогрессы...
Юные залезли в мерседесы,
Стариков придурками зовут.

Мужики в России долго не живут.
Чуть за пятьдесят – внезапно, сразу
Умирают, точно по приказу...
А враги кричат: «Олл райт, зер гут!»

Мужики в России долго не живут -
Видно, одурели от свободы
Или пьют отравленные воды...
Или просто пьют – и там, и тут.

Мужики в России долго не живут –
Торговать и хапать не умеют,
Принципы моральные имеют...
Вобщем, – карачун, кирдык, капут.

Мужики в России долго не живут.
Всё короче наша переключка...
Хоронить друзей – уже привычка,
И нигде на праздники не ждут.

Мужики в России долго не живут –
Мало их осталось, слишком мало,
И страна совсем другою стала...
Мужики в России долго не живут.

Ода старости

Вот запаял я всё, что надо,
И всё, что надо, перенёс...
Теперь услада и награда –
Мой дом у леса, кот и пёс.

Два века я соединяю,
Пожив немало на веку –

Сижу, трактаты сочиняю,
Ищу заветную строку...

Всё у меня обыкновенно —
Звучит соната, чай кипит;
Мурлычет кот самозабвенно
И верный пёс у ног храпит.

А ты, костлявая старуха —
Ползи неспешно по снегам...
Я счастлив слышать в оба уха
И рад шагающим ногам.

В Москву, в Москву...

Выметают нас, как веник,
Чьи-то глупые слова.
Уезжаем в муравейник
Под названием Москва.

Уезжаем, забывая
Звуки милых голосов,
Одинокий скрип трамвая,
Шум таинственных лесов.

Нас несёт, несёт по свету...
Не оставив и следа —
Точно мухи на конфету,
Вновь стремимся мы туда —

Чтобы там, средь беспардонных,
Бесподобных москвичей,
Вспоминать тоску бездонных
Зимних северных ночей...

На высоте 10 км

Мы живём в городах —
ожидая свой номер,
Ожидая свой выход
у огромной кулисы.
В бесконечной массовке
на асфальтовой сцене
Мы — простые актёры,
простые актрисы.
Мы живём в городах,

разлинованных в клетку,
Где трамваи свершают
 замыкание круга...
Но, бродя на рассвете
 по некошенным травам –
Мы находим друг друга,
 находим друг друга!
Мы живём в городах –
 с общей маркой цемента,
Где зелёное с серым
 чередуются строго...
Только ранней весною
 души просятся в небо -
Безнадёжно, по зову
 бородатого Бога.
Мы живём в городах,
 разделённых пространством,
Но летят над Землёю
 перелётные птицы –
Как сверкают их крылья,
 нам даруя надежду...
Ты должна мне присниться,
Должна мне присниться.

Excelsior (Всё выше)

Человек ходил веками
По большой-большой Земле
И летал под облаками
Лишь во сне, да на метле.

Жизнь текла неторопливо,
Без потребности в часах,
Человек мечтал тоскливо
О высоких небесах...

Вдруг раздался рёв моторов!
Век двадцатый поднял пыль,
Человек достиг «просторов»
И мечту скукожил в быль.

Мы несёмся, мы трясёмся -
Кто внизу, кто наверху;
Не сдаёмся, насмерть бьёмся
За смешную чепуху.

Но устали наши уши
От моторной новизны,
Захотели наши души
Первозданной тишины.

Все турбины отсвистели,
Отгудели все винты;
Прилетели, тихо сели...
Что такое? НЕТ МЕЧТЫ!

Даже если ты с деньгами -
Понапрасну в небо лез!
Знать, пора опять ногами
Через поле, через лес...

Ярко солнышко сияет,
Проплывают облака
И Мечта парит, витает –
Вдохновенна, высока!

Уральская зима

Уж лучше вьюга-круговерть,
Чем тягость слякоти и мрака!
Так умирающий от рака
Устало призывает смерть...

С небес нисходит первый снег
И столь торжественно ложится,
Что наяву нам счастье снится,
А Время – замедляет бег.

Весёлый, шумный Новый Год
И Рождество, и «валентинки» –
Зимы чудесные картинки.
Волшебный мир,
 где нет невзгод.

Февральский день. Сияют дали.
Но вдруг – необъяснимый факт –
Волна тоски, волна печали
И в сердце –
 боль, почти инфаркт.

Душа томится... Снова, снова
Она торопит дни весны –

И даже грязь принять готова
Взамен унылой белизны...

Но – безнадёжна, как тюрьма,
И беспробудна, как могила –
От Оренбурга до Тагила
Прекрасноснежная зима...

Подражая Бёрнсу

Листок бумаги и перо –
Пожалуй, всё моё добро,
Оно всегда со мною.
Со мною – ножичек складной,
В котомке сыр и хлеб ржаной,
Гитара за спиною...

Всегда со мной моя Мечта,
Подруга верная, Мечта,
Моя сестра – Мечта!

Как звать любимую мою?
В чужом, неведомом краю
Она живёт, наверно...
Она не знает про меня,
Не знает и её родня...
И это – очень скверно!

Лети за ней, моя Мечта,
Подруга верная, Мечта,
Моя сестра – Мечта!

А где закончится мой путь?
Да уж, наверно, где-нибудь
Найдётся мне могила.
Ты, Смерть,
 соскучилась по мне;
Когда-нибудь наедине
Меня обнимешь пылко.

Одна останется Мечта –
Подруга верная, Мечта...
Моя сестра - Мечта.

Via est vita

Надел походные ботинки;
Сложил в пакетик хлеб, сырок,
Яйцо – две равных половинки...
Иду, пока не вышел срок.

Забыв про старые обиды,
Забыв про новую беду,
Иду, бреду – гляжу на «виды»
И размышляю на ходу.

Трепещут листьями берёзки,
На ёлках шишечки видны,
Вот сосны – яркие полосы...
А я дожил до седины!

Сношу ботинки – может, пару.
Три пары? Глупо их считать!
Уже не буду под гитару
Девиц куплетом соблазнять,
Не буду ждать заветных ночек;
А весь мой «умственный улов»
Ужмётся до десятка строчек
Малопонятных, скучных слов.

Как хорошо идти, ей-Богу!
Мне ничего уже не жаль –
И в бесконечную дорогу
Беру я светлую печаль...

Валентин Владимирович Рябинин

выпускник биологического факультета 1985 года

В.В. Рябинин после выпуска 9 лет проработал в ООО ФЛ ЭЖ как эколог-химик, в настоящее время – инженер-эколог в ООО «Центр «ЭКО». Писать стихи начал в 1978 году, прозу – десять лет назад.

Ода любви

Безумной страсти ураган
И нежности поток,
Бездонный счастья океан
И сладости глоток.

Прекрасна, словно луч зари,
Желанна навсегда,
Как солнце, пламенем горишь,
Сияешь, как звезда.

На созидание зовёшь
Шедевров, храмов, строк
И жизни новой ты несёшь
Божественный исток.

То неприступна, как стена,
Жестока, как судьба,
То догола обнажена,
Покорна, как раба.

При всех порочна и чиста,
Бесстыдна и скромна,

И чья-то робкая мечта...
Да сбудется она!

Слово в уходящем

Сегодня мы – в преддверьи славного мгновенья
Замены новым старого календаря,
Уже парим в прекрасных сладких предвкушеньях
Чудес и сказок в ночь рожденья января.

Год уходящий мы достойно провожаем:
В нём были трудности, но не сробели мы!
И с наступающим друг друга поздравляем
Желанным, добрым, тёплым праздником зимы.

В грядущий год мы смотрим с новыми мечтами:
Пусть он успехи и удачи нам несёт,
Пусть интересными прославится делами,
А вслед за ним... пусть снова Новый год придёт!

Слова, что скажем и услышим мы сегодня,
Всё те же – искренни, чудесны и просты:
Желаем счастья, долголетия и здоровья,
Любви, тепла, цветов, веселья, доброты!

Мысли у окна в новогодний вечер

За окном сугробы –
Белые холмы.
Нынче день особый:
Лучший день зимы.

С ним спешат веселье
И души полёт –
Всё, о чём мечтаем
В уходящий год.

С ним тепло приходит
В души и дома,
И добрее даже
Лютая зима.

Шоколад и свечи,
Тёплые слова
Ждут нас в этот вечер –
Вечер волшебства.

Снегопад искрится
В льющихся огнях,
Ветерок ютится
В ёлочных ветвях.

По ночной дороге –
Звёздный хоровод.
Праздник на пороге...
Здравствуй, Новый Год!

Абдул аль Хазред
Аль Азиф, или Шёпот ночных демонов
(отрывок из романа)

В шёпоте демонов услышанное.
Говорившими с ними рассказанное.
В видениях, ими навеянных, явленное.
В манускриптах, ими продиктованных, прочитанное.
С изображений, ими изваянных, увиденное.
В проистёкшем из деяний их осмысленное.

Труды и странствия, лишения и победы, утраты и обретения, самоотверженно выношенным плодом которых стало это повествование, а также – его само до последней строки я посвящаю Ирине Азер – прекраснейшей из женщин Грядущего.

Аль Хазред

Повесть первая

Прикосновение

Случилось так, что мне пришлось сжать в руках старенькое, издававшее виды копьё, едва мне минуло пятнадцать лет. После смерти отца, мелкого торговца из Саны, никогда не видевшего богатства, дела моей семьи пошли совсем плохо. Мать, на руках у которой кроме меня осталось ещё трое детей – двое братьев и сестра, – едва сводила концы с концами и никак не могла выбраться из долгов. Я по мере сил помогал ей и промышлял разными мелкими заработками у друзей отца, которые, да хранят их Небеса, не оставляли нас своим участием. Но, несмотря на все старания, денег постоянно не хватало, и жить нередко приходилось впроголодь. Самой же большой неприятностью были долги, которые всё росли. Матери пришлось продать всё, что имело хоть какую-то ценность, и я всё чаще стал замечать на её глазах слёзы отчаяния. Я прекрасно понимал, что если так пойдёт дальше, мы станем нищими, и нас ожидает голод. Нужно было искать какой-то выход.

Именно поэтому, услышав призыв эмира всем желающим вступать в войско, я, недолго думая, в числе многих бедных юношей явился к

военачальнику. В то время халиф Абдул аль Малик ибн Марван задумал вернуть Халифату былое могущество и блеск, объединив его под своей булавой. А для этого благого деяния ему, конечно, нужны были воины. При этом он не скупился особенно на обещания жалованья, трофеев и военной славы – всего, что так вожделенно для юных бедняков.

Узнав о моём решении, мать, конечно, залилась горькими слезами, заявив, что ни за что не отпустит меня на верную смерть, что лучше уж голодать всем вместе. Сестра повисла у меня на шее с криком, что не отдаст меня никому. Братья же в один голос объявили, что отправляются со мной. Потребовалось много уговоров и помощь зашедшего вовремя соседа, чтобы убедить их в необходимости этого шага для блага всех нас, как и в том, что гибель на войне – это такая же воля Аллаха, как и гибель в любом другом месте, и её всё равно не избежать. В конце концов, все успокоились, примирившись с судьбой. Мать, собрав мне кое-какие пожитки, благословила меня на ратные подвиги, сестра подарила амулет с молитвой о спасении, а братья просто по-мужски пожелали мне удачи и просили беречь себя. Я же пообещал навещать их, пока буду находиться в Сане. На том мы и расстались.

С малых лет я отличался быстротой и проворством, а также верным и острым глазом. К тому же отец позаботился о том, чтобы я обучился грамоте. Звездочёт, у которого я брал уроки, почтенный и образованный человек, не только учил меня чтению, письму и счёту, но и много рассказывал мне о небесных светилах, порядке вещей, растениях и животных, морях и далёких землях, жизни и нравах разных народов и о многом другом. Так что я знал об окружающем меня мире куда больше, чем мои сверстники, и не стеснялся выставлять свои знания напоказ. Всё это и послужило причиной тому, что в первые же дни моего пребывания в военном лагере я был поставлен десятником в отряде новобранцев. Только денег на оружие и приличные доспехи у меня не было. Поэтому я получил лишь то, что мог получить бесплатно: потёртый шёлковый халат, подбитый ватой, поношенный тюрбан, старенькое копье с потрескавшимся древком и тронутый ржавчиной изогнутый кинжал. При этом сотник сказал, что я могу занять что-то более приличное в счёт жалованья, или же придётся ожидать трофеев. Однако я даже не помышлял тратить своё жалованье по своему усмотрению. Наоборот, я попросил эмира выдать мне его на полгода вперёд, чтобы отдать матери. Эмир, знавший моего отца, согласился и лично передал моей матери деньги, необходимые для уплаты всех долгов, что очень облегчило положение моей семьи. Теперь я был спокоен за них и мог полностью отдаться освоению своего нового ремесла.

Теперь вся моя жизнь состояла из обучения военному искусству, которое включало в себя хождение строем, боевые передвижения по разной местности, преодоление различных препятствий и, главное, владение оружием. Искусству боя нас обучали опытные воины, показывая нам приёмы использования того оружия, которое у нас было, против любого другого, а мы закрепляли их в поединках друг с другом. Такое обучение не обходилось,

конечно, без царапин и порезов, зато было очень продуктивным и быстрым. Удары, конечно, отрабатывались на связанных охапках хвороста и пучках конского волоса. Кроме этого мы различными упражнениями развивали силу и ловкость, тренировали остроту глаз и слуха, обучались распознаванию следов, сооружению укрытий и укреплений, обработке и врачеванию ран и еще многому, что могло понадобиться в битве или походе. Это обучение занимало всё наше время, кроме еды, сна и краткого отдыха. Один раз в неделю нас поочерёдно отпускали домой, что было очень кстати. После расплаты с долгами дела моей семьи заметно улучшились, скудная торговля стала приносить доход, позволяющий сводить концы с концами. Мать, постигшая искусство торговли ценой горького опыта, теперь вела дела очень осторожно, стараясь глядеть вперёд и больше не влезать в долги. Для меня было большим облегчением наблюдать это, так как я понимал, что рано или поздно мне придётся покинуть их и, может быть, навсегда. Братьев я напутствовал также постигать торговое дело, чтобы со временем принять его. Пока же формально наши дела согласился вести близкий друг отца, которому я пообещал в случае военной удачи долю трофеев.

Так прошли два первых месяца моей службы. За это время я основательно освоил всё, чему нас обучали, превзойдя благодаря изначальной ловкости многих своих товарищей. Имея склонность анализировать увиденное, я даже улучшил некоторые приёмы и премудрости боевого и походного искусства, за что не раз удостоивался похвалы начальников и наставников и даже получил несколько дополнительных свободных дней. Убогое же своё вооружение я привёл в идеальный порядок, тщательно вычистив песком всю ржавчину и наточив до такой степени, что кинжалом можно стало даже бриться.

Тем временем наша военная жизнь постепенно становилась всё скучнее. Тренировки стали привычными и надоели, необходимые знания были повторены уже много раз, все истории из жизни рассказаны всем окружающим. Все с нетерпением ждали начала каких-нибудь военных действий, хотя думали о них всегда с содроганием, понимая, что они могут принести гибель. Военачальники начали уже подумывать об использовании новобранцев в качестве рабочей силы на строительстве и благоустройстве города. Как вдруг из Мекки пришёл приказ о выступлении полка новобранцев для соединения с войском в две тысячи воинов под началом самого халифа аль Малика, который решил лично отведать ратной славы умиротворением не в меру разгулявшихся кочевников в пустынных районах центральной части страны. Так что на следующий день, наскоро собравшись и едва успев проститься с родными, мы покинули Сану.

Оживление такими переменами после двух месяцев однообразной жизни в лагере, предвкушение подвигов в битвах и, может быть, какой-никакой добычи и, конечно, жажда увидеть что-то новое придавали нам сил, и передвижение наше проходило довольно быстро. Так что очень скоро стены родного города остались далеко позади, и никто из нас даже не успел толком

запечатлеть их в своей памяти. А ведь многим из нас так и не суждено было вернуться назад: кто-то пал в сражениях, кто-то со временем осел на новых местах, кто-то, сменив меч на посох паломника, отправился в долгие странствия по Благословенным землям. Я же лишь пару раз бросил на них взгляд, да и то лишь потому, что никогда не видел их прежде. Может быть, поэтому они показались мне какими-то чужими и не тронули ни одной струны моей души, и я нисколько не сожалел, что покидаю их. Я смутно чувствовал, что мой вожделенный мир лежит где-то впереди, за бескрайними барханами песка и щебня, реками и городами, за пределами понятий простого горожанина или крестьянина. Он являлся мне во снах в причудливых и невнятных очертаниях и неудержимо манил к себе. И поэтому я рьяно шёл во главе своего десятка туда, куда вели нас наши эмиры. Мне было совершенно всё равно, куда мы идём, ибо я был твёрдо убеждён в том, что любой путь в конце концов приведёт меня Туда. Единственное, что томило мою душу, — это разлука с матерью, братьями и сестрой и беспокойство за их судьбу. Но я точно знал, что при первой же возможности вернусь к ним, хотя и не навсегда. Мои душа и разум рвались вдаль, и, вспоминая рассказы своего учителя-звездочёта и бывавших в нашем доме приезжих торговцев, я мечтал увидеть и узнать столько же и даже больше, чем они.

Через три недели пути мы встретились, наконец, с основным войском. Халиф аль Малик приехал лично поприветствовать, а скорее – оценить нас как бойцов. Он, облачённый в пышные одежды, восседал на великолепном скакуне, окружённый десятком телохранителей. По его виду, а также по его лагерю, который мы видели с почтительного расстояния, можно было подумать, что он выехал на прогулку или на охоту. Очевидно, этот поход он именно так и задумывал, будучи вдохновлён недавними успехами своей армии, низвергшей Абдула ибн Аз-Зубейра и открывшей ему путь в Мекку. Он стремился как можно скорее осуществить переполнявшие его голову грандиозные планы, и рядом с ними эта маленькая задача вовсе не выглядела в его глазах серьёзно. Её решением он занялся лишь потому, что его убедили в необходимости такового. Обладающий большим богатством, окружённый преданными людьми и располагающий могучей армией, он считал себя всесильным, способным преодолеть любые трудности, решить любые задачи, не оглядываясь на мелочи и не считая нужным соблюдать какую-либо осторожность. В его в чём-то юношеском ещё уме совсем не укладывалось, что в делах на общее благо, да ещё когда всё продумано и предусмотрено, могут возникнуть сколь-нибудь серьёзные, а тем более – опасные неожиданности. Однако вскоре произошло событие, которое значительно охладило его пыл. Благодаря ему в дальнейшем он стал действительно достойным повелителем, решительным, но осмотрительным, что позволило ему совершить немало славных и важных дел на благо государства. Для меня же оно также имело большое значение, так как приблизило меня к нему и через длинную череду других событий определило весь мой путь, конца которого я теперь даже не берусь предугадать.

Итак, наш полк, насчитывавший три с лишним сотни молодых неопытных воинов, разделили на несколько частей, определив для каждой позицию в стороне от основных сил, к которым постоянно подходили всё новые отряды из других городов. Сотню, в которой остался я со своим десятком, поставили в трёх километрах юго-западнее войска халифа. Другие же группы воинов, численность которых возрастала с удалением от центра, расставили особым порядком, так что получилось что-то вроде сети, охватывающей довольно большое пространство. Район, в котором все мы находились, в последнее время дурно славился лихими проделками «псов пустыни» – небольших отрядов пустынных кочевников из разных племён, не желающих признавать власть повелителя и промышляющих разбоем среди мелких поселений и на караванных путях. По замыслу военачальников, это огромное «сооружение», медленно двигаясь с соблюдением установленного порядка, должно было прочесать беспокойный район и выловить возмутителей спокойствия. Расстояние между отрядами было достаточно большим для широкого охвата территории, но, в то же время, достаточным для устойчивой связи между ними. По тому же замыслу, если бы один из отрядов обнаружил или подвергся нападению «псов», ближайшие, получив условный сигнал, могли без промедления прийти на помощь. Однако того, что произошло в одну из ночей, не мог предвидеть никто.

В эту ночь я стоял в дальнем дозоре на расстоянии полёта стрелы от лагеря, устроившись в небольшом углублении на гребне дюны. Такое положение делало меня незаметным, по крайней мере, с двух сторон, что имело большое значение: уже не один дозорный был сражён стрелой, стоя открыто. Обзор же с моего места был прекрасным во все стороны. К тому же яркая луна очень хорошо освещала всё вокруг. Спать не хотелось совсем: мысль о том, что враг может напасть в любой момент, прекрасно разгоняла дремоту и обостряла чувства. Кроме меня в дальнем дозоре стояли ещё пять человек, образуя вокруг лагеря шестиугольник. А возле самого лагеря так же по кругу располагался ещё и ближний дозор, готовый принять и передать тревогу.

Я время от времени оглядывал окружающую местность, внимательно вслушиваясь в ночные звуки, и вдруг услышал далёкий топот копыт. Песок сильно глушил его, но за время похода мой слух обострился и научился различать звуки, изменённые песком. Топот приближался, и я понял, что всадник движется прямо на меня. То, что всадник был один, я определил сразу. Однако через некоторое время я вновь услышал топот уже целой группы лошадей, при

. С севера же стремительно приближались шесть человек в незнакомой одежде. Но в следующее мгновение я понял, кто они: их облик был очень похож на неоднократно повторяемый в рассказах бывалых воинов облик «псов пустыни». Я понял, что они выслеживали халифа, который необъяснимым образом оказался один среди пустыни и теперь представлял для

них лёгкую добычу. К тому же что-то подсказывало мне, что эти шестеро — лишь часть отряда, и что вот-вот появятся остальные.

Времени на раздумья не было: преследователи были уже совсем близко. Я вскочил и, громко призывая на помощь, бросился навстречу всадникам. Как раз в этот миг халиф проскакал мимо меня, я же повернулся к преследователям. Первый немного обогнал остальных, и я очутился с ним лицом к лицу. В руке его я увидел сложенную кольцами верёвку, которую он готовился метнуть. Но я опередил его: привычно размахнувшись, я метнул в него копьё. Он качнулся в сторону, но уклониться не успел: копьё ударило его в плечо. От всего этого он потерял равновесие и, соскользнув с седла, упал на песок. Лошадь же его, резко остановившись, затопталась на месте и дважды наступила на него. Подоспевшие тем временем его спутники от неожиданности осадили коней, что дало возможность халифу развернуться и встретить врага обнажённым мечом. Двое всадников проскочили мимо меня, третий же обрушил на меня огромный и, очевидно, очень тяжёлый меч. Но я неожиданно для него резко и низко присел, и меч, просвистев надо мной, с силой ударил в песок. Всадник же, не успев ничего поделать, увлекаемый своим мечом вниз, приник к холке коня, оказавшись на моей высоте. Воспользовавшись этим, я схватил его за одежду и, притягивая к себе, нанёс ему колющий удар кинжалом в грудь, стараясь попасть в сердце. Похоже, это мне удалось, ибо противник тут же обмяк и повис в седле, уже не пытаясь распрямиться. Второй всадник, следовавший прямо за ним, схватил его сзади за ворот и потянул на себя, пытаясь помочь. Но тот лишь беспомощно откинулся назад. Поняв свою ошибку, разбойник схватился за торчащий у него за поясом топор, но время было упущено. Я, схватив его коня за гриву, подпрыгнул и, что было силы, полосонул кинжалом по его шее. Хлынувшая потоком кровь обильно окропила мой халат, хотя я сразу отскочил, едва устояв на ногах, увлекаемый движением скачущей лошади.

Тем временем халиф, мастерски гарцуя на своем великолепном коне, ловко отбивался саблей от нападавших на него с двух сторон врагов, превосходящих его ростом и силой. Видя, что шестой всадник после гибели подряд троих своих товарищей остановился в нерешительности, я подхватил своё копьё и метнул его в одного из противников халифа. Оно попало в бедро лошади, которая тут же, осев, повалилась набок, придавив собой ногу всадника. В тот же момент халиф, воспользовавшись замешательством, достал саблей второго и двумя взмахами расправился с ним, после чего снёс голову придавленному лошадьё.

Я облегченно перевёл дух, но тут вновь послышался топот коней, и с севера показались всадники, по виду похожие на тех, с которыми мы только что разделались, числом не меньше полутора десятков. Дело вновь принимало серьёзный, скорее даже — безнадёжный, оборот. Я схватил топор убитого мною разбойника, но не смог поймать ни одной из лошадей. Полезным сейчас мог бы оказаться лук, но меня не обучили стрельбе из него, так же, в общем,

как и владению топором. Однако я сжал его в руках, полный предсмертной решимости. Халиф подъехал вплотную ко мне, держа в каждой руке по сабле.

– Как твоё имя? — спросил он.

– Абдул аль Хазред, о, великий, — ответил я.

– Держись, Абдул аль Хазред! — решительно сказал он.

Но вдруг из-за ближайшей дюны раздались воинственные крики, и на её гребне пок-зались десятка два пеших воинов. Это спешила на мой зов подвижная группа моей сотни. Бойцы, что было сил, бежали наперерез врагу, на ходу раскручивая пращи. Всадники вмиг были осыпаны камнями и копьями. Растерявшись, они осадили коней и не сразу догадались взяться за мечи. Благодаря этому, ополченцы успели добежать до них и теперь ловко сновали между ними, уклоняясь от ударов, то и дело пуская в ход своё оружие. Мы с халифом, воодушевившись неожиданной переменой, бросились в схватку. Несмотря на то, что несколько моих товарищей всё же были сражены, численный перевес был на нашей стороне. Разбойники, поняв это, обратились в бегство. Тем временем из-за восточной дюны, взметая облака пыли, с гиканьем и свистом стремительно вылетел большой конный отряд. По богатым сбруям коней и роскошным доспехам я сразу узнал в воинах телохранителей халифа, во главе же отряда скакал один из его визирей. В воздухе засвистели стрелы. Но оставшиеся в живых «псы пустыни» уже исчезли, словно растворившись во тьме.

После того как всадники спешили и склонились перед повелителем, а мои ополченцы, упав на колени, коснулись лбами песка, халиф неторопливо слез с коня, бросил на песок одну из сабель, а вторую вложил в ножны. Визирь торопливо осведомился, всё ли с ним в порядке, не ранен ли он, и призвал Небеса вечно хранить его. Халиф снисходительно ответил, что с ним всё в порядке, и, в свою очередь, осведомился, как обстоят дела в его лагере.

– Не беспокойся, о великий, — ответил визирь. — В лагере наведён порядок, все разбойники уничтожены. Только... мы подоспели недостаточно быстро: много людей погибло. Там был большой бой. Хвала Аллаху, что тебе удалось вовремя ускакать оттуда.

– Возможно, я ускакал вовремя, — ответил халиф. — Хотя мне было бы приличнее сражаться рядом с моими воинами. Но в той суматохе я просто растерялся и слепо подчинился призыву слуг спастись. Однако опасность подстерегала меня не только в лагере. Очевидно, эти разбойники решили устроить на нас охоту. Меня преследовали, и я не спасся бы, если бы не этот достойный юноша и его отряд.

При этом он указал на меня. Поймав на себе удивлённые взгляды благородных воинов, я едва не задохнулся от восторга, а мои друзья скромно опустили глаза. Но я чувствова

– Эти почти безоружные юноши сражались, как настоящие воины, — продолжал халиф. — А этот, — он снова указал на меня, — один уложил троих и

помог мне справиться ещё с двоими. Скажи мне, Абдул аль Хазред: во многих ли боях ты участвовал?

– Это был мой первый бой, о великий, – ответил я.

Удивлению визиря и телохранителей не было предела. Халиф же медленно прошёлся перед выстроившимися в ряд ополченцами, внимательно оглядывая их. На его лице явственно читался недавно пережитый ужас и понимание того, что он остался жив только благодаря нам.

– Кто вы? – спросил меня халиф.

– Мы – из Саны, – ответил я. – Там, за третьей дюной, стоит наша сотня. Я же стоял в дозоре и услышал...

– Ваша храбрость достойна награды, и вы её получите.

– Позволь нам, о великий... – начал один из моих товарищей и осёкся.

– Говори, – милостиво сказал халиф.

– Позволь нам взять оружие убитых разбойников, чтобы впредь доблестно служить тебе, – запинаясь от волнения, выдохнул ополченец.

Халиф жестом подозвал визиря.

– Повелеваю: все трофеи, собранные со дня выступления, раздать воинам этой сотни, – он махнул рукой на запад. – Всем этим молодцам выдать по десять золотых и подготовить фирманы на выделение земельных наделов в Сане с бесконечным наследованием. Остальным воинам сотни выдать по пятьдесят серебряных, и всем назначить жалованье наравне с основным войском. Абдул аль Хазред, сколько твоих воинов погибло в этом походе?

– Сегодня – шестеро, о великий. И ещё четверо застрелены раньше, стоя в дозоре.

– Выдать фирманы на землю их семьям, – продолжал распоряжаться халиф. – Послать им по пятьдесят динаров и в течение десяти лет выплачивать жалованье погибших.

Мои друзья бросились к халифу и, упав перед ним на колени, принялись целовать полы его халата. Он же жестом приказал им вернуться на место и повернулся ко мне. Я в это время нагнулся за брошенной им саблей.

– Не спеши выбирать себе оружие, Абдул аль Хазред! – сказал он. – Отныне ты будешь служить в моей гвардии. Но прежде ты поедешь со мной в Мекку. Слушайте все! – халиф возвысил голос. – Этот юноша спас мне жизнь и проявил истинную доблесть в этом бою: он с одним кинжалом грудью встал против шестерых всадников! Это он призвал своих воинов на помощь и до их подхода бился с несколькими, превосходящими его по силе и опыту. Ты достоин особой награды, Абдул аль Хазред, и я приглашаю тебя к себе во дворец.

Услышав эти слова, я остолбенел и потерял способность мыслить. Придя же в себя, упал к его ногам и поцеловал его сапог. Халиф же обратился к визирю:

– Завтра я возвращаюсь в Мекку. Командовать походом будет эмир аль Алим. Ты останешься с ним. Организуйте охрану так, чтобы то, что случилось сегодня, не смогло повториться. Меня же ждут другие дела. Аль Хазред пусть

получит хорошего коня со сбруей, одежду и доспехи гвардейца, оружие я вручу ему сам. — Затем он повернулся к ополченцам: — Воины! Отныне вы будете называться именно так. В этом бою состоялось ваше боевое посвящение! Ступайте в своё расположение, обрадуйте всех и передайте благодарность повелителя. Соберите оружие разбойников и ваших погибших товарищей. Разбойников обыщите: всё, что найдёте, — ваше. Тела товарищей возьмите с собой. Утром я пришлю к вам муллу, чтобы похоронить их достойно. Ступайте!

Мои друзья рванулись к нему, чтобы благодарить, но он властным жестом остановил их, указав на лежащие на песке трупы. Затем проворно вскочил на своего коня.

— Мы едем в лагерь. Коня аль Хазреду! — коротко приказал он и поскакал на восток.

И, только сев на коня и неумело направив его вслед отряду, я вдруг осознал, что только что участвовал в самом настоящем, хотя и совсем маленьком, бою. Только что состоялось моё, как сказал халиф, боевое посвящение. Это была уже не тренировка в лагере, это был настоящий бой! Я стоял лицом к лицу не с товарищем по поединку, а с настоящим врагом, опытным и беспощадным, лицом к лицу с самой смертью! В моих руках было оружие не для упражнения, а для уничтожения врага. Я убивал!.. В эти мгновения судьба поставила мне жестокое условие: убивать, иначе убьют меня! И я убивал. Одного за другим. На моём кинжале и на моём халате — кровь врага, убитого мною. Кровь Человека, убитого мною! Эта ужасная правда настигла меня только сейчас. Когда я вступал в войско, всё предстоящее казалось игрой, чем-то само собой разумеющимся, и мне и в голову не могло прийти, что оно может оказаться таким ужасным. В те мгновения недавнего боя я не думал об этом, в те мгновения я не мог думать об этом. Я думал лишь о том, как нанести удар, чтобы он оказался смертельным для врага, и как самому избежать такого удара. Всё произошло само собой. И это было хорошо! Очевидно, так и должно быть. И слава Аллаху, что эти мысли пришли в мою голову лишь сейчас, повергая меня в ужас и смятение. Там не должно быть ни ужаса, ни смятения, иначе — смерть. Слава Аллаху! Ведь я мог бы остаться лежать там, на холодном песке. В этом бою мне повезло: я остался жив, более того, я был победителем! И я завоевал своё право гордиться этим.

Ужас и гордость, сменяя друг друга, сопровождали меня на всём пути до лагеря халифа. Всё это время я не в силах был думать ни о чём другом. И только когда мне, с медным шлемом на голове несущему под мышкой новенькое платье и доспехи гвардейца, сунули в руки глиняную миску и подтолкнули к котлу с дымящимся пловом, я вдруг вспомнил одинокого всадника, несущегося в ночи через пустыню. Ужасная загадка, вспыхнувшая тогда тут же погасшей искрой, встала теперь передо мной во всей своей непостижимости. Как и зачем мог халиф без всякого сопровождения оказаться в полной опасностей ночной пустыне? Но, даже вспомнив отрывочные слова о нападении на лагерь, я, получив свою порцию и присев поодаль на песок, не

успел ничего предположить: ко мне подошёл гвардейский сотник и осведомился, всё ли у меня в порядке. Поблагодарив за заботу, я задал ему терзавший меня вопрос. Сотник, обрадовавшись, что нашёл собеседника, с удовольствием, хотя и с большим волнением, рассказал мне о событиях прошедшей ночи. Он со своей сотней как раз находился здесь и был непосредственным их участником.

Он сообщил, что ближе к середине ночи лагерь подвергся нападению большого отряда «псов пустыни», очевидно, объединённого из нескольких, что бывает крайне редко. Причём нападение, судя по всему, было хорошо подготовлено заранее, и, видимо, не обошлось без предательства. Похоже, в войске с самого начала похода находился человек, передававший врагу его секреты: количество воинов в отрядах, расположение дозоров, местонахождение шатров, передвижения и планы действий. Так что враг знал всё, что ему было нужно для внезапного нападения.

Итак, после того как вернулись наши разведчики, и наверняка оповещённый об этом, враг стянул к лагерю большие силы – вероятно, все, какие смог собрать. Терпеливо выждав, когда все в лагере основательно уснули, разбойники расстреляли отравленными стрелами дозорных и их собак – сначала дальнего, а затем и ближнего дозора, – используя яд, убивающий на месте. Поэтому никто не успел поднять тревоги. Неслышно пробравшись в лагерь, «псы» принялись за часовых, стоявших у шатров, и могли бы, наверное, перерезать всех или, по крайней мере, наделать много плохого. Но, похоже, таких планов у них не было. Видимо, они рассчитывали, незаметно проникнув в лагерь и выполнив там какие-то свои задачи, так же незаметно покинуть его. При этом основные их силы в лагерь не пошли, а расположились несколькими группами вокруг. Для чего они так поступили, так никто и не догадался. Ясно было одно: они должны были вступить в бой, если отряд, проникший в лагерь, будет обнаружен, чтобы помочь ему, что, в конце концов, и произошло. Но нападавшие почему-то не учли одного: того, что в некоторых шатрах, в том числе и в шатре халифа, тоже находились сторожевые собаки. Именно они, учуяв и услышав приближающегося врага, подняли громкий лай и первыми бросились на него. Это было неожиданностью для обеих сторон. Проснувшиеся воины халифа в первый момент ничего не поняли, что дало возможность противнику опомниться и начать активные действия. Большая группа бросилась в атаку на шатёр халифа, который, очевидно, был их главной целью.

Но когда из шатра на них выскочила свора огромных псов, уже они остановились в замешательстве. Псы, обученные схватке с вооружёнными людьми, рассеяли отряд, не дав ему сходу напасть на шатёр. Подоспевшие телохранители халифа вступили в бой со вторым отрядом разбойников, слуги же под руки вытащили толком не проснувшегося халифа из шатра и потащили к коновязи. Оставаться в лагере было опасно, ибо никто не знал, каково число нападавших, и скоро ли придёт подмога. Почти все они были сражены стрелами, но халиф успел вскочить на коня и, вырвавшись из уже охваченного боем лагеря, во весь опор поскакал на северо-запад. Там, на некотором

удалении, находился главный и самый многочисленный отряд его войска. Он не знал, смогли ли его телохранители подать сигнал о нападении – две горящие стрелы, – по которому оттуда должна была выступить помощь. Поэтому он мчался, надеясь лишь на своего коня и удачу. Но вдруг он заметил вражеских всадников и, надеясь обойти их, отклонился к западу. Враги тоже заметили его и начали преследование. И, в конце концов, все они выехали на меня.

В лагере же события разворачивались своим чередом. Поняв, что врасплох воинов халифа застать не удалось, «псы пустыни» со всех сторон бросились в атаку на лагерь, где их встретили копьё гвардейцев. По краю лагеря завязалась ожесточённая схватка. Силы были примерно равны, но гвардейцы были зажаты с двух сторон, так как за их спиной, в центре – тоже кипел бой. Но вдруг за спиной у нападавших запрыгали огни факелов, и в общий шум боя ворвалось многоголосое улюлюканье и истошные вопли. Вслед за этим с северо-запада и с юга в тыл «псам» ударила конница. Ошеломлённые разбойники заметались в панике, затем обратились в беспорядочное бегство. Однако несколько отрядов, тесно сплотившись, вдруг с удивительным упорством и ожесточением стали пробиваться к центру, где ещё продолжал кипеть бой. Ценой больших потерь им удалось пробиться к шатрам, в которых хранились оружие и довольствие. Здесь они, сломив сопротивление немногочисленной охраны, плотным кольцом окружили шатёр, в котором были сложены трофеи. Несколько человек проникли в него, остальные же заняли круговую оборону.

Тем временем конница вместе с оставшимися защитниками лагеря завершила разгром основных сил противника. Небольшие разрозненные группы разбойников быстро таяли и исчезали под их неудержимым натиском. Большой отряд всадников во главе с визирем отправился по следам халифа. Остальные устремились на последний, истоплённо отбивающийся отряд, сомкнувший плотное кольцо вокруг шатра с трофеями. Но когда из него вышла группа разбойников, кольцо вдруг начало двигаться и, освободив шатёр, сомкнулось вокруг них. Сотник, повидавший не одно сражение, был поражён строевым искусством этих дикарей. Но ещё больше он был поражён загадкой: что же нужно им было в этом шатре, если они так неудержимо стремились к нему и, захватив, так яростно его обороняли? Это кольцо в несколько рядов воинов, остервенело отбиваясь, медленно продвигалось к краю лагеря. Было совершенно ясно, что целью «псов» теперь было — вырваться, сохранив то, что находилось в центре. Вспоминая сейчас этот бой, в самой гуще которого он находился и видел всё воочию, сотник вдруг понял, что истинной целью атаковавших лагерь «псов пустыни» был именно этот шатёр, вернее нечто, находящееся в нём. Атака же на шатёр халифа была лишь отвлекающим манёвром. И возможно, что, забрав то, что им было нужно, они ушли бы так же тихо, как пришли.

Разбойникам удалось дойти почти до самого края лагеря, где, как оказалось, их ждала, спрятавшись за ближайшей дюной, ещё одна группа с осёдланными лошадьми. Но силы «псов» были истощены колоссальным

напряжением битвы. Ряды оборонявшихся пали один за другим, а горстка воинов в центре была просто смята и растоптана.

Я слушал рассказ сотника с замирающим сердцем и, не в силах сдержать разгоревшегося любопытства, перебил его:

– Так что же они вынесли из шатра?! Ведь если они покинули его, значит, нашли, что искали!

– После того как мы перевели дух, эта мысль пришла в голову и мне, и ещё многим, – продолжал свой рассказ сотник. – Мы обыскали всех «псов», захвативших шатёр, но не нашли ничего, за что стоило бы так отчаянно сражаться. Все пришли в полное недоумение: что же тогда «псы пустыни» делали в шатре? Или, может быть, они не нашли того, что искали? Раздумья наши прервал прибежавший молодой воин, который сообщил, что в шатре учинён полный разгром: все трофеи, которые были аккуратно рассортированы и уложены, теперь варварски перемешаны и разбросаны так, что некуда ступить. Всё выглядит так, словно разбойники в большой спешке что-то усиленно искали. Но что?! Цена, заплаченная ими за это «что-то», говорила о том, что оно имело для них огромное значение и ценность. И тут воин, побывавший в шатре, сетуя на свою забывчивость, с волнением добавил, что в одном из углов шатра обнаружил большие

. Тогда один из гвардейцев, обыскивавших мёртвых «псов», вдруг вспомнил, что видел на теле одного из них свежую повязку. Гвардеец был удивлён тем, что ему смогли наложить повязку в такой суматохе, когда не было времени даже вытереть пот со лба. Услышав это, я тут же приказал найти тело с повязкой. Когда же его отыскивали, я сам снял с него одежду и действительно обнаружил повязку, в одном месте слегка пропитанную кровью. Повязка была наложена столь искусно, что, вероятно, даже позволяла ему сражаться. Я велел позвать лекаря, который подтвердил мою догадку. Я приказал ему снять повязку так же осторожно, как если бы этот человек был жив. То, что мы увидели, когда лекарь исполнил мой приказ, удивило нас до крайности: на теле, слева ниже груди, повторяя изгиб края рёбер, имелся, очевидно, глубокий, разрез шириной в ладонь, который был аккуратно зашит. К горлу у меня подступил комок, но я приказал лекарю вскрыть шов и обследовать рану. Он осторожно разрезал нитки своим маленьким ножом, с помощью которого извлекал стрелы, и раздвинул края раны. Воины, собравшиеся вокруг, несмотря на жгучее любопытство, отвели глаза. Даже мне, выпотрошившему не одну сотню врагов, стало не по себе, так как мне вдруг подумалось, что сейчас я увижу что-то совсем необычное. Вглядываясь в недра раны, лекарь не без удивления сообщил, что пузырь с внутренностями не вскрыт, разрез же под самыми рёбрами уходит далеко вглубь. И тут я в самом деле увидел такое, что заставило меня вздрогнуть. Лекарь вставил в рану какой-то свой инструмент, немного подвигал его там в разные стороны, затем потянул назад и вынул из раны странный предмет величиной с ладонь. При этом я заметил, как у него самого задрожали руки. Глаза же стоящих вокруг воинов наполнились

леденящим ужасом, и было видно, что они с трудом сдержали вопль. Лекарь смыл водой кровь и протянул предмет мне. То была четырехугольная немного удлинённая блестящая пластина, на первый взгляд – железная частица доспехов, но она не была железной и не была частицей доспехов. Я долго не решался взять её в руки, так как перед моими глазами вдруг встала картина происшедшего этой ночью в шатре с трофеями, тогда как вокруг него горстка «псов пустыни» старалась во что бы то ни стало сдержать натиск многократно превосходящего их войска халифа. Я словно наяву увидел, как разбойники торопливо разбрасывают и переворачивают всё, не обращая внимания даже на изделия из золота с драгоценными камнями, в поисках одной-единственной вещицы. Найдя же её, они разрезают тело своему товарищу, возлагая на него тем самым великую миссию хранителя. Стараясь не повредить стенку живота, чтобы не вызвать смерть, несмотря на текущую ручьём кровь, проникают клинком глубоко вдоль рёбер, делая таким образом тайник, чтобы спрятать в нём свою вожденную реликвию. Затем они засовывают её туда... В этом месте у меня закружилась голова и перехватило дыхание. Я почти почувствовал то, что должен был чувствовать тогда этот человек, даже если перед этим он принял большую порцию опиума. Я-то прекрасно знаю, что такое — носить в себе даже маленький наконечник стрелы. Какими должны быть его мужество и благоговение перед этим куском металла, чтобы он мог решиться на такую пытку и выдержать её!.. Наконец они зашивают рану и перевязывают её по всем правилам лекарского искусства. И этот несчастный, преодолевая неимоверные страдания, вместе со всеми выходит из шатра, чтобы с оружием в руках пробиваться в свои родные пески, унося в себе эту великую ценность, за которую он, очевидно, готов был отдать нечто гораздо большее, чем просто жизнь.

– Что же это была за пластина? — томимый любопытством, спросил я, едва он замолчал.

– По виду она была похожа на стальную, — ответил сотник. — Но, взяв её в руки, я был поражён её лёгкостью. Она была легче куска кожи таких же размеров. И при этом обладала удивительной прочностью: я неизвестно зачем попытался согнуть её пополам, она же, слегка прогнувшись, как клинок, распрямилась обратно. Я раньше никогда не видел такого металла. Поверхность её была отполирована настолько, что в неё можно было смотреться, как в зеркало. На одной её стороне были отчеканены какие-то непонятные изображения и знаки, другая же была сплошь покрыта множеством маленьких значков, настолько замысловатых и разнообразных, что у меня зарябило в глазах. Она была похожа на каменную скрижаль, плиту или глиняную дощечку с непонятными письменами ушедших народов.

– А на что были похожи изображения? — жадно допытывался я.

– Я не стал их разглядывать, — ответил сотник. — Ибо, едва я взглянул на них, на меня вдруг повеяло чем-то нечестивым и страшным, будто я заглянул в преисподнюю. Я сразу отвёл от неё взгляд и про себя прочёл молитву. Так что эти изображения не запечатлелись в моей памяти.

– А где же она сейчас? – я почувствовал острое желание взглянуть на неё.

– Я отнёс её обратно, к остальным трофеям. В шатре к этому времени уже навели порядок. Но едва я положил её в ларец, явился эмир и передал повеление халифа погрузить все трофеи на верблюдов и отправить в расположение твоей сотни, чтобы раздать воинам. Так что сейчас она как раз в пути. Мы отправили с караваном хорошую охрану – так что, думаю, её больше не похитят.

– А халиф не пожелал бы, узнав её историю, оставить её себе? – замирая от волнения, осторожно спросил я.

– Он знает её: я рассказал её визирю, а тот – халифу. Слушал халиф с интересом, но сказал лишь одно: «Пусть она станет наградой тому, кому достанется... если он решится прикоснуться к ней». Тело же того несчастного он повелел не сваливать вместе с другими, чтобы сжечь, а предать огню отдельно в знак уважения за столь мученическую смерть и столь самоотверженное исполнение своего долга.

С этими словами сотник поднялся и, потрепав меня по плечу, зашагал прочь. Я растерянно заглянул в свою миску: она была пуста. В голове моей всё продолжали звучать слова воина, повествующие о таинственных событиях минувшей ночи, а перед глазами неотступно стояла магическая пластина, безмолвно позвавшая на гибель целое войско: то ослепительно сверкающая в свете факела, то – обагрённая кровью человека, претерпевшего ради неё нечеловеческие страдания, прежде чем отдать ей свою жизнь. Странное чувство овладевало мной, постепенно наполняя меня, как густой шербет наполняет кувшин. Я вдруг ощутил неудержимую потребность овладеть этой пластиной. Она была необходима мне, как мой верный старенький кинжал, как фляга с водой, как согревающий душу амулет – подарок сестры, как путеводный талисман в пути к Заветному. Едва различимый, но незыблемо твёрдый и убеждённый голос, доносящийся из самых глубин моего сознания, настойчиво шептал мне, что я пришёл сюда именно за ней, именно из-за неё я прошёл через всё то, что теперь лежало на моих плечах ратной доблестью, мудрым опытом и сияющей славой. Что именно она явится тем самым ключом, который откроет мне ворота в мир, являвшийся мне пока лишь в туманных грёзах, и в котором мне суждено обрести себя. И едва густой шербет наполнил меня до краёв, во мне созрела твёрдая решимость овладеть ею во что бы это ни стало.

Поэтому на следующий же день, поскольку никаких боевых действий не предстояло, а халиф отсрочил свой отъезд на два дня, я обратился к сотнику с просьбой отпустить меня в расположение бывшей своей сотни, чтобы проверить справедливость распределения трофеев, так как я знаю своих товарищей лучше, чем кто-либо из посторонних. Сотник одобрил моё стремление и, заручившись позволением эмира, дал своё согласие, отрядив со мной шестерых гвардейцев.

Этот недолгий путь для меня был полон тяжких мучений. Жгучее нетерпение невыносимо будоражило мою кровь, возбуждая неистовое желание

пришпорить коня и пуститься вскачь, чтобы утолить, наконец, своё желание проникнуть в неожиданно вставшую на моём пути тайну. Но я вынужден был изо всех сил сдерживать свой порыв, чтобы не показать своего волнения остальным и не дать им заподозрить, что истинная цель этой поездки для меня кроется совсем в другом. Для успеха замысла мне необходимо было сохранять её в тайне.

Наконец мы прибыли на место. Встреча с друзьями была тёплой и радостной, хотя я чувствовал, что за щедрыми пожеланиями всяческих благ на новой службе скрывается горькая зависть. Однако они не скрывали своей радости и благодарности мне за то, что, благодаря моим успехам, и они не остались в обиде, получив весьма ощутимые блага. Они сообщили мне, что, кроме вознаграждения халифа, прибавки жалования и трофеев, всем им после этого похода пообещали отпуск.

Трофеи, как оказалось, были разделены в высшей степени справедливо, с учётом желаний каждого, и обиженным не оказался никто. Все воины наконец-то получили хорошее оружие и доспехи, многие – сбрую для лошадей. Также была поделена одежда и всяческая утварь, деньги и украшения. Наиболее же ценные вещи – изделия из золота и серебра – было решено после окончания похода разделить между семьями погибших. Я был восхищён благородством своих соратников, хотя вполне мог его объяснить: познавший на своих плечах бедность и горе всегда справедлив и готов помочь попавшему в беду.

Однако, исполняя возложенные на меня мной же самим обязанности, я ни на миг не забывал об истинной цели моего приезда сюда. Сделав вид, что меня очень заботит, доволен ли каждый своей долей, что, надо сказать, и вправду заботило меня, я стал расспрашивать всех, что же именно они получили из трофеев. Мне пришлось опросить довольно многих, и я уже начал было беспокоиться, прежде чем всё-таки нашёл то, что искал. Один из ополченцев, с которым я был мало знаком, выглядевший старше меня и, видимо, поэтому смотревший на вещи чисто практически, сказал, что ему досталась довольно интересная, но весьма бесполезная вещица, которая сгод

, он уж не

отдаст её никому. На мою небрежную просьбу показать её он охотно вынул из хурджуна таинственную пластинку и протянул мне. Невероятных усилий стоило мне унять дрожь в руках и сохранить спокойствие на лице, когда я принял её из его рук. На первый взгляд она не представляла собой ничего особо интересного: непонятные и ничего не говорящие изображения на сероватом металле с одной стороны и множество маленьких, беспорядочно расположенных, хотя и весьма причудливых, значков – с другой. Поверхность её действительно была тщательно отполирована. Обратив на это внимание хозяина, я неожиданно для него предложил продать её мне. Я объяснил своё желание тем, что мне приходится часто бриться, и она очень пригодится мне в качестве зеркала. Хозяин замялся было, бормоча что-то о милости халифа. Но я

вынул два небольших рубина, пожалованных мне визирем, чтобы вправить в рукоять кинжала, дабы он выглядел достойно. Увидев их, боец охотно согласился. Не став детально разглядывать своё сокровище, чтобы не возбуждать любопытства окружающих, я спрятал его и продолжил своё дело уже без всякого усердия. Затем было воздание памяти погибшим, долгое прощание и возвращение в лагерь халифа, которые прошли словно в тумане.

И лишь подробно доложив эмиру о том, что все воины остались довольны наградами, и, уединившись в укромном месте, я решился как следует рассмотреть свою таинственную находку. Когда я вынул её из складки пояса, она вновь поразила меня своей непривычной и неестественной для металла лёгкостью. К тому же, отполированная до зеркального блеска, она была очень приятна на ощупь. Размерами она была чуть крупнее моей ладони, а толщиной – не больше толщины клинка кинжала. Форму она имела правильного вытянутого четырехугольника со слегка сглаженными углами и рёбрами. Металл её, очевидно очень прочный, в общем, походил на железо, но отличался от него цветом: если почищенное до блеска железо назвать белым, то этот следовало назвать серым, так как он был более тёмным, несмотря на тщательную полировку.

Изображения же на пластине, показавшиеся мне тогда лишёнными какого-либо содержания, сейчас, при спокойном и детальном рассмотрении, стали вдруг наполняться каким-то непонятным для меня, но явно глубоким смыслом. Вместе с этим меня стало наполнять чувство, что я смог бы проникнуть в него, стоит лишь мне узнать нечто, чего я ещё не знаю. Однако это нечто находится где-то совсем рядом, и нужно лишь найти к нему

почувствовать, увидев эти изображения. Мои же чувства были совсем другими. Если сотник, по его словам, заглянул в преисподнюю, то передо мной, наоборот, словно бы открылась необъятная звёздная даль, в которую я, будучи мальчиком, не одну сотню раз уносился в своих мыслях, глядя в ночное небо.

В верхней части пластины – я почему-то сразу решил, что она должна быть именно верхней – находился странного вида крест с загнутыми под прямым углом концами, причём углы эти были значительно сглажены. Концы же оставляли за собой постепенно сужающиеся шлейфы, которые, продолжая загибаться и закругляться, в конце концов, сливались в сплошное туманное кольцо вокруг креста. Создавалось впечатление, что этот крест, загнутые концы которого объаты пламенем, летит в ночном небе, вращаясь вокруг своего центра. Ощущение полёта усиливалось тем, что крест был изображён немного наклонённым назад.

Ниже был изображён шар – именно шар, так как он был идеально выпуклым, находясь в углублении. Вокруг него были вычерчены десять вытянутых окружностей, расположенных по-разному, но с одним центром – тем же самым шаром. На эти окружности были словно бы нанизаны маленькие шарики – по одному на каждой. Все они имели разные размеры, но – гораздо меньше, чем у центрального. Причём рядом с некоторыми из них находилось

по одной или несколько совсем крошечных бусинок. Возле каждого из этих шариков, тоже как бы нанизанный на его окружность, был нанесён ряд очень мелких, но прекрасно различимых благодаря поразительной чёткости непонятных значков. Некоторые из этих значков повторялись в разных местах, но последовательность и количество их везде были различны. Из всего этого я заключил, что это – слова. На поверхности центрального шара также имелось «слово». Я понял, что каждый из этих шариков имел своё имя или название. И вдруг мне почудилось, что изображения на пластинке... движутся. Это видение не на шутку испугало меня. Я тщательно ощупал изображения, стараясь припомнить, в каком положении они находились сначала. Сомнений не было: все они остались на своих прежних местах.

Однако стоило мне вновь взглянуть на них, я опять ощутил движение. На этот раз я уже не испугался, а стал с интересом наблюдать. Крест, медленно поворачиваясь вокруг своего центра, двигался прямо на меня, а пламя на его загнутых назад концах полыхало по-настоящему, только очень лениво. Шары же степенно ползли по окружностям, каждый в своём направлении. Мелкие бусинки вились вокруг них, словно мошкара. При этом все шары, включая и центральный, ещё и лениво поворачивались вокруг своих центров... От такого количества одновременных и разнообразных, хотя и очень медленных, движений у меня зарябило в глазах и закружилась голова. Я, закрыв глаза, резко потряс ею, чтобы стряхнуть наваждение, поражённый его чёткостью и явственностью. Затем вновь ощупал изображения, чтобы убедиться, что они остались на местах. Спрятав пластину, я долго думал об этом видении, удивляясь, как такое вообще может привидеться. Ведь в фантомах является лишь то, что можно увидеть или о чём можно услышать наяву или представить в мыслях. А представить то, что мне сейчас пригрезилось... об этом даже страшно было подумать. Я опять вынул пластину и стал разглядывать другую её сторону. Россыпь мелких, но тоже удивительно чётких символов, бесконечно разнообразных по виду, казалась совершенно сумбурной. Они не располагались строчками или столбиками, вообще в их расположении, казалось, не было никакой системы. Многие, а может быть, и все значки неоднократно повторялись тут и там. Причём иногда они повторялись лёжа на боку или стоя «вверх ногами», или «задом наперёд», и я не мог понять, один и тот же это знак или уже другой.

И вдруг меня начало наполнять новое чувство. Мне стало казаться, что в этом пестрящем хаосе я начинаю улавливать признаки системы, что я почти понимаю её. Что она просто очень сильно отличается от всех, привычных для нас, но столь же проста и естественна, стоит лишь уяснить себе её суть. А для этого необходимо постичь лишь какие-то мелочи, и вся трудность заключается в том, чтобы их отыскать. Меня не покидало чувство, что я могу это сделать, и я должен это сделать, надо лишь нащупать правильный путь. Тогда я смогу прочесть то, что здесь написано – в том, что это – письмо, я несколько не сомневался, – и смогу в дальнейшем читать подобные манускрипты. Но как этот путь нащупать? Я чувствовал, что он лежит где-то совсем рядом...

Впрочем, поразмыслив, я решил, что не стоит торопить судьбу. То, что произошло со мной, вне всякого сомнения, было прикосновением к какой-то великой тайне. А раз судьба доверила мне это прикосновение, значит, она готовит меня к проникновению в неё, иначе просто не может быть! А значит, нужно запастись терпением и ждать. Судьба не терпит спешки: все вехи, уготованные человеку, она посылает ему строго в назначенное время. Если же пытаться торопить события, можно сбиться с предначертанного пути и либо многократно удлинить его, либо вообще прийти в никуда.

(Продолжение следует)

Евгений Саулович Сапиро

почетный профессор ПГНИУ

МОЙ КЛАССИЧЕСКИЙ

Когда говорят о своей большой или малой Родине, вспоминают альма-матер, нередко употребляют эпитет «лучший» («лучшая»). Я к этому эпитету отношусь очень осторожно: сравнения, рейтинги – занятие непростое, порой лукавое и, никуда не денешься, несвободное от эмоций и субъективизма. Иное дело, когда называют «родная», «любимая», «моя». В этом случае субъективизм не только к месту, но даже необходим...

Эпидемия переименований, которая нахлынула на российскую высшую школу в 90-х годах прошлого века, не обошла стороной и Пермский государственный университет. Хотя сегодня к его привычному названию добавились два почетных, подкрепленных бюджетным финансированием слова («национальный» и «исследовательский»), мне больше греет душу его неофициальное, «домашнее» имя «классический университет». Знаю, что не только мне и не только «отдельным неофициальным лицам». Недавно, заглянув на сайт ПГНИУ, с удовольствием убедился, что так же его назвали в своих приветствиях посетителям сайта ректор Игорь Макарихин и президент Владимир Маланин. Хотя в справочниках и словарях «классический» трактуется прежде всего как «образцовый, показательный» (в широком смысле), в моем личном восприятии этот термин характеризует солидность и надежность, испытанную временем и обстоятельствами. Именно таким и является мой (!) Пермский университет. Я неплохо извне и изнутри знаю советские, российские вузы. Учился и много лет был членом ученого (диссертационного) совета в Уральском политехническом институте. Прошел путь от аспиранта до доцента в Пермском политехническом. Работал в

Российской академии государственной службы, был членом ученого совета в знаменитой «бауманке», тесно сотрудничал с экономистами Московского университета... И все же «моим» называю лишь Пермский классический.

О солидности. Я проработал в «классическом» 17 лет. Советских. Пронизанных партийно-советской идеологией, соответствующими «правилами игры»: признанием руководящей роли единственной, правящей партии (КПСС), мудрости и непогрешимости ее руководства... Преподавателю, научному работнику это признание позволялось выражать по минимуму. Например, ограничиться ссылкой во введении диссертации или методички на решения очередного съезда КПСС. Но для «ретивых» этого было мало, и они во всю силу своих легких дули в фанфары, прославляя партию и ее вождей, с энтузиазмом принимая участие в довольно часто происходивших, показушных идеологических мероприятиях, заодно принуждая к этому и собственных студентов. Симптомы этой болезни руководства я не раз наблюдал в 60-е годы, работая в Пермском «политехе». А вот в «классическом» ни разу, хотя три созыва был членом его партийного комитета. Среди солидной университетской профессуры, принявшей эстафету интеллигентности еще от дореволюционных «питерцев», от преподавателей, прошедших фронт, «выпрыгивать из собственных штанов» было как-то неприлично. Я не помню, чтобы в университете в какой-то форме обсуждался вопрос о традициях, принимались решения и постановления по этому поводу. Но нравственные, культурные традиции, заложенные почти сто лет назад, давали о себе знать на каждом шагу в названиях кафедральных научных школ, в ссылках преподавателей на своих учителей. В зале заседаний ученого совета всю заднюю стену украшали фотографии профессоров университета, работавших начиная с 1916 года! Верхний ряд занимали ректоры. От первого К.Д. Покровского до предпоследнего на тот момент Ф.С. Горового. На всю жизнь я запомнил, как в этом уважаемом сообществе появилось и мое изображение.

Для меня, довольно молодого преподавателя, ученого, руководителя, бесценными и незаменимыми были получасовые обеденные беседы «за жизнь» в профессорском зале университетской столовой с такими корифеями, как физик И.Г. Шапошников, историк Л.Е. Кертман, экономист В.Ф. Тиунов, географ Ю.М. Матарзин, юристы В.А. Похмелкин и В.П. Реутов. Именно там, между отварной треской (по четвергам в советском общественном питании был «рыбный день») и компотом, они делились с менее искушенными коллегами маленькими профессорскими «know how»: как читать лекции в зарубежных университетах (не «читать», а «вести беседу»); в каком порядке этично ставить фамилии соавторов в совместной публикации (автор идеи, основной «писатель», далее по алфавиту); обязательно ли критиковать при рецензировании (если вы при этом не сделали ни единого критического замечания, значит вы «не в теме»); кого в обкоме можно послать подальше, а кого, кровь из носа, следует уговаривать или отговаривать (не по должности, а персонально); кого из выпускников оставлять на кафедре для преподавания (не обязательно отличников, но непременно хорошистов, авторитетных среди

студентов). Кстати, руководствуясь этим принципом, я «тогда положил глаз» на писателя-юмориста факультетской самодеятельности, ныне сенатора, Андрея Климова; студенческого профсоюзного лидера, тоже сенатора, Игоря Шубина; руководителя студенческого научного общества, вице-президента ЛУКОЙЛА Андрея Кузьева... Да и молодые преподаватели, выявленные по этим «лекалам», оказались потом на высоте. Естественно, что и я позднее старался поделиться подобным опытом со своими дипломниками и аспирантами («сапирантами» с легкой руки первого из них, Юрия Гантмана).

Есть в классическом университете еще одна добрая и редкая традиция, начало которой зафиксировано еще в 1940 году. Многие из его ректоров не держались насмерть за свое кресло, а готовили себе достойных преемников. Так поступила накануне войны Мария Прохорова, добровольно передав высокий пост и разнообразнейшие ректорские заботы талантливому молодому ученому и администратору, порядочному человеку Александру Букиреву. В начале 90-х годов этот «почин» уже на моих глазах продолжил «ректор-строитель» Виктор Живописцев, рекомендовавший вместо себя «безобразно молодого» для этой должности Владимира Маланина. Владимир Владимирович не подвел ни в чем. Развивал университетскую науку, повышал качество образования, много строил (несмотря на труднейшие годы реформ). И совсем недавно, спустя четверть века, сохранил традицию, и передал ректорский командный мостик своему «выдвиженцу» Игорю Макарихину.

Для меня не абстрактны слова «первый университет на Урале». «Отцовство» ПГУ я неоднократно ощущал в Пермском политехническом институте, общаясь с питомцами ПГУ – преподавателями нашей экономической кафедры, с геологами, металловедом, выпускниками университетских гуманитарных кафедр. Был знаком с профессорами Пермского медицинского института, закончившими университет в 1930 году. И сегодня, когда с удовольствием читаю интернет-журнал Пермского педагогического института (университета) «Филолог», мне кажется, что я снова в пятом корпусе на Букирева, 15, в компании знакомых и приятных мне университетских филологов и «филологинь»...

В приветствии В.В. Маланина есть очень важные слова, посвященные первым преподавателям университета молодым профессорам и приват-доцентам, приехавшим в 1916 году в Пермь из столицы России: «Это была многообещающая прививка интеллектуальной элитарности и европейской культуры провинциальному городу». Уже через 15 лет после своего основания ту же благо родную миссию «культурной прививки» выполняли в новых пермских вузах выпускники молодого пермского университета. Неравнодушен я еще к одному «миграционному» сюжету. Мне пришлось покинуть политехнический институт не по своей воле: его руководство тех лет слишком усердно стало притормаживать мое продвижение в доктора наук. А университетское, включая ректора В.П. Живописцева, не только пригласило к себе, но и оказывало всевозможное содействие на этом непростом пути. Сначала я подумал, что это случайность. Оказалось, что не только

закономерность, но и традиция. Еще первые послереволюционные ректоры находили в себе мужество приглашать в университет перспективных преподавателей непролетарского происхождения, почти что «контру». По той же тропинке пошли послевоенные ректоры отважный фронтовик Александр Букирев и вообще-то довольно осторожный человек, бывший до этого заместителем председателя облисполкома, Василий Тиунов. В пятидесятые годы они брали в университет «безродных космополитов», людей с подпорченной анкетой, тех, кто по том прославил университет. Лишь несколько имен из этого довольно длинного списка: историк Лев Кертман, первый декан экономического факультета Исаак Сандлер, геофизик (князь!) Козловский, геолог Петр Червинский.

И еще одна особенность классического университета. Спортом, художественным творчеством могли успешно заниматься студенты и других пермских вузов. Но только в университете несколько лет в свободное время тесно общались и интеллектуально обогащали друг друга студенты – представители как «точных», так и «гуманитарных» профессий. Как тогда говорили, «физики» и «лирики». Особенно плодотворно это отражалось на способных ребятах из глубинки, до университета не избалованных общением с высоким искусством, с большим спортом. Не раз я был свидетелем, как быстро в стенах университета они компенсировали ту недостачу детства и юности.

А завершить свои заметки я хотел бы, как и в начале, сославшись на официальный сайт ПГНИУ. Первое. Чтобы не создалось впечатление, что я «не в теме», одно замечание. В презентациях нескольких факультетов и кафедр я не обнаружил рубрики «история». Будто марсиане высадились в районе университетского городка, не ведая об именах и делах аборигенов за последние сто лет. Хотел привести список «марсиан», но на первый раз их пожалел. Но три слова скажу: не по-университетски это! Второе. «Слово ректора» на сайте завершается словами: «рядом (с университетом. – Е.С.) станция Пермь II, откуда можно уехать в любой район города на общественном транспорте...» Если Игорь Юрьевич Макарихин возьмет меня в соавторы, то в этом фрагменте я бы изменил вид транспорта и прибавил один маршрут «в оба конца»: «...откуда комфортно можно уехать в любой конец света... И вернуться! Чтобы еще раз навестить НАШ классический университет».

С разрешения автора. © журнал «Университет», 2013, с 4-6

Рита Соломоновна Спивак

выпускница филологического факультета 1958 г., профессор

Рита Соломонова Спивак – не только выпускница, но и один из любимых преподавателей поколений 1970-х-90-х. Её научное творчество хорошо известно, чего не скажешь о поэтических произведениях. Надеемся, что эта публикация откроет новые грани яркой личности.

Моим однокурсникам

Не Царское Село и не Лицей
Стоят у нашей с вами колыбели.
Не лебедь плыл – краснел седой репей,
И лапы на снегу тянули ели.

Но вместо лип – черемуха цвела,
Ромашки на лугу дарили ласку,
И наша юность, как у всех, была
Недолгой песней и волшебной сказкой.

В моем лице – с раскрытыми глазами
И профилем испанских королей –
Нет общего с певучими чертами
Твоих славянских предков и детей.

В твоей альпийской сдержанности тонет
Моих нестройных чувств крутой размах,
И наши души празднуют и стонут
На разных, без сомненья, языках.

Но мы с тобою вместе. И быть может,
Как это ни покажется чудно,
Я думаю, в нас, дивно непохожих,
В двух половинках целое одно.

Мой дом не хочет умирать –
Он хочет петь, дышать, смеяться,
Гостями шумно наполняться
И новорожденных считать.

Мой милый дом, мой младший брат,
Ты на моих глазах родился,
Со мною рос и мной гордился,
Моим успехам громко рад.

Держись, мой дом, мой друг, держись,
Мы оба, к счастью, упрямы.
Ты сохраняешь образ мамы,
И мы поборемся за жизнь.

Уезжают друзья безвозвратно,
Белый снег заметает след.
Умножает тысячекратно
Тяжесть прошлых и будущих лет.

Нашу юность увозят с собою,
А свою – оставляют нам,
Так уж велено было судьбою –
Все с друзьями делить пополам.

Добровольно, а не насильно
Едут, сердце зажав в горсти...
И крута же ты, мать-Россия,
Да уж что там – прощай-прости...

Лишь хватило бы сил и воли
В испытаниях устоять!
Дай им, Господи, лучшей доли,
Нам – себя без них не потерять...

Этот солнечный февраль...
Как он много обещает!
Так поверить искушает –
Не поверить просто жаль.

Этот острый льдистый блеск

На хрустальной крыше снега...
Эта солнечная нега
В синем куполе небес!..

Как могучая стрела,
Тополь взнес навстречу свету
Всю громадину ствола
И синичку среди веток,

Чтоб в молитвенном бреду
Или чувственном экстазе
Заклинала, чтоб не сглазить,
Светотени чехарду.

Мои друзья... Уж многих нет...
Старинные мои подруги...
Жизнь не воротится на круги
Своя счастливых юных лет.

Шумит прошедших дней поток
Всё тише, памятью нагружен.
Мир оказался так широк,
Что лучше был бы чуть позже.

Но жаловаться мне нельзя,
Хоть и живем не в райских кущах.
Дай Бог, чтобы всегда друзья
Со мной встречали день грядущий.

Мне надо очень мало —
Кусочек одеяла,
Кровати половинку,
Подушку и простынку.

Мне надо очень много —
Дверь настежь у порога,
Флаг голубой с отмашкой
И душу нараспашку.

Белый снег... Знак неожиданного
освобождения

И докучного круга обязанностей
и забот.
Белый снег...
Вестник чудного преображения
Всех реалий земных
до прекрасного наоборот.
Мой сообщник в побеге из дома
в страну зазеркалья
И помощник в возврате домой,
под спасительный кров,
Дирижёр, чародей –
безответственный и беспечальные,
Поцелуем воздушным
дарующий нам отпущенье грехов.

Душа моя, синичка...

1

Уральский март

Хотя еще так робко, робко
Свет разгоняет полутьму –
Синичка черточкой на ветке
Спешит перечеркнуть зиму.

И пусть еще темно и хмуро
Над снегом кружит воронье –
Звучит победной увертюрой
Простая песенка ее.

2

Запуталась синичка
В стеклянных нитях звона,
Эстрадная певичка
Весеннего сезона.

Мотивчик прост, как спичка,
Ребенок повторит.
Но пусть звенит синичка,
Пусть она звенит.

3

Здравствуй, маленькая птаха, –
Первый голосок весны,
В желто-серенькой рубахе
Патриарх краев лесных!

Как прошла ты сквозь морозы,

Где нашла привет и дом -
В тонкий силуэт березы
Вписана карандашом?

Первый робкий лучик света
Сквозь завесу зимней тьмы,
Еле видная примета
Поражения зимы.

4

Льётся, льётся серебро,
Звуковые кванты –
Мартовское болеро,
Звонкие пуанты.

Щурясь на весенний свет,
Ищем по привычке
В ветках тонкий силуэт
Незаметной птички.

Жизнь прекрасна даже с болью,
Даже с палочкой в руке.
Радуюсь краюшке с солью,
Строю замки на песке.

Только это всё ведь сказки...
Всё не так уж хорошо...
Акварельные раскраски
Боль стирает в порошок.

Посреди дороги дальней
Трудно поменять коней.
Очень трудно и печально
Привыкать к беде своей.

Виснет мягкими волнами
Тонкий, сладкий запах липы,
Золотыми кружевами
Метит уличные клипы.

Мама с сыном. Мама с дочкой,
Бьют ракеткой по волану,
Воробьиная цепочка,
Три мальчонки у фонтана,

Два подростка босоногих
На траве перед бараком,
Прямиком через дорогу
Мчит дворовая собака.

И на все на эти клипы
В придорожные ложбинки
Сыплет липа, сыплет липа
Кружевные золотинки.

Город... Что? Сошел с ума!
Наступило бабье лето.
Листьев желтая кайма
Вдоль дороги разогрета

Докрасна в сухих лучах.
Осень? Что вы! Может, где-то,
Но у нас-то бабье лето,
Даже просто лето. Лето!
Мы летаем в облаках...

Город в праздничном наряде,
С толпами на площадях,
Под широкой синей гладью,
В ярких красках и цветах,

В ослепительно эфире,
В пестрой летней кутерьме!
На земельном прощальном пире
Что нам думать о зиме...

Маме

Еще не весна, и не пахнет весной,
Но в воздухе запахи детства витают.
Морозно и снежно, и льдинки не тают,
И в скверике пышный сугроб под сосною.

Но ветер не жесткий, а мягко ласкает
Пуховую варежкой стылые губы.
А я на салазках в цигейковой шубе,
И мама едва подхватить успевает.

И след от полозьев достанешь рукою,

И каждый бугор разрастается в гору,
И мама, и мама тут, рядом, с тобою,
И нет ни забот, ни тревоги, ни горя.

Наше детство не было дворянским –
Беззаботным, светлым, беспечальным,
Наше детство было эмигрантским,
И война – нам школою начальной.

Слава Богу, мы не понимали,
Что за смерч лютует в белом свете.
С мест родных снимались, улетали,
Словно птицы, женщины и дети.

Хорошо, что хоть не на чужбину.
И в местах известных мало-мальски
Всё лепились семьи-половины
Ласточками возле гор Уральских.

Мамы на заводе или в поле,
А отцы на фронте и в ГУЛАГах,
Нас же в детском садике и школе
Учат в бой идти под красным флагом.

Всё же было ведь не понарошке
Детство – детством, как и полагалось:
Мы для мамы – свет один в окошке,
И земля прекрасной нам казалась.

И через десятки лет упрямо,
Благодарно память сохраняет:
Поздний вечер. Молодая мама
Мне при свечке «Маугли» читает.

Есть ласковые дни у осени,
Как тихий материнский
взгляд.
То там, то здесь на небе просини,
И листья в воздухе
парят,
И под ногой
в подсохшей лужице

Лист желтый
солнечным пятном.
И мысли невесомо
кружатся –
О незабвенном,
о былом.

В уральском городе моем
Бушует северное лето.
Но гость на празднике чужом
Я без тебя на свете этом.

И с безысходною тоской
Ищу, за что бы удержаться
Больной, измученной душой,
Чтоб не сломаться.

Но иссякают силы жить,
Надеяться, мечтать, молиться.
Мне больше не к кому спешить
И не к чему теперь стремиться.

И только дочь, дитя мое,
Меня привязывает к жизни -
Своею горькой укоризной
Смысл возвращая в бытиё.

Жизнь идет по касательной, мимо,
Не пугая и не чаруя.
Словно гость на чужом пиру я –
Не гонимый и не любимый.

Умирают тихо желанья,
Сходят с круга дальние планы.
Жизнь терзает нас, как пиранья,
Оставляя рваные раны.

Свое горе с собой я ношу
Ожерельем у самого горла.
Оно шрама еще не натерло,
Только трудно и больно дышу.

А прозрачные бусинки слёз
Перевиты моею любовью –
Той отчаянной, жгучею, вдовой,
Без иллюзий, надежды и грез.

Но дала мне судьба амулет,
Если станет совсем нестерпимо, –
Несмываемый в памяти след,
Как была я тобою любима.

Счастье мое заплутало в минувших годах
И потерялось с тобою в заоблачных далях.
Только что было –
 и только его и видали,
Знать не дано нам, когда подкрадется беда.
И не вернуть его, не оживить.
С властной судьбою
 не будешь ведь мериться силой.
Я бы её об одном для себя попросила –
Память о счастье не трогай.
 Позволь сохранить.

Александр Сергеевич Шкляев

выпускник ПГУ 1942 г.

А.С. Шкляев – основатель пермской научной гидрометеорологической школы, кафедр гидрологии и метеорологии в Пермском университете. С 1964 г. – декан географического факультета, в 1967-70 гг. – проректор по научной работе ПГУ, первый доктор наук по специальности «Гидрология» в г. Перми. Идеи, замыслы А.С. Шкляева в середине XX века опередили своё время и были шире места их создания, они современны и сегодня. В подборке в основном юношеские стихи из архива В.А. Шкляева.

К 70-летию университета

Здесь на Заимке, вблизи от Камы,
В соседстве с шумом больших цехов
Открылась взору панорама
Всех университетских корпусов.

Ты первым вузом стал на Урале,
Для многих вузов ты был отцом...
Хоть семь десятков уж миновало,
А ты все выглядишь молодцом.

За эти годы ты вширь раздался,
Поднял науку над синью гор
И для питомцев ты постарался
Держать зеленым свой светофор.

Свой путь нелегкий проходишь твердо
В труде почетном, в больших делах
И орден славный сверкает гордо
В веселых праздничных делах.

Сегодня в сборе твои питомцы-
Пришли отметить твой юбилей.

Так пусть же светит нам ярче солнце,
А песни льются пусть веселей.
29.10.1986

Времена суток (лето)

Повсюду рассыпал росинки
Предутренний белый туман,
Как будто большие слезинки
На луг уронил великан.

Багровые брызги рассвета
Зарей отражаются в них
И нежную песню привета
Пропел ветерок и затих.

В лучах золотистого света
Купаются рощи, поля
И в яркие ткани одета
Свободная наша Земля.

Повсюду желтеет пшеница,
Красуются фрукты в садах,
И, крылья раскинувши, птица
Парит высоко в облаках.

Уж к западу солнце проплыло,
Устало склонилось к Земле,
Закатом весь мир озарило
И тихо погасло во мгле.

Рассыпались звезды вселенной,
Как искры большого костра
И в небе застыли мгновенно,
Сверкая на нем до утра.

В течение суток природа
Меняет свой облик не раз:
Меняются краски, погода
И в целом – природный пейзаж.

И так от сезона к сезону
За многие тысячи лет,
По строгому мира закону,
Точнее которого нет.
28 02.1986

Кама

Льдом скованная и покрытая снегом
Безмолвствовала Кама как пустыня,
Лишь метель налетела с разбега,
Да пела, что Кама мороза рабыня.

Летали над Камой бунтовщики – ветры,
В прорубях водам шептали,
Чтоб они раскололи лед закрывавший
Богатые водные недра.
Но молчало снежное поле.

Она явилась исполином...
Весна! Слышите, как она дышит?
Она подняла Солнце над снежной равниной
выше и выше.
Полились лучи Солнца не вскользь,
А почти в упор на снежный простор.

Кама Солнцем пробужденная,
Поднялась, выгнула спину,
Заиграла вода студеная,
Затрещала ледяная равнина.

О долголети

Чтобы жить до сотни лет
Мало лишь одних диет
Пить кефир, морковный сок
Кушать свеклу и чеснок.

Ну зачем Вам все вот это?
Лучше слушайте советы
Постараюсь я хоть кратко
Изложить все по порядку.

Берегите Ваши нервы –
Вот совет Вам номер первый.
Хочешь дотянуть до ста,
Так смотри на все спроста:

В отношениях по службе,
При любой разлуке, дружбе,
При семейной непогоде,

При любой другой невзгоде

Если хочешь долго жить,
Никогда нельзя спешить:
Пусть петля в чулке спустилась,
Запонка запропастилась,
Пусть троллейбус встал в пути –
Не волнуйся, – подожди.

Сад себе не заводи,
Фруктов, ягод не сади.
И не вздумай строить дач –
Не поможет тут и врач,

Ни морковные котлеты,
Ни другие все диеты.
От конфликта не спасут
Все равно прощай, капут.

Берегись автомобиля!
Если Вы здоровы были,
Но купили «Москвича»
(все бывает сгоряча) –
Значит, Вы уже больны:
Объяснения не нужны.

Тут гараж, ремонт, бензин–
Очень важно для здоровья
Жить без тещи и свекрови, –
Чтобы дни свои продлить,
Лучше в гости к ним ходить.

Наконец, совет старейший –
Хоть последний, но важнейший:
Сердце Ваше лишь одна
Занимать должна жена.

Если две волнуют кровь –
Не поможет ни морковь,
Ни строжайшая диета, –
В гроб загонят – та и эта.

Букет

Пропитан воздух запахом сирени,
Скользит зефир, подобно лёту фей,
Блестит ручей в прохладной тени,
Шуршит по хворосту, как змей...

В уютной комнате, в хрустальной вазе
Букет цветами радужно пестрит –
От стрел Эроса в пламенном экстазе
Душа, как воск и тает и горит
8.06.1937

Цыганский романс

Чуть дымятся костры, догорают огни,
Золотистые искры летают,
Невеселая юность, унылые дни,
Как неясные сны улетают.

Все с печалью своей, всем уже опостыл,
Но чего-то бесцельно ищу я...
Как немного прожил,
Сколько слез осушил
В одиночестве страшно тоскую!

Мои силы? Зачем же нужны мне они?
Чтобы вновь предаваться печали?
Нет, уж лучше скорей догорайте огни,
Чтобы вы моих слез не видали.
Октябрь 1937

Испания

Испания дышит неровно под тяжестью,
Грудь ее в ранах, в крови,
Черный, кровавый удав вражеский
Тело ее обвил.

Грязный, испачканный кровью красною
Стал на нее Итальянский сапог,
Шпоры его бороздят несчастную –
Грудь разрывают – за клоком клочок.

Германия тут же фашистским знаком,
Словно багром ее тело рвет,
Как одичалая, злая собака
Когти вонзила, оскалила рот.

Мужайся, Испания! Силы удава
Слабнут и слабнут от лет.
Кровью своей ты соткешь ему саван,
Кровью своей смоешь вражеский след.

Сердце твое бьется без усталости,
Сердце твое – многолюдный Мадрид.
Крепнут в жестокой борьбе твои мускулы,
Гневом, решимостью взор твой горит.

Черная лента длинной ночи
Станет как нитка тонка...
Скоро порвет ее волей рабочих
Свободы стальная рука.
Октябрь 1937

Весна

Весна стучит ко мне в окно,
Сквозь стекла смотрит прямо в очи.
Пора, пора! Уже давно
Дни стали больше, меньше ночи.

Вчера весь день бежало с крыш,
Струились бурные потоки
И я резвился как малыш,
Как школьник, сделавший уроки.

А завтра может быть я вновь,
Открыв окно, как прошлым летом,
Увижу новую любовь
И обменяюсь с ней приветом.

Не потому ли ты грустишь,
Что вместе с хмурою зимою
Исчезло то, о чем ты лишь
Могла беседовать со мною.
8.03.1937

Осень

Не дрогнет лист, прохладой усыпленный.
Объяла мир багряная заря,
И удаленный луг, лучами озарённый,
Уж омрачен печалью сентября.

Дремучий лес, величие хранивший,
Уже покрыт желтеющей листвою.
И в каждый миг, порывами гонимый,
Засохший лист кружится над землей.

И каждый день над чистыми прудами,
Поднявшись в небо, сотни птичьих стай
Летят бесшумно, стройными рядами
В опасный путь – в далекий теплый край.

Уснул наш сад, исчезла тень былая,
Листва поблекла, сам бы поредел...
Вот здесь вот раньше, в грезах утопая,
Я у фонтана звонкого сидел.

Теперь здесь пусто. Голые растенья...
Дорожки в листьях, не звенит фонтан.
Не слышно птицы радостного пенья,
И прогремел сердито ураган.

И лишь теперь свой цвет не уронила,
Не пожелтев, зеленая сосна.
Но в стороне, сурова и уныла,
Не привлекает путника она.
Сентябрь 1937

Снежинки

Летают белые снежинки,
Покрыв собою небосвод,
Как будто примы-балеринки
Танцуют дружный хоровод.

То у фонарика мелькают,
То затеряются во мгле.
И утомившись, отдыхают
На доброй матушке-земле.

Но тут же в вальсе понесутся
С любезным, легким ветерком
И над прохожими смеются
Кружась у них перед лицом.

На ветку сядут покачаться,
Поговорить о том-о сём,
И в легком вихре вновь умчаться,
И отдохнуть, садясь на дом.

Они, бедняжки, утомились,
А ветер хочет танцевать.
Опять в веселье закружились –
Нельзя же ветру отказать.
21.11.1937

Гале I

Я хочу быть с тобой ежечасно,
Без тебя с тобой встречи ищу,
И вздыхаю, и мучусь напрасно,
И напрасно о чем-то грущу.

При тебе я стараюсь казаться
Равнодушным, скрываю любовь...
Мне и стыдно, и больно признаться,
Что люблю я без встреч и без слов.

Я хочу быть с тобой, но как видно
Мои встречи тебя тяготят...
Я хочу говорить, но мне стыдно,
Что слова мои лживо звучат.

Дни проходят бесследно, как ветер,
Уходя в бесконечную тень...
Я ж надежды свои каждый вечер
Возлагаю на завтрашний день.

II

Гроза прошла и небо чисто,
Аллеи дышат ароматом,
Лучи искрятся золотисто
Яснее нет лучей заката.
Покой! Как чудно после бури!
Окно открыто, свежий ветер
Морщинит гладь лесной лазури.
Навис над миром тихий вечер.
И воле самого обрыва
Шуршат плакучие березы,
Устало смотрит в воду ива,
Равнина дремлет молчаливо,
Уснул весь мир – проснулись грезы.
Май 1938

Волна

Какие нежные, простые сочетанья
Хрустальных красок вызвала волна,
Когда луной облитая она
Дышала свежестью небесного дыханья.

Мерцанья звезд искали отраженья
Таинственных красот дарованных волной,
Но лишь дрожащею искрой
Переливались робко искаженья.

Волна все звуки сладкие впитала
Сливая их с гармонией цветов
И очертанья дальних берегов
Движеньем плавным нежно обнимала.

Блеснул рассвет... царица волн, бледнея,
Дыханьем ночи соткала туман
И величавый океан,
Затрепетал, от солнца пламенея.
11.01.1938

Земля и небо неразрывно
Друг с другом связаны всегда.
Текут их мысли непрерывно
Земля уснет – взойдет звезда.

Она едва, едва мерцает
Над утомившейся Землей
И тихо-натиho вздыхает,
Тайком любуюся луной.

Но лишь луна зайдет за тучку,
Звезда с звездой сберутся в кучку
И, забывая простоту,
Свою покажут красоту.

Ах, звезды, звезды! – звезды мира,
как я люблю ваш скромный вид!
При вас моя родная лира
Сильней и радостней звучит.

При вас кипит в крови желанье,
При вашем блеске сколько раз
Звучало нежное признание:
«Я Вас люблю, я вся для Вас!»

Но вы холодны и спокойны,
Вы безучастны ко всему,
Для вас все чувства недостойны,
Как счастье сердцу моему.
1938

Соревнование

Шумит народ у стадиона,
На лицах видимый азарт...
Закрытьe лыжного сезона –
Вот здесь вот финиш – тут же старт.

У всех то радость, то тревога,
Смотря, кто выиграл туза.
Залита солнцем вся дорога –
У всех прищурены глаза.

Повсюду льется ликование
(Художник, ну-ка сделай шарж!)
На старте ждут и ждут ... «Внимание!»
И вслед за тем несется: «Марш!»

Последний лыжник скрылся живо
(Должно быть, хуже ходит он),
И зрители неторопливо
Пошли к буфету... в павильон.

Текут минуты... сорок с гаком,
И лыжник вынырнет вот-вот.
И вдруг мужчина с рюкзаком
Кричит в толпу: «Идет, идет!»

К нему плывет людей лавина...
Толпа заполнила простор.
Меж тем другая половина
Берет на приступ косогор.

«А ну поддай! Побольше жару!
Еще, еще! Ай, молодец!»
Найдите здесь одну хоть пару,
Чтоб в ней азарт не жег сердец.
1938

Клонится день ко сну,
Лучи заката, тая,
Скользили в глубину
Хрустальных чистых вод,

И на вершинах гор,
Последний блеск роняя,
Окрасив белый снег,
Свой кончили поход.

На время мир застыл,
Повеяло прохладой,
Спустилась тихо ночь
С волшебной быстротой...

У берегов седых
С печальной серенадой

И день, и ночь поет
Рассерженный прибой.

Царица волн стремится
Умерить гнев прибоя,
Бросает грустно взоры
На бурный океан.

Но, полон дикой злобы,
Свободы и разбоя,
Вздымая кверху пену,
Бушует океан...

Среди его просторов
Надежда затерялась
Моей души печальной
Её уж не достать:

Она от слез иссохла,
От горя исстрадалась.
Так долго ли, скажите,
Ей суждено страдать...
1938

По тихому озеру лодка плыла,
Тихую песню с собою несла,
И над водою,
Облитой луною,
Брызги искрились при взмахе весла.

Лодка плыла в отражение луны,
Правила лодкой воля волны.
И с берегов
По гребням валов
К лодке стекались и грезы, и сны...

Думали двое о скором прощанье,
Знали – последнее это свиданье,
Но к берегам по холодным волнам
Не доносились разлуки рыданья.
1938

Девушка с маяка

Среди мрака и холода ночи,
Возвышаясь над толщею скал,
Как большие горящие очи,
Полыхают огни маяка.

Девушка с большого маяка
Страстно полюбила моряка,
И вздыхает о нем,
И скучает о нем,
И ждет смельчака-моряка.

Но пустынна синяя даль
И блестит под луною, как сталь...
И, мечтаний полна,
Смотрит нежно луна,
Разделяя разлуки печаль.

Поднимаются волны седые,
Разбиваясь о груды камней.
Увидали глаза голубые
За волнами полоску огней.

Сердце выскочить хочет наружу,
От волненья все ходит кругом.
Невзирая на бурю и стужу,
В легком платье стоит под дождем.

Буря стонет и молния блещет,
Содрогается в воздухе гром.
Пароход получил много трещин
И вперед продвигался с трудом.

И внезапно над тенью ночью
Треск донесся до стен маяка,
И прибило холодной волною
Теплый труп смельчака-моряка.

Девушка с большого маяка
Обнимает труп моряка
И вздыхает над ним,
И рыдает над ним,
И грудь разрывает тоска.

01.05.1938

На улице снежно... Топкая мяготь,
Ветер, афиши изорваны в клочья.
Снег рыхло-мокрый, лужи и слякоть,
Пасмурный вечер, на небе – как ночью.

На небосклоне не видно лазури:
Туча за тучей несутся, как птицы...
Как-то не вяжется с этакой хмурью
Голос веселый и радость на лицах.

Но, между тем, удалой молодежи
В день этот хмурый совсем не до дрожи,
Каждому весело, каждому жарко,
Щеки румянцем обвеяны ярким.

Разве боятся им злюки-метели?
Нет, не страшна ни жара им, ни холод.
Кто будет с нами, тот будет у цели,
Кто с нами вместе – тот весел и молод!
Ноябрь 1938

Вечер

Вечер. Меркнет пурпурный закат,
В водах озера искрой дрожит,
Озаряет задумчивый сад,
Одинокую ель золотит.

Догорел – и над сонной землей
Загорелись звезда за звездой.
Полутьма затаилась везде,
Чуть двоятся просторы полей,
И старается бросить к звезде
Серебристые брызги ручей.
Август 1937

Это было давно, много весен назад,
Но об этом забыть не могу я.
Я стоял у реки и смотрел на закат,
О любви безутешной тоскую.

Тихо меркли лучи за уснувшей рекой
И вершины лесов золотили.
И на грустное небо, звезда за звездой,
На ночное гулянье всходили.

И тихая песнь, тишину нарушая,
Мне пела о вечной любви.
И, весь замирая, той песне внимая,
Я каждое слово ловил.

И вспомнил я время, когда надо мною
Такая же песня плыла.
И так же всходила звезда за звездой,
И новые звезды звала.

Но были во мне необычные силы
И много надежд впереди.
И локон знакомый – душистый и милый –
Лежал у меня на груди.

Не пой же о вечной любви без печали!
Когда б я ее ощущал,
Мы так же, как прежде, сейчас бы стояли,
И локон бы я целовал.
1938

Сом

Возле речки, на полянке
Все дрожит от перебранки, –
Спорит папа, спорят дети
Спорит всё и все на свете,
Спорят яростно о том
Где живет усатый сом.

Говорит малютка-мальчик,
Всунув в ротик тонкий пальчик:
«Сом живет весной в воде,
А зимой живет... нигде».

Говорит отец сынишке:
«У тебя плохой умишко...
Сомы есть на юге только –
Их там много, ужас сколько».

Говорит сердито мама,
Член спортобщества «Динамо»:
«Прекратите глупый спор!
Ты несешь, малютка, вздор.
Сома в лавке я видала,
Когда рыбу покупала».

И опять несутся споры
Через вольные просторы,
И, должно быть, нет конца
Спорам сына и отца.

Не добиться б им итога,
Да пришла сама подмога —
Вдруг раздался плеск такой,
Что воскликнули все: «Ой!».

Всем от страха показалось —
Там чудовище плескалось,
Но никто не знал о том,
Что плескался это — сом.
25.03.1938

Кавказ

Я видел высокие кручи впервые
С высот необъятных кавказских громад —
Белели в лазури вершины седые
И золотом краски — закат.

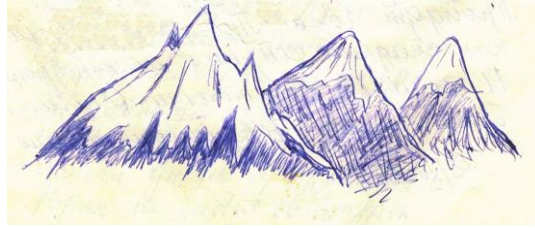
Я помню: шагали уверенно мулы
По узким тропам вдоль синеющих скал,
А дальше... теснились смиренно аулы
И первый вдали перевал.

И бурная речка, на солнце сверкая,
Неслась, напевая меж горных громад,
И мощной струёю, с камней ниспадая,
Беснуясь, шумел водопад.

Никак не забыть мне той дивной картины,
Когда предо мной простирался Кавказ —
Повсюду теснины, повсюду вершины,
Куда не посмотрит мой глаз.

Зеленые рощи растут у предгорья,
Плоды созревают в зеленых садах,
И голые скалы у самого взгорья,
Как тени, купались в волнах.

5.07.1937

На распутье

Еще недавно мысли привлекали
С такой отрадой теплые мечты.
Мы жили слепо, жизнь не замечали,
Не замечали бурной суеты.

Огородившись толстою стеною
От повседневных жизненных хлопот,
Нам непонятной жизненной тропой
За руки взявшись, двигались вперед.

Во всем всегда мы видели страданье.
Где жизнь кипела – видели покой,
Где все цвело – мы зрели увяданье,
Где штиль царил – мы видели прибой.

Так шли вперед... Достигнувши распутья,
Решили в жертву дружбу принести
И не могу теперь назад взглянуть я,
Чтоб не промолвить с трепетом: прости!

Но образ твой от времени сотрется,
Как снег растает в памяти моей...
Кто будет жить и жизнь кого прервется,
Не доходя до старости своей?

Пройдут года! Промчится жизнь младая,
Как сладкий сон, как легкий трепет дня.
И ты порой, о прошлом вспоминая,
Быть может, вспомнишь нежно и меня.
28.10.1937

Белый снег оседает все ниже и ниже,
Солнце весело смотрится в зеркальца луж,
Ветер теплым дыханием облако лижет,
Обещая быть дождику. – Вот будет душ!

Сочетание снега и черных растений,
Сочетание снега и бурных ручьев...
Скоро мир погрузится в пучину сплетений
Первомайского праздника с полем цветов.

И полотнища красные флагов шелковых
От весеннего ветра начнут трепетать,
И колонны людей – моложавых, веселых
Будут с песней веселою в ногу шагать.
Апрель 1938

Пробило полночь, тюлевые шторы
Колышет легкий майский ветерок,
Умолкнул вальс, затихли разговоры,
Она ушла – я снова одинок.

Последний вальс, последние надежды
Я возлагал лишь только на тебя...
Но ты ушла – и я один, как прежде,
С своей мечтой, тоскуя и любя.

Последний вальс звучал так тихо и так нежно,
В душе мелодия звучит и до сих пор.
Ты руку подала небрежно, -
Короток был последний разговор...

Уж на востоке алая зарница
И предрассветный дует ветерок...
А я не сплю, я мрачен, мне не спится,
Я изнемог, я снова одинок.
1938

Мы прощались с тобой, понимая без слов,
Все чем дышит душа, нам глаза говорили.

Ночь была хороша, сквозь вуаль облаков
Звезды нежно и тихо с землей говорили.

У обоих в груди разгоралась любовь,
И сжимались горячие руки...
Мы прощались с тобой, понимая без слов
Всю печаль предстоящей разлуки.

Ручей

В тенистом лесу, извиваясь среди серых камней,
Журча, протекал, изумрудом сверкая, ручей.
Угрюмая роща любила его лепетанье
И в сладком забвенье дарила тенистым лобзаньем.

И редко луч солнца густую листву прорывал,
В воде отражаясь, как чистый и светлый кристалл.
Прекрасен, как юность, был дар сокровенный природы.
И в медленной неге текли безмятежные годы.

Но дня одного серебристый ручей не забудет.
Однажды пришли сюда сильные, смелые люди,
Под корни деревья они подрубили,
Высокой плотиной путь роднику преградили,

И шумом колес заменили ручья лепетанье,
Оставив обиду и горе ручья без внимания.
Не мог покориться он этой неведанной доле,
И стал умолять, чтоб вернули опять ему волю.

«Я вас умоляю – на волю меня отпустите,
Взамен от меня, что угодно вам будет, просите.
Как жемчуг, я буду сиять вам своей красотой,
На солнце блистать и поить Вас студеной водою.

Принес я для Вас необычные, чудные сказки,
В прохладе моей много нежной, заботливой ласки».
«Но что нам краса твоя», – люди ему отвечают. –
«Али красоты мы на свете другой не видали?

Довольно сверкать бесполезно своей красотой!»
Ручей промолчал и, вздохнув, примирился с судьбою.
И стал он колеса вертеть, с высоты ниспадая,
И слушать их речь о чужом и неведанном крае.

1938

С тех пор, как ты влюбленным взором
Пронзила сердце, как стрелой,
Разлука стала приговором,
Свиданье – счастливой мечтой.

Но ты взглянула и забыла,
И вновь веселый звонкий смех
Звучит так искренне и мило,
Что веселит невольно всех.

Моя любовь тебе как шутка,
С тоскою жду тебя весь день,
А ты заглянешь на минутку –
И исчезаешь, словно тень.

Так ждет цветок, спаленный зноем,
Чтобы коснулся дождь земли,
А тучка глянет стороною
И затеряется вдали.
22.03.1943

Отчизна

Глубоко люблю свою Отчизну,
Но любовь не в силах передать.
Для меня она – источник жизни
И всегда заботливая мать.

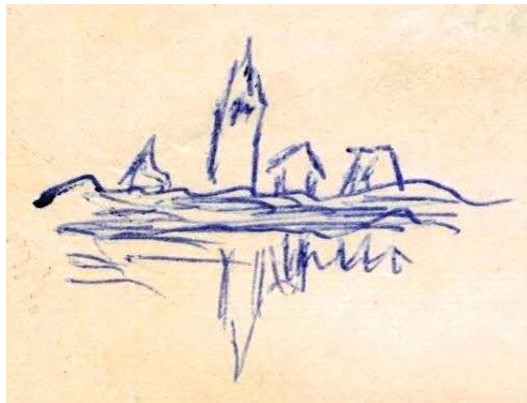
В час, когда душе моя страдает,
Под ногами исчезает путь,
Словно мать, Отчизна утешает
И надеждой наполняет грудь.

Посмотрю ль на голубые дали,
Прочитаю ль о больших делах –
Как рукой сметет мои печали,
И тоска рассыплется во прах.

Почему – и сам того не знаю,
Услыхавши песню под гармонь,
На ресницах слезы засверкают,
И в душе затеплится огонь.

Слушать я люблю с большой отрадой,
Как под песнь «Коробушки» родной
Смех и крик несется за оградой
И стихает в роще за рекой.

И, усевшись у окна вагона,
Позабыть про все готов весь день.
Наблюдать на грани небосклона
Очертанья русских деревень.
1943

Молча я смотрю на непогоду, —
Подо мной беснуется река,
И по серому немому небосводу
Без конца проходят облака.

Тает снег под пеною потока
По камням весенний дождь стучит
И в воде уныло, одиноко
Старый дуб задумчиво стоит.

Только мало срока остается
Бушевать потокам и ручьям:
Скоро солнце ярко разольется
По речным долинам и полям.

Расцветет безбрежная равнина,
Запестреют яркие цветы,
И украсят тело исполина
Молодые, нежные листы.

И невольно мрачное сравненье

Возникает в мыслях у меня –
Не в таком ли я уединении
Средь забот томительного дня?

А вокруг людской поток несется
Мудрость жизни с ревностью тая...
Но к нему, как прежде, остается
Безучастна молодость моя.
9.06.1943

Я помню как будто сегодня
Горячую нашу любовь,
Когда мы любили свободно,
И ты волновала мне кровь.

Мы были с тобой как в забвении,
Ты помнишь всю нашу стезю?
Любовь и большие сомненья
И первую нашу слезу?

И первую радость волненья,
И первую грусть о былом,
И первые дни вдохновенья,
И первое наше «потом».

Пусть вновь наши чувства проснутся,
Как мощный любовный росток,
И пусть наши слезы сольются
В единый счастливый поток.
Февраль 1978

Ты шагала по жизни суровой,
Отражая атаки невзгод,
В стороне от веселого слова
С грузом всех материнских забот.

Красота твоя всех удивляла,
Полюбить тебя каждый не прочь,
Ты ж любовь свою всю отдавала
Сыновьям своим в тихую ночь.

И, склонившись над детской постелью,
В окружении праведных снов
Ты рыдала под стоны метели,
Вдохновляя сыновью любовь.

Ради них ты терпела лишенья
Свой талант погашая в себе,
Подавляя порыв увлеченья,
И взывала с надеждой к судьбе.

Пролетели суровые годы,
Сыновья поднялись во весь рост...
За страданья твои, за невзгоды
Поднимаю свой праздничный тост.

Я желаю тебе вдохновенья,
Счастья, много надежд впереди,
Чтоб текла твоя жизнь без волненья,
Без забот, от страданья вдали.

За минуты твоих унижений
Будь столетия ты молодой
И в сознаньи других поколений
Засверкай, как звезда, красотой.
Март 1978

Ты сказала об этом украдкой,
Грустным взглядом задумчивых глаз.
И осталась навеки загадкой
Эта тайная встреча для нас.

Но с тех пор, как унынье разлуки
Овладело без жалости мной,
Все страданья мои и все муки
Над загадкой склонились немой.

Я ищу ее в блеске рассвета,
В нежном взгляде последних лучей,
В теплой ласке веселого лета,
В скучной музыке зимних ночей.

Гляну ль я на просторы лесные,
Иль на неба лазурного даль —

Всюду мнутся черты дорогие
И немого упрёка печаль.
Март 1980

Ты явилась ко мне так случайно
Сквозь туманы чарующих грез,
Как-то тихо, задумчиво, тайно,
Затаив в своем взгляде вопрос.

Я взглянул на тебя и заметил
Голубые озера в глазах,
С легкой грустью я также отметил
Серебринку в твоих волосах.

Ты внесла в мою комнату нежно
Все тепло необъятной земли,
Озарив мою душу надеждой
Беззаветной и чистой любви.
1980

Мальчуган и мощный кран

Перед нами мощный кран.
Под весенними лучами,
Возвышаясь над домами,
Он стоит как великан.

Гордо вскинутой стрелой,
Как огромною рукой,
Грузы кверху поднимает,
Сто рабочих заменяет.

Рядом с краном-великаном
Мальчик худенький стоит,
Блокнот вынул из кармана,
Что-то быстро в нем строчит.

Знак завода, номер крана,
Дату выпуска его –
Все запишет он упрямо,
Не пропустит ничего.

А затем украдкой взглянет
На гиганта с теплотой,
Добрый именем помянет
И дотронется рукой.

Постояв еще минуту,
К остановке подойдет
И по нужному маршруту
К новой стройке завернет.

Знает он все новостройки,
Сколько кранов там стоит
И какой район застройке
На сегодня подлежит.

Дома делает замеры
Всех моделей разных стран...
Значит, будет инженером
И построит новый кран.

Может, это будет робот,
Может, что-то поновей,
А стрелу заменит хобот...
В общем, друг, дерзай смелей.

Видно будет инженером
Этот странный мальчуган
И невиданных размеров
Он построит новый кран.
15.03.1986

Ирина Николаевна Эренбург,

выпускница филологического факультета 1981 г.

После окончания университета работала в качестве криэйтора, редактора, руководителя проектов и др. в ТЦ «Сенатор». Автор книг: «Гала и Элюар» (М, Олимп, Астрель, 2010), «Формула счастья», «Не бойся, малыш» (М., АСТ, Олимп, 2005, 2006), «Случайная невеста», «Тысяча и один мужчина», «Кольцо на счастье», «Белая фата для Алисы» (М., Панорама», 2009, 2010, 2011), «Бабочка на шпильке» («ЛитРес», 2018), «Музыка любви» («Издательство Стрельбицкого», 2019).

Гала и Элюар. Счастливый соперник Сальвадора Дали (отрывок из книги)

От автора

В конце девяностых я впервые побывала в Испании. Не будучи поклонницей творчества Сальвадора Дали, все же посетила знаменитый дом художника. Помимо моей воли со мной произошло нечто непонятное. Мне захотелось не просто увидеть больше полотен Сальвадора, прочесть его прозу, но узнать о его творческой концепции и круге других художников, с которыми он общался. У меня возникла потребность познакомиться с его супругой, его Музой, его соратником и подругой. Именно там, в Фигерасе, ко мне пришла уверенность: без поддержки этой русской женщины, без создания этого довольно необычного партнерства, не было бы того *легендарного* Сальвадора Дали, о котором узнал весь мир.

Я прочла автобиографическую книгу «Тайная жизнь Сальвадора Дали», монографию Доминик Бона «Гала. Муза художников и поэтов». Узнав, что Елена Дьяконова в детстве дружила с Анастасией Цветаевой, нашла ее книгу «Воспоминания». И, естественно, стала знакомиться со всеми материалами, что выходили на русском языке о поэте Поле Элюаре. «Письма к Гала» только подтвердили мою мысль: до знакомства с Дали Гала претерпела сложный период жизни. И не только претерпела, но и научилась выживать, жить, наслаждаться жизнью.

Случайно, когда я узнавала в редакции о судьбе моих предыдущих рукописей, мне задали вопрос, смогу ли я предложить что-либо в серию «Кумиры. Истории Великой Любви»? «Гала и Элюар. Муза поэта», – не задумываясь, ответила я, даже не предполагая, какой сложности работа мне предстоит. Я искала всё, что было написано на русском языке, каким-либо образом связанное с этой любовной, а затем и супружеской парой. Штудировала теоретические работы о дадаизме, сюрреализме и пр. Искала в интернете и в библиотеках статьи и большие биографические произведения о Максе Эрнсте, Бунюэле. Чтобы понять быт и нравы швейцарских туберкулезных санаториев, перечитала Ремарка «Жизнь взаимы» и Томаса Манна «Волшебная гора»... Сейчас уже не вспомню, сколько было прочитано, выверено, продумано. Самое главное, в результате всей этой работы произошло «подключение», я почувствовала себя не вне контекста, но внутри. Я жила образами; литературные персонажи не мне подчинялись, но я им!

Так родилась эта книга. Она написана в жанре очень редком для русской беллетристики, в жанре любовно-исторического романа. ЛЮБОВЬ – главная тема. Гала и Элюар – основные персонажи.

I

Вжавшись пылающей щекой в подушку, Галя лежала без сна на жесткой полке вагона. Поезд уносил ее сквозь пелену падающего снега, прочь из Москвы, прочь из обыденного существования, прочь от скуки, пошлости, болезни. Ее сердце вторило стуку колес, заставляя пульсировать кровь в венах. Ей представлялось, как мать неспешно поднимается в ее комнату, останавливается на пороге, оглядывая скудно обставленное помещение с кроватью, письменным столом, шкафом, полным книг, и застывает в недоумении – на стене, где висят фотографии в деревянных рамках, сочными пятнами заплат зияют квадраты обоев. Мать подходит ближе, чтобы угадать, какие из фотографий старшая дочь взяла с собой в дальнюю дорогу, и вдруг замечает, что исчезли иконы. Вздых облегчения вырывается из ее груди.

– Храни тебя Бог, – шепчет она и осеняет себя крестом.

Своим внутренним взором Галя во всех подробностях видела, как жесткая складка материнского рта расслабляется, морщинки разглаживаются, линия плеч становится покатой, будто тяжелая ноша наконец-то сброшена. Галя всегда чувствовала, что для матери она была обузой, источником раздражения, непонятной, чуждой и оттого нелюбимой дочерью.

Сама же Галя давно поняла, что она – особенная. И не потому, что у нее были темные ночные глаза в тени густых, загибающихся к векам ресниц. И не из-за порывистых движений ее легкого тела. И даже не из-за двойственности имени – отец дал ей имя Елена, а мать звала ее Галей. Просто она видела, слышала, обоняла иначе, чем другие. То, что ее братьям, матери, отцу казалось обыденным, неинтересным, не стоящим внимания, для нее было целым событием, открытием – откровением. Она могла часами неподвижно лежать на кровати, вдыхать льющий через распахнутые настежь окна запах чисто вымытой быстрой летней дождевой листвы и мечтать, глядя, как тени,

тысячекратно перекрещиваясь, составляют причудливые узоры на потолке. Ее посещали видения, похожие на сны. Или сны, похожие на видения?.. Она пыталась рассказать матери о том, что для нее было важным: об эльфах, приходящих к ней, когда она закрывала глаза, о шелесте их крыльев. о голосах, приносимых ветром... Мать прерывала ее на полуслове, взгляд ее таких же, как у дочери, уходящих в черноту глаз становился колким, лицо каменело. Только один человек слушал ее рассказы с интересом, находил для нее нужные, ободряющие слова, одаривал мягкой, доброй улыбкой... Впервые Галя сделала для себя открытие: тот, кто не связан с ней узами крови, может быть ближе, понятней, родней.

Больше всех на свете она любила отчима, и Дмитрий Ильич Гомберг был нежен и ласков с нею. С того самого момента, как мать вторично побывала под венцом, Галя стала называть Дмитрия Ильича папой, и в ее документах значилось: Елена Дмитриевна Дьяконова.

...По задернутым шторам пробежали яркие вспышки света, вырывая ее из задумчивости. Ночная рубашка, больше похожая на одеяние монахини, сжимала ее девичью грудь, подол обволакивал, стягивал ноги, словно пелена тяжелой воды, западая между бедрами оттого, что она никак не могла успокоиться и вертелась на своей узкой вагонной полке.

Ее знобило, хотя вагон был хорошо натоплен. Ее тело помнило последнее крепкое объятие отца на перроне, ободряющее похлопывание по спине его большой теплой ладони, жаркий шепот:

– Запомни одно: ты моя красавица, ты больше, чем красавца. В тебе есть то, за что миллионы женщин отдали бы все на свете. И ты сильная. Ты даже не подозреваешь, какая сила кроется в тебе. Ты справишься со всеми трудностями. Ты чудесная девушка. Чудесная, удивительная, необыкновенная. Запомни это на всю жизнь.

Он взял ее за плечи и, не отнимая рук, отодвинул ее от себя, заставил посмотреть прямо в его лицо. Галя словно впервые увидела его глаза – серые, как московское небо, с проблесками еле уловимого орехового оттенка, добрые и ясные. И пока она смотрела на него, выражение его глаз изменилось, стало темнее и глубже. Словно мягкой пеленой окутал ее этот полный любви взгляд.

– Ты не такая, как все, – с силой выдохнул он, – запомни, ты – особенная.

От того, что он угадал ее непохожесть, Галя вмиг поверила его словам. И все, что дальше он говорил, воспринималось ею как заклинание, как молитва.

– Для тебя это путешествие – замечательный шанс познать саму себя, – убедительно говорил отец. – Как узнать, кем ты являешься на самом деле, кто такая, в чем твоя исключительность? Только наблюдая, сравнивая, анализируя. А для этого нужно выйти за пределы обыденности. Только через других людей можно узнать самих себя. Ты увидишь другие края, узнаешь иных людей, нежели ты привыкла видеть рядом с собой. Твои новые знакомые будут разными. Чаще равнодушными, глупыми, ненужными. Но будут и такие, что удивят тебя. Клавадель – интернациональное место. И это хорошо. Ты сможешь

проверить свой немецкий. У вас в гимназии немецкий язык давали на уровне. У тебя будет прекрасная языковая практика. Наверняка в Клаваделе будут и французы. Узнаешь, хороши ли были уроки нашей Жюстины.

Отец подмигнул ей. Он подтрунивал над их служанкой. Средних лет простая женщина из швейцарской деревни серьезно относилась к своей роли учительницы французского языка для приемной дочери хозяина дома, московского адвоката Гомберга.

– Я уверен, болезнь уйдет, ты ее победишь. Сделай все, чтобы выздороветь. Пусть другие думают, что болезни стоит бояться. Бояться ничего не нужно. Страх разрушает больше, чем любые бациллы. Ты у нас смелая. Самая смелая девушка на свете. И самая красивая... милая, милая. – Он снова крепко прижал ее к себе. В объятиях отца Галя чувствовала нечто волнительное, как в полетах на качелях: захватывает дух, сердце стучит гулко, подкашиваются колени. Сердце ее бьется толчками, она теснее прижимается к отцу, кладет голову ему на грудь, стремясь поделиться хоть частичкой горячей благодарности, переполняющей ее душу.

Узкая ладонь опустилась ей на плечо – так просто и все же так неожиданно. Галя отпрянула от отца и встретилась с настороженным взглядом матери. Ее рука соскользнула с плеча дочери, мать пытается улыбнуться, но улыбка выходит напряженной, вымученной. Своим женским чутьем она угадывала, что в жарком, искреннем объятии – признание в любви по-настоящему близких людей. Насколько близких?.. Сердобольного отца и приемной дочери? Стареющего мужчины и юной, не знающей еще своей силы расцветающей женщины?..

Галя не осознавала, но чувствовала – в сердце матери поселилась ревность. Ревность женщины, у которой слишком многое осталось в прошлом, к своей так внезапно повзрослевшей дочери.

– Будь осторожной, береги себя, – сказала мать вымученно. – Слушай врачей, не простужайся. У Клаваделя наилучшая репутация. Ты знаешь, Дмитрий Ильич сделал все возможное, чтобы отправить тебя в дорогой санаторий. Говорят, в Швейцарии лечат хорошо, и воздух, и медперсонал, и врачи – самые лучшие. Ты не сомневайся, ты обязательно поправишься. Скорее всего, пребывание в санатории тебе предстоит длительное, может, полгода, может, год или больше. Сколько нужно... Ты знаешь, мы не богаты, но для тебя, чтоб ты выздоровела, Дмитрий Ильич продал свои ценные бумаги... Денег немного, но тебе должно хватить. Ты не сердись, что я не могу тебя сопровождать – Лиза еще требует много внимания, да и дом я не могу оставить. Мы едва нашли средства, чтобы тебя одну направить в санаторий. Зато самый лучший...

Сквозь монотонный стук колес Гале вспоминались последние материнские слова, сказанные на перроне: о том, что она должна помнить о жертвах, которые ради нее принесла вся семья; все – братья, младшая сестра, она и Дмитрий Ильич – все они любят ее и будут ждать возвращения. Галя помнила бледное от морозного воздуха лицо матери и думала: отныне ей

суждено одиночество. И все ж отчасти это было уже знакомое ощущение – отлучение от семьи, и в то же время чувство причастности к иному миру, пока ей неизведанному, но столь притягательному. Галя уже была заражена вирусом если не роскоши, то достатка, который царил в доме университетского профессора Ивана Владимировича Цветаева, где она провела множество блаженных часов в обществе своей подруги Аси. Гале была близка и понятна жизнь, что не знает благоговения перед накоплениями «про черный день», где деньги превращаются в красивые платья, новые книги, путешествия. Марина Цветаева, старшая сестра Аси, в свои шестнадцать без сопровождающих, в одиночку отправилась в Париж. Смелый поступок молодой поэтессы, которая была столь же экстравагантна, сколь и талантлива, стал для Гали уроком. Отныне она тоже постарается освободиться от пут обязательств перед семьей, она подвластна только своим чувствам, только своему сердцу. Она будет жить так, как будто у нее нет прошлого.

Прошлое... Далекое детство в Казани, смерть родного отца, вторичное замужество матери, переезд в Москву. Игры, забавы и особенно любимые ею книги. Множество выдуманных историй, которые скрашивали тягостные дни, проведенные в постели. Господь не дал ей крепкого здоровья, а некоторое время назад врачи огласили безжалостный вердикт – туберкулез, страшная неизлечимая болезнь. Врачи утешают – ее болезнь в зачаточном состоянии. Но Галя знает – она приговорена! От чахотки умерла ее одноклассница. Болезнь отобрала мать у Аси Цветаевой.

Галя помнила, как изменилось лицо ее близкой подруги, когда в смятении она сообщила ей о своей болезни – словно невидимая преграда встала между ними, черты лица Аси окаменели, взгляд ушел вглубь. На смену близости пришла отчужденность. Галя почувствовала себя прокаженной, отринутой, преданной и в то же время понимала и прощала. Ася заслоняла себя от боли. Чахотка отняла у нее мать, очередь за ней, ее подругой.

Мысль о неизлечимой болезни, что побудила ее к дальнему путешествию, заставила вмиг похолодеть ее руки, ступни ног. Они начали мелко дрожать. При мысли о болезни и возможной скорой смерти в ней поднималось возбуждение, подобное тайфуну, готовое поглотить все ее мысли, все чувства, кроме темного, грозного ужаса перед неизвестностью. В ней росла необоримая жалость к себе, такой юной, хрупкой и беззащитной перед неизбежным. И в то же время она никак не могла представить, что ее вдруг не станет. Не будет ни ее хрупкого тела с безупречно-гладкой кожей, не будет ее рук с красивыми длинными пальцами и идеальной формы закругленными полумесяцем ногтями, не будет ни тонкого носа, ни губ, ни вытянутых ушных раковин с мягкими, чувствительными мочками. Ее, устремленной в будущее, полной жажды жизни, НЕ БУДЕТ! Нет, это невозможно себе представить. Что значит не быть, не жить, не дышать, не ощущать – она не знала, и не хотела знать. При слове «смерть» перед ней возникала картина московского кладбища, куда они с Асей и Мариной ходили на могилу их матери.

– Она умерла не от чахотки, от нелюбви, – тогда сказала Марина.

Эти слова, как и удушливый запах мелких белых цветков на соседней могиле да стрекот сверчков в кустах у кладбищенской оградки, прочно осел в ее памяти. Чувство долга перед уважаемым, но нелюбимым мужем свело Марию Александровну в могилу. Мать Аси и Марины любила не их отца – подруга ей много о том рассказывала и даже показывала мамин дневник с вырванными страницами, посвященными загадочному мужчине, которого и сама Мария Александровна, и ее дочери называли Тигром.

Тогда, около могилы Марии Александровны Цветаевой, Галя дала себе клятву: никогда не отрекаться от своих чувств даже ради самых благих намерений, ради приличий, принятых в обществе. Любовь нельзя отвергать даже ради семейного долга.

Любовь... Как часто они с Асей говорили о любви, вместе мечтали, смеялись над первыми поклонниками. Галя, вслед за сестрами Цветаевыми, даже пыталась писать стихи. Но слова подчинялись ей неохотно, не хотели строиться в ряды строк, не складывались в рифмы; ей было проще найти в чужой поэзии отражение собственных чувств, нежели самой выразить то, что пока еще смутно зрело в ее душе.

Кто он — ее Богом выбранный возлюбленный? Кому ей суждено стать спутницей жизни? Образ любимого предстал перед ее мысленным взором в разных обликах. То это был юноша с крепкими объятиями и взглядом с поволокой, с которым она танцевала на рождественском балу, или друг брата, гостивший в их доме в дни зимних каникул.

Алексей познакомил ее с первыми чувственными наслаждениями — пугающими и влекущими одновременно. При воспоминании о крепких, требовательных руках, расстегивающих пуговицу за пуговицей ее корсажа, о мокрых, мягких губах на своей коже, о смелых ласках в ее груди вздымалась темная, горячая волна и, затопив сердце, огнем разливалась по жилам. Но чаще всего она представляла себя в объятиях зрелого мужчины, многими чертами похожего на ее приемного отца.

Галя погрузилась в воспоминания. Она помнила, как нежилась в теплой, благоухающей розмарином воде в ванной комнате. По едва ощутимому напряжению, которое повисло в воздухе, она поняла, что не одна. Отодвинув полотняную шторку, она встретилась взглядом с отцом. С мелкими бисеринками пота на висках, с раздувающимися, как у лошади перед стартом, ноздрями, он смотрел на нее. Раньше она никогда не видела или не замечала у него подобного взгляда, странного и волнующего. Когда она поймала его полный вождения взгляд, то отвела глаза и увидела свое отражение в зеркале. Внезапно она увидела себя такой, какой, вероятно, видел ее он: волнистые влажные волосы, струящиеся по плечам, округлые груди с выпирающими острыми сосками, мягкие колени, двумя бугорками выглядывающие из-под воды. Она испытала непонятную радость и гордость за то, что она так молода и хороша собой, но в инстинктивном порыве целомудрия одна ее рука сама собой окунулась в воду и юркнула между бедер, другая закрыла грудь...

Монотонный стук колес и покачивание вагона наконец растворили ее воспоминания в стремительном потоке быстрых, неуловимых сновидений.

Дорога была долгой, с несколькими пересадками и пересечением границ. Галя выходила на станциях, гуляла по перронам, заходила в буфеты, обедала в привокзальных ресторанах. Она все реже возвращалась мыслями в прошлое. Поездка в одиночестве заставила сконцентрировать все свои силы. Простые решения, стоит ли принимать приглашение посетить соседнее купе, чтобы скоротать время игрой в карты с пожилой дамой, или как отвязаться от компании надоевшего попутчика, давались ей с трудом. Она скучала в уединении своего купе, но, с другой стороны, быстро уставала от пустых разговоров. Встречи со случайными людьми стали хорошей иллюстрацией отцовской правоты: она убедилась, что люди в большинстве своем ограничены и невежественны, обуреваемы гордыней, самолюбивы и лживы.

Эжен сложил письмо, сунул в конверт. Свеча тускло мерцала в сумраке комнаты, дрожащим пламенем встречая рассвет. Он перевел взгляд на окно. Глухая стена с черными провалами окон, а над крышами – блеклые брызги звезд по вылинявшему полотну неба. Он слышал еле различимый шум одиноких повозок, хлопанье дверей. Начиналось утро, а он так и не сомкнул глаз. Снова на фронт. В холод, скуку, грязь. Снова стать частью безликой массы в серых шинелях, овцой в стаде перед бойней. Он назначен старшиной в двадцать третью роту пехотных войск. Не страх, но непреходящая усталость сдавила ему грудь, перекрывая кислород, заставляя мучиться от болей. Эжен чувствовал себя не девятнадцатилетним, полным планов юношей, но глубоким стариком, прожившим, может, и долгую, но никчемную жизнь. Что было у него в прошлом? Ради чего стоило жить?

Взгляд его упал на конверт, белым квадратом выделяющийся на фоне темной столешницы. Письмо из России, от его подружки с бурлескным именем Галя. Письмо из прошлого...

Жизнь в Клаваделе ныне представлялась ему чем-то нереальным, «невсамделишным», их любовь – игрою, прекрасной, будоражащей кровь, полной азарта. Не более. Да и сам Эжен там, в Клаваделе, казался себе неким персонажем выдуманной истории. Расстояние и время, а главное – война отбросили недавние события в глубокое прошлое, расставили иные приоритеты, изменили его до неузнаваемости. Наверняка другой стала и сама Галя. Какая она сейчас, спустя почти год с момента их расставания на перроне Давоса? Над чем она сейчас размышляет? С кем встречается? Галя пишет, что ее ничто не интересует – ни семья, ни подруги, ни театр, что одно ее отдохновение – это книги, единственное, что удерживает ее на плаву, – его любовь. Но так ли это? Не лукавит ли она? Не хочет ли она убедить и себя саму, и его, что чувство, которое они испытали там, в Клаваделе, действительно было той самой любовью, которая им поможет выжить в этом страшном, несправедливом мире?

Гала, милая, славная девушка... Его сердце сладко заняло. Он стоял у окна, и его тело, все его опустошенное тело, вновь чувствовало трепетное касание ее рук... Он помнил запах ее волос, звук шагов, даже движение пальцев, крошащих ломтик хлеба. Только цельный образ куда-то ускользал, все более и более растворяясь в его воображении. Подчас ему представлялось, что Гала – не реальная девушка, живая плоть, а некий фантом, плод его снов, мечтаний, фантазий. Может, он просто выдумал ее, чтоб не так скучно было пребывать в сумерках будней?

Эжен попытался воссоздать ее облик, но он исчезал, размывался в наплывающих иных образах. Отчего-то ему вспомнилась женщина, приходившая мыть полы в госпитальной палате. Она была какой-то несчастной, всегда с печальным выражением на туповатом лице, бледном и жалком. Но когда она наклонялась и из-под подола показывались ее крепкие белые ляжки, отнюдь не жалость, но какое-то жуткое звериное чувство овладевало им. Может, и то, что он испытывал к поломойке, тоже есть любовь?

Эжен выхватил из конверта письмо, придвинулся ближе к свече, судорожно стал перечитывать. Думаю о тебе ежесекундно... без тебя пусто... Твоя навеки... люблю... целуй меня всю... мои глаза – тебе, мои руки, губы, я вся – только для тебя.

Он отложил письмо. Пока он был во власти ее слов, он верил, что есть какой-то смысл в их общем прошлом, внутренне соглашался, что у их дуэта есть общее будущее, но как только письмо оказалось в конверте, сомнения вновь овладели им.

Гала подписалась: «твоя жена навеки»... Жена?.. Он даже не может воссоздать в памяти ее облик. Какого цвета ее глаза? Темно-серые? Карие? Он не помнит! А когда-то видел в них отражение всего мира. Какова на ощупь ее кожа? Запах ее тела? Остались только смутные воспоминания. И если бы не ее письма, повторяющийся хоровод: «мой, только мой, мой дорогой, мой любимый», если бы не ее мольба о встрече, ее слова, воскрешающие картины былой страсти, он сумел бы стереть из своей памяти ненужную ему сейчас любовь. Но разве не было бы чудовищно отказаться от радостей жизни ради войны, смерти? Разве он вправе забыть свои обещания?

Эжен чувствовал, что наступила та минута, о которой Гала говорила ему в последнем письме – он должен принять решение. Это решение должно стать ключом к его и ее жизни. Он стоял у окна, смотрел на сереющее небо и размышлял. Может ли он позвать ее в Париж? Может ли взять на себя такую ответственность? Позови он ее, она придет, Эжен не сомневался. Для этой смелой до безрассудства русской раздираемые войной страны – не преграда. А если Гала придет в Париж, она останется. Навсегда. Отступления для него уже не будет.

Или все же решиться и написать ей, что сейчас, когда рушится мир, гибель их любви в кровавом пожаре войны – может, и трагическая, но неизбежность. Он – француз и должен идти воевать. Он обязан отдать свою жизнь Отечеству, принести себя в жертву. Как агнец на заклание?..

Но даже если не долг и не война, нужно ответить самому себе: действительно ли он жаждет видеть эту русскую рядом с собой, или все же он не готов?

Эжен смотрел вверх крыш и в дрожащем свете бледнеющих звезд искал ответ.

Вновь и вновь он вспоминал, как Гала лежала на постели и солнечные блики играли на ее обнаженных руках. Утомленная жаром болезни она уснула. Но тут он заметил, как судорога прошла по ее лицу, как напряглось все ее тело, сжались кулаки. Эжен помнил, как ему вдруг стало страшно. Он положил руку ей на горячий лоб, из-под веера ресниц мелькнул и угас ее горячий взгляд. Он наклонился к ее влажному виску и стал ей шептать слова. Что он говорил? Разве сейчас вспомнить? Но именно тогда он вдруг представил, как она лежит рядом с ним в супружеской кровати. И им сразу же овладело отчетливое ощущение, что так оно и должно быть. Он будет засыпать и просыпаться рядом с нею. Заниматься любовью, слышать, как она кричит в страсти, плачет от чувственных потрясений. И когда Гала открыла покрасневшие от жара глаза и ее горячая влажная рука коснулась его руки, ему показалось, что она прочла его мысли.

– Я не умру, – сказала она, и он не услышал вопроса. – Обещаю.

Растроганный ее воспаленным доверчивым взглядом, он встал перед ней на колени и зарылся лицом в подушку рядом с ее головой. Тогда его посетило откровение: вот это и есть любовь. И перед строгими ликами ее православных икон он поклялся, что она станет его женой.

Эжен стоял у окна и воскрешал в памяти ту минуту. Когда это было? Год назад? Десятилетие? Вечность?.. От прошлого его отделяла непроходимая пропасть. И действительно ли он брал на себя какие-либо обязательства? Разве он ответственен за ее жизнь? Разве он уверен, что любит эту странную русскую девушку? Может, он вовсе не способен к любви, но, поддавшись жалости, подстегиваемый жадой плоти, он придумал для себя эту игру в любовь? К тому же его подсознание было столь малодушным, что избрало для своих чувственных экспериментов иностранку из далекой, чуть ли не варварской столицы, не имевшую почти никаких шансов войти в его жизнь.

Эжен смотрел на гаснущее пламя оплавившейся свечи и понимал, что так до конца и не знает, то была жажда новых впечатлений, способных прогнать санаторную скуку, или все же любовь. И ему было грустно от своих сомнений.

Он поднес письмо к огню, нерешительно, колеблясь, огненный язычок лизнул угол конверта, на какое-то мгновение, вроде как задумавшись, замер и вдруг вспыхнул горячим ярким пламенем.

Эжен смотрел, как огонь пожирает бумагу, и вдруг его осенило, что не зная, чего он хочет, вполне естественно. Он не может принять решение, ибо он всего лишь маленький человек в больших обстоятельствах, на которые он не может ни повлиять, ни исправить, ни каким-то образом изменить. Идет война, он призван в армию, он солдат.